

ЛЕТОПИСИ СИБИРСКИЕ

ПРОШЛОЕ

БУДУЩЕМУ

ЛЕТОПИСИ
СИБИРСКИЕ

ЕТОПИСИ СИБИРСКИЕ

НОВОСИБИРСКАЯ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1991.

ББК 63.3(2)4
Л52

Составитель и переводчик
Е. И. ДЕРГАЧЕВА-СКОП

Летописи сибирские. /Сост. и общая редакция
Е. И. Дергачевой-Скоп.— Новосибирск: Новосибирское
книжное издательство, 1991.— 272 с.

ISBN 5—7620—0445—7

В книгу вошли тексты сибирских летописей, характеризующие
период присоединения Сибири к Русскому государству.

Л 4702010000—063 20—91
М 143(03)—00

ББК 63.3(2)4

ISBN 5—7620—0445—7

© Дергачева-Скоп Е. И., 1991

**История в некотором смысле есть
священная книга народов: главная,
необходимая; зеркало их бытия и дея-
тельности; скрижаль откровений и
правил; завет предков их потомству;
дополнение, изъяснение настоящего и
пример будущего.**

Н. М. КАРАМЗИН

Книга, которую Вы держите в руках, открывает новую серию Новосибирского книжного издательства — «Прошлое — Будущему». В ней найдут себе место лучшие произведения словесности Древней Руси.

Несмотря на участвовавшие в последние годы публикации древнерусских литературных памятников, интерес к ним не снижается. Это связано с высоким патриотизмом и глубоким гуманизмом русской средневековой литературы, с нарастающим интересом современного общества к своей истории и словесному искусству прошлого. Древнерусская литература, по праву считающаяся, по выражению Д. С. Лихачева, «духовным организатором мира культуры», была ярким явлением среди современных литератур — европейской и мировой. Это еще одна из причин живого интереса к миру духовного творчества наших предков.

Первый выпуск серии «Прошлое — Будущему» посвящен памятникам сибирской литературы Древней Руси. Сюда вошли сибирские исторические повести, так называемые сибирские летописи, созданные в XVI—XVII вв., главным образом в Сибири. Они посвящены важному, общероссийского масштаба, событию — походу казачьей дружины Ермака в Сибирь. С одной стороны, летописи складывались в большинстве случаев в народной среде или несли на себе яркий отпечаток народной версии этого события. С другой стороны, созданные талантливыми древнерусскими книжниками, сибирские летописи являются драгоценными памятниками традиционной литературы.

В рамках серии предполагается издать еще ряд книг, посвященных сибирской тематике. Сюда войдут «скаски» сибирских землепроходцев — рассказы людей, в XVI—XVII вв. открывавших «новые земли и новые дороги» в Сибири; «Житие» и другие произведения «огнепального» протопопа Аввакума, чья судьба на протяжении ряда лет была связана с Сибирью; сочинения и переписка Семена Шаховского, сибирского воеводы, и тобольского дьяка Третьяка Васильева.

Но книги серии не будут ограничены лишь сибирской тематикой. Разысканиями археографов установлено, что на территории Сибири среди местного населения самое широкое распространение получил практически весь репертуар древнерусской литературы. Старинные рукописи с текстами отечественных литературных памятников средневековья археографы обнаруживали в самых разных частях Сибири: на Алтае и в Саянах, в томской тайге и в степях Забайкалья. Эти книги читали, бережно сохраняли, переписывали, передавали из поколения в поколение сибирские старожилы — казаки, крестьяне-землепашцы, охотники, рыболовы... Произведения, бытовавшие в Сибири в рукописных книгах, в своей совокупности образуют тот круг чтения демократических слоев сибирского общества, который наиболее ярко характеризует уровень народной духовной культуры.

Можно надеяться, что книги этой серии найдут своего читателя, и таким образом прояснится еще одна нить, связывающая наше прошлое с будущим.

Л. А. ДМИТРИЕВ,
член-корреспондент АН СССР

ПРОШЛОЕ

БУДУЩЕМУ

**РУМЯНЦЕВСКИЙ
ЛЕТОПИСЕЦ**

Румянцевский летописец был известен П. И. Небольсину, а также издателем «Сибирских летописей» (Спб., 1907) по единственному дефектному списку середины XVII в., принадлежавшему графу Н. П. Румянцеву (1754—1826). Список не имел концовки и авторского заглавия. В настоящее время в составе больших компилятивных летописных сводов конца XVI — середины XVII вв. найдено более пятнадцати полных списков этого повествования. В нашем издании текст публикуется по рукописи, хранящейся в Государственном Историческом музее. Это летописный свод, который начинается баснословным рассказом о расселении скифских народов словена и руса и создании великого Словенска в третьем тысячелетии до н. э., и завершается очень важными для конца XVI в. известиями о событиях «сибирского взятия». Румянцевский летописец, повествующий только о самых первоначальных этапах присоединения Сибири, оканчивается эпизодом захвата в плен в 1586 г. одного из претендентов на сибирский престол — князя Сеид-Ахмата (Сейдяка). Румянцевский летописец послужил литературной основой многих летописей, посвященных сибирским событиям XVI—XVII вв.

О СТРАНЕ СИБИРСКОЙ И О СИБИРСКОМ ОТ ЕРМАКА ВЗЯТИИ

страна Сибирская от Московскаго государства на восточную страну, расстояние и места имеет от Москвы 2000 поприщ. Промеж сих каменье и горы превысокия зело, яко инем холмом до облак небесных досязати. На горах же каменных различни кедрии и иная дрeвеса. В них же живяху зверие различни — ови угодны на снeдeние человеком, еже есть елень, лось, заяц, или таушкан, инии же на украшение одеждам: лисица, бобр, россاماха, соболь, белка, подобная же сим, — и сладкопеснивыя птицы и многоразличныя травныя цветы. И реки многия истeкоша, ови поидоша в руския страны, ови в Сибирскую землю; в реках же каменье великое зело, реки же прекрасны, в них же воды сладкия, и рыб различных множество, и луги многия, и места скопитальная пространна зело.

Первая река Тура, по ней же живут вогуличи, язык имеют свой, поклоняются идолом. В сию же реку Туру вниде река Тагил, другая река — Ница, и сии трие реки, совукупившеся, идут в Сибирскую землю, но именуется Тура старейшинства ради; по ней же живут татаровя. Тура же вниде в реку Тобол; Тобол же вниде в реку Иртишь своим устьем, а Иртишь вниде в реку Обь. По сих реках живут татаровя, колмаки.

О ЗЕМЛЕ СИБИРСКОЙ И О ВЗЯТИИ СИБИРИ ЕРМАКОМ

Земля Сибирская от Московского государства лежит в восточном направлении, от Москвы на расстоянии 2000 верст. Между ними хребты и горы такие высокие, что иные вершины достигают облаков небесных. На горах же каменистых многочисленные кедровники и другие леса. А в них обитают звери различные — одни пригодны на снесь людям, такие, как олень, лось, заяц, или таушкан, другие же — на украшение одежды: лисица, бобр, росомаха, соболь, белка и им подобные, — и сладкогласные певчие птицы, и разные луговые цветы. И реки многочисленные (в горах) берут начало: одни текут в русские области, другие — в Сибирскую землю; по рекам же скалы огромные, а те реки прекрасны, в них же воды пресные и рыб различных множество, и лугов много, а пастбища удобны и очень обширны.

Первая из рек Тура, а по ней живут вогулы, говорят на своем языке, поклоняются идолам. И в ту реку Туру впадает река Тагил, другая река — Ница, и эти три реки, слившись, текут в Сибирскую землю, а называется Турой по причине (ее) первородства, по ней и живут татары. А Тура впадала в реку Тобол, а Тобол впадал в реку Иртыш единым потоком, а Иртыш впадал в реку

мунгалы, Пегая орда, остяки, самоедь и прочие языцы. Тотарове закон держат Бахметев; колмаки же неведомо кой закон держат или отцов своих предание, понеже писания о сем не обретох и испытати не могах. Пегая же орда, и остяки, и самоедь закона не имеют, но идолом поклоняются и жертвы приносят, зверина же и гадска мяса ядят, и кровь пьют, яко воду, и корение ядят. Остяки же одежду имеют от рыб, самоедь же от еленей. Великая же Обь вниде в губу Мангазейскую. Сия же губа два устьями вниде в море-Окиян прямо к северу. Тамо леди живут состаревшиеся и николи же тающе от великаго зноя солнечнаго, места же непроходимо и незнаемо чадию.

На рецы же Обе царь некий бе моаметова закона, именем Он, и убиен бысть. У него же бе сын Тайбуга. Сей прииде на реку Туру, и созда град, и нарече Чингиден, идеже ныне стоит Тюмень. Тайбуга же ту и умре. И по нем род его царствова.

По летех же неколицех Адоров сын Моаметь казанскаго царя Упака уби, и град Чингиден разруши, и постави себе град на реке Иртиши, и нарече Сибирь. И ту пожив и умре. Той же бысть начальный град, потом же и вся страна прозвася Сибирь. Грады же каждо свое имя имат по прилучею же и по смотрению; обще Сибирь именуется Сибирь, яко же и Римская страна Итталия нарицается от Иттала некоего, обладавшего странами вечерними, яко же свидетельствует Кронника латинская. Грады же Римския страны разныя имена имеют, обще же Итталия нарицается. А как сибирсти и гради имена нарицалися, и се неведомо и ни от кого же неиспытно, понеже бо прежде живяше по всей Сибирской земли чюдь, посему и писания несть.

По многих же временех прииде степью ис Казачьи орды царь Кучюм Муртазеев со многими воинскими людьми, и град Сибирь взят, и князей поби, и назвася царь сибирский, и многия языки под себе покори. И царствова царь Кучюм время немало.

В лето же государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа России на реке Волге множество бе казаков, на Дону. И бысть им по царьскому велению утеснение велико и изгнание с Волги и з Дону: и имающе их, по темницам сажашу и казнem предающе их смертным. И того ради атаманы и казаки поидоша с Волги и з Дону: Ермак Тимофеев с товарищи — 9 атаманов, Матфей Мещеряк, Иван Колцов, — с ними

Обь. По этим рекам живут татары, калмыки, монголы, Пегая орда, остяки, самоеды и другие народы. Татары закон Бахмета соблюдают, калмыки же какой закон соблюдают или заповеди отцов своих — неведомо, поскольку написанного об этом я не нашел и расспросить не смог. Пегая же орда, и остяки, и самоеды закона не имеют, а поклоняются идолам и жертвоприношения совершают, звериное и гадов мясо едят, и кровь пьют, как воду, и коренья едят. Остяки на одежду используют рыб, самоеды — оленей. Великая же Обь впадает в Мангазейскую губу. А эта губа двумя потоками впадает в море-Океан прямо на север. А там льды лежат вековые и никогда не тают даже от сильного зноя солнечного, местность же та пустыня и неизвестна людям.

На реке же Оби жил некий царь магометанской веры по имени Он и был убит. А у него был сын Тайбуга. Этот пришел на реку Туру, и поставил город, и назвал его Чингиден, где ныне стоит Тюмень. Тайбуга же в нем и умер. А после него род его царствовал.

По прошествии какого-то времени Моамет, Адеров сын, казанского царя Упака убил и город Чингиден разрушил, а поставил для себя город на реке Иртыше и назвал Сибирь. Здесь жил и умер. А тот город был столицей, потому-то и вся страна называлась Сибирью. Ведь города свое собственное имя получают по обстоятельствам или провидением. Вся Сибирь называется Сибирью, так же, как Римское государство Италией называется по имени Итала некоего, властвовавшего в западных странах, о чем свидетельствует Хроника латинская. Города же в Римском государстве различные названия имеют, все же Италией именуется. А какие названия имели сибирские города, и то неведомо и не от кого узнать, поскольку прежде населяла всю Сибирскую землю чужд, потому и письменного свидетельства не осталось.

Много лет спустя степью из Казачьей орды пришел царь Кучум Муртазеев с большим войском, город Сибирь захватил, князей перебил, назвался сибирским царем и многие народы себе подчинил. И царствовал царь Кучум лет немало.

Во времена государя царя и великого князя всея России Ивана Васильевича на реке Волге и на Дону было много казаков. И по царскому повелению началось на них жестокое гонение и преследование на Вол-

казаков 540 человек, и приидоша в Сибирь лета 7089-го. А инии пишут, яко призваша с Волги Строгановы и даша им имения и одежды добрыя, и оружия, пищади и пушки полковыя, и своих людей даша им, немец и литвы 300 человек. И поидоша в Сибирь Чюсовою рекою на реку Тагил, и плыша Тагилом и Турою до Тавды реки.

На усть же той реки поимаша татарина царева двора, именем Таузан. Татарин же той вся сказа про царя Кучюма. И начаша при нем стреляти изо оружия, и отпустиша его к царю Кучюму, да скажет про их пришествие. Той же татарин, пришед, сказа царю русских вой пришествие, и се сказа, яко: «Егда они стреляют из луков своих, ино ис конца дым и огонь исходит и голкнет громко, а пробивают наши куяки и бахтерцы навывлет». Царь же Кучюм велми печален бысть, слыша их мужество и храбрость, и вскоре посла во всю свою державу по мурзы и прочее воинство.

В мале же времени собрася множество татар, и остяков, и вогуличь, и прочих язык. И повеле Кучюм сыну своему Маметкулу со множеством войска итти на казаков бранию. Сам же повеле крепити осаду и засеку учини подле реку Иртишь под Чювашевым: засыпати камением и многими крепостями утверди, яко достойне осаде крепче быти. Маметкул же с воинством доиде до некоего урочища, иже имянуется Бабасан. Казаки же, видевше таковое собрание, нимало не убоишася. И бысть брань велия, и побиша множество поганых, а прочии на бегание устремишася. Казаки же поехаша в стругах по реке Тоболу. Татаровя же начаша з гор стреляти по них на струги, но помощию Божию казаки то место проидоша ничим невредимы.

И доидоша Карачина улуса, бе же Карача думчей царев. И ту бысть брань немала, и улус Карачин взяша, и множество богатства приобретаюша, и внесоша в струги своя, и доидоша реки Иртиша. Погани же приидоша на брег, овии на конех, а инии пеши, казаки же, вышед на брег, и сотвориша брань; паде же поганых множество, а прочии побегоша.

ге и на Донѹ: хватая, их по темницам сажали и предавали смертной казни. И потому атаманы и казаки ушли с Волги и с Дона: Ермак Тимофеев с соратниками — 9 атаманов, Матвей Мещеряк, Иван Кольцов, — с ними казаков 540 человек, и пришли в Сибирь в 1581 году. А некоторые пишут, что призвали их с Волги Строгановы и снабдили их припасами, и добротной одеждой, и оружием: пищалями и пушками полковыми, и дали им своих людей, иноземцев и литвы 300 человек. И двинулись (они) в Сибирь по реке Чусовой на реку Тагил, и плыли Тагилом и Турой до Тавды-реки.

В устье же той реки захватили татарского мурзу по имени Таузан. И тот татарин все рассказал про царя Кучума. И начали (казаки) при нем стрелять из ружей, и отпустили его к царю Кучуму, пусть расскажет про их появление. И этот татарин, придя, объявил царю о появлении русского войска, и вот что рассказал: «Когда они стреляют из луков своих, тогда из конца дым и огонь исходят, и грохнет гулко, а пробивают наши латы и кольчуги навывлет». Царь же Кучум весьма озабочен был, услышав об их мужестве и храбрости, и быстро послал по всей своей державе за мурзами и другими воинами.

В скором времени собралось множество татар, остяков, вогулов и других народов. И повелел Кучум сыну своему Маметкулу с огромным войском идти на казаков войной. А сам приказал крепить оборону и засеку устроить возле реки Иртыша под Чувашевым: засыпать камнями и всякими военными приспособлениями усилить, как и надлежит надежному укреплению. Маметкул же с войском дошел до некоего урочища, которое называется Бабасан. Казаки же, увидев такое войско, ничуть не испугались. И был тяжкий бой, и перебили множество неверных, а остальные обратились в бегство. Казаки же поплыли в стругах по реке Тоболу. А татары начали с берегов стрелять по стругам, но с Божьей помощью казаки то место прошли без потерь.

И подошли под улус Карачи, был же Карача советником царя. И здесь бой был немалый, но улус Карачи взяли, и добычу большую захватили, и уложили в струги свои, и прошли до реки Иртыша. Неверные же подошли к берегу, одни конные, другие пешие, а казаки, высадившись на берег, начали битву; погибло же неверных множество, а остальные отступили.

Царь же Кучюм, видя своих падение, изыде со многими людьми на высочайшее место, на гору, рекомую Чювашево, у засеки же остася сын его Маметкул со многими людьми. Казаки же поидоша по Иртишу ввѣрх и взяша городок Атый мурзы, и седоша в нем. В нощи же той быша в размышлении, видяще таковое воинство поганных, яко единому казаку братися з десятию или з дватцатию поганных. И того ради мнози устрашишася, хотяще бежати, а инии охранишася, Бога призвавше на помощь, поидоша на бой.

Октября 23 день паки вси совокупишася, молящеся и призывающе Бога на помощь, приступиша к засеке, и брань бысть велия. Погании же пустиша тмочислени стрелы, и бысть сеча зла. За руки имающеся сечахуся, и помощию Божиею начаша погании оскудевати, казаки гоняще их и секуще вослед.

Царь же Кучюм, стоя на горе висоце и видя падение велие своих, и повеле своим абызом кликати скверную свою молитву и призывать боги своя, и не бысть ничто же. Княжцы же остяцкия своими людьми отидоша кождо восвояси. Царь же Кучюм, виде своего царства лишение и, рече сущим с ним: «Побежим немедля, видим бо и сами, яко силнии наши изнемогоша и храбрии побиени быша. О люте! О горе мне! Увы мне! Что сотворю или камо бежю! Покры срамота лицо мое!» И много укоряя себе, и прибежа во град, и взя мало нечто от сокровищ своих царских, и побежа со своими, град же Сибирь остави пусту. Казаки же с побоища того поидоша во свой городок, яко поутрудишася.

Наутрие же поидоша ко граду Сибири безбоязненно. И егда быша близ града, во граде же не бе никакова гласа. Казаки же мняще, яко нечто лукавнуют погании и лукавства ради скрышася, они же упование на Бога возложиша, поидоша во град лета 7089-го октября в 26 день, и вшедше, ни обретоша ни единого тотарина. И прославиша Бога, давшего им победу.

По взятии сибирском в 4 день прииде во град князец остяцкий Бояр со многими остяки и принесоша Ермаку и казаком многия дары. Потом же и многия начаша приходити тотаровя з женами и з детми и начаша жити в первых своих домах.

Того же лета декабря в 5 день казаком, идущим к рыбной ловле на Абалак, и в станех своих почища без

Видя гибель своих, царь Кучум вышел с большим войском на самое высокое место, на гору, называемую Чувашево, а у засеки остался с большим войском сын его Маметкул. Но казаки прошли по Иртышу вверх, и взяли крепость Атый-мурзы, и засели в ней. И всю ночь провели в раздумье, видя такое войско неверных, что одному казаку надо сражаться с десятью или с двадцатью неверными. И того ради многие испуганы были, собираясь бежать, а другие, Бога призвав на помощь, набрались смелости, вышли на бой.

Октября в 23 день снова все воссоединились, молясь и призывая Бога на помощь, подступили к засеке, и был тяжкий бой. Неверные же выпустили бесчисленные стрелы, и началась жестокая битва. Сражались врукопашную, но с Божьей помощью стали ослабевать неверные, казаки же гнались за ними вслед, нанося удары.

Стоя на высокой горе и видя тяжкое поражение своих, царь Кучум приказал своим абызам возглашать богопротивную их молитву и просить милости у своих богов, но ничего не свершилось. Остяцкие же князьки все бежали со своими людьми восвояси. А царь Кучум, видя, что лишается собственного царства, обратился к приближенным: «Бежим немедля, ибо видим сами, что мужественные наши потеряли надежду, а смелые перебиты. О мука! О горе мне! Увы! Что делать буду и куда денусь? Покрыт позором род мой!» И, сильно укоряя себя, прибежал в город, и взял кое-что из сокровищ своих, и поспешно отступил со своими, а город Сибирь покинул. А казаки с побоища того ушли в свою крепость, потому как изнемогли.

Назавтра (казаки) безбоязненно подошли к городу Сибири. И когда приблизились к городу, то из города не слышали ни единого звука. Думая, будто что-то замышляют неверные и ради обмана спрятались, казаки надежду возложили на Бога, пошли в город октября в 26 день 1581 года, а войдя, не нашли ни единого татарина. И восславили Бога, даровавшего им победу.

После взятия Сибири на 4 день пришел в город князек остяцкий Бояр с другими остяками и принес Ермаку и казакам разные дары. После того и многие из татар возвратились с женами и детьми и стали жить в прежних своих жилищах.

В том же году в 5 день декабря казаки, уйдя на рыбную ловлю на Абалак, в шатрах своих заснули без

стражей, царевич же Маметкул пришед, поби тех в станах. И уведано бысть во граде, Ермак же со иными казаки догна их, и много поби поганых, и возвратися во град здрав.

Того же году посла Ермак с сеунчом к Москве атамана и казаков к государю, что его царским счастием Сибирское царство взяли. Казаки же приидоша к Москве, и поведано бысть о них государю, и повеле государь отписку у них принять и прочести пред собою. И слышав сия, прослави Бога. Казаков же государь пожаловал денгами и сукнами и в Сибирь послал Ермаку и казаком жалованье.

Прииде же к Ермаку тотарин и сказа, что царевич стоит на реце на Вагае, от града сто поприщ. Ермак же посла казаков, искусных ратному делу. Они же шед, нападоша нощию и побиша многих. Доидоша и до шатра царевичева, и взяша его жива со всем богатством, и приведоша к Ермаку во град, Ермак же утешаше его. Царь же Кучюм, ожидая сына своего многое время, и приидоша нецыи, поведаша ему, яко сын его взят в полон. Кучюм же плакася по нем и весь двор его. Потом же и Карача от него уеха, не восхоте быти у него в повиновении. И прииде к Юлымскому озеру, верх реки Иртиша и Оми, и ту пребываше. Потом же храбрый Ермак повоева многия городки и улусы по Иртишу и по Великой Оби, и Назимской городок взяша и со князем их и со всем богатством.

Лета 7091-го присла государь в Сибирь воевод своих князь Ивана Глухова да Семена Болховского со многими воинскими людьми. В то же время в Сибири глад бысть крепок, и мнози от глада помроша, и князь Семен Болховский умре. Понеже приидоша множество войска, и того ради наипаче глад бысть, понеже казаки запасы имеяху: сколько людей, толико и запасу строяще. Глад же бе зимой. Егда же прииде весна, начаша тотаровя и остяки приносить запасы от ловитвы, и паки бысть отрада велия от глада. Того же лета и царевича послаша к Москве со многими воинскими людьми.

О тотаровях казанских, иже начаша воевати русских людей

Богу попускающу за грехи наша овогда голодом, овогда пожаром, иногда же нашествием иноплеменных, иногда же межусобною бранию. Лета 7092-го ни от

охраны, а царевич Маметкул, напав, перебил их в тех шатрах. Как только узнали об этом в городе, так Ермак с другими казаками догнал их, и многих неверных перебил, и невредимым возвратился в город.

В том же году послал Ермак с посольством в Москву атамана и казаков к государю, что-де его царским счастием Сибирское царство взяли. Когда же казаки пришли в Москву и сообщено было о них государю, то приказал государь грамоту у них принять и прочитать перед собой. И, услышав обо всем, восславил Бога. И одарил государь казаков деньгами и сукнами, в Сибирь Ермаку и казакам послал милостивое слово.

Как-то пришел к Ермаку татарин и сказал, что царевичем разбит (лагерь) на реке на Вагае, от города в ста верстах, и Ермак послал казаков, искусных в ратном деле. Те же, подойдя, напали ночью и перебили многих. И, достигнув шатра царевича, захватили его в плен со всей его богатой добычей, и привели к Ермаку в город, Ермак же одарил его. Долго царь Кучум ждал сына своего, пока не пришел кто-то и не рассказал ему, что сын его взят в плен. И Кучум, и весь двор его сокрушались о том. А после этого и Карача ему изменил, не захотел быть его подданным. И ушел вверх по рекам Иртышу и Оми на Юлымское озеро и здесь обосновался. А после этого храбрый Ермак воевал многие крепости и улусы на Иртыше и на Великой Оби, и крепость Назимскую захватил с князем тем и с богатой добычей.

В 1583 году прислал государь в Сибирь своих воевод князя Ивана Глухова да Семена Болховского с большим воинским отрядом. А в то время в Сибири был жестокий голод, и многие от голода умерли, и князь Семен Болховский умер. Поскольку пришел большой отряд, потому голод стал еще сильнее, ведь казаки так запасы создавали: сколько людей, столько и припасов заготовлено. Голод тот был зимой. Когда же пришла весна, то начали татары и остяки приносить припасы с охоты, и тогда совсем избавились от голода. В том же году и царевича послали в Москву с большим отрядом.

О татарах казанских, которые начали враждовать с русскими людьми

Бог ниспосылает за грехи наши когда голод, когда пожар, а иногда нашествие иноплеменных или же междоусобную войну. В 1584 году не из чужеземных орд

чужих орд, ни земель, но от подданных царства Московского, взятое царство Казанское, и устроена в нем вера христианская, и церкви Божия, и по 31-м лете не похотеша погании веры христианския видети и под государевою рукою быти, воздвигоша рать и начаша пленити христиан. Государь, видя суровство их, и посла в Казань бояр своих и повеле их пленити. Они же, яко зверии суровии противляхуся им и яко змии жалами своими уядаху человеки, тако же и они погании побиваху московских людей, овогда на станах, и иногда на пути, бояре же и воеводы не могоша их отвратити.

**О знамении небесном
и о преставлении государя царя
и великаго князя Иоанна Васильевича всеа России**

Тоя же зимы явися знамение меж Благовещения Иоанна Великаго, явися крест на небеси да звезда с хвостиком, ближние же люди возвестиша о том знамении государю, государь же изыде на Красное крыльцо, и посмотрив на знамение, и рече предстоящим: «Сие знамение к смерти моей есть». И после того мало время спустя тое же зимы в недуг впаде тяжек. И узнав свое отшествие к Богу, повеле митрополиту Дионисию постричь себе и нарекоша имя ему Иона. На царство же благослови сына своего царевича Феодора Ивановича, а меньшему сыну своему царевичю Димитрию Ивановичю повеле дати удел град Угличь со всем уездом и з доходы со всеми, и преставися марта в 19 день, положен во Арханггеле в церькви. Приказа же государь брещи чада своя князь Ивану Петровичю Шуйскому, да Мстисловскому князь Ивану Федоровичю, да Никите Романову.

**О прислании ис Сибири
царевича Маметкула сибирскаго**

Лета 7092-го придоша ис Сибири с царевичем, и по приказу государя царя и великаго князя Феодора Ивановича царевичю была стреча честна. И жаловал государь царевича своим царским жалованьем, и служивых людей, кои с ним присланы, жаловал государь денгами, и сукнами, и кормом.

или земель, но данники царства Московского, покоренное царство Казанское, украшенное верой христианской и Божьими церквями, подняли меч и начали христиан брать в плен; на 31 году не захотели язычники истинной христианской познать и под рукой государевой быть. А государь, видя жестокость их, послал в Казань бояр своих и также приказал брать их в плен. Они же, как звери дикие, сопротивлялись им. И как змеи жалами своими уязвляют людей, так и эти язычники убивали московских воинов когда на стоянках, когда в пути; бояре же и воеводы не могли дать им отпор.

О явлении небесном и о кончине государя царя и великого князя всея России Иоанна Васильевича

В ту зиму было явление в Благовещение Иоанна Великого, появился крест на небе да звезда с хвостиком; думные же бояре сообщили о том явлении государю; государь же, выйдя на Красное крыльцо и взглянув на то явление, сказал стоявшим с ним: «Это предвестие смерти моей». И после того некоторое время спустя в ту же зиму болезнь его охватила тяжкая. И почувствовав приближение смерти, повелел митрополиту Дионисию постричь себя, а при постриге назван был Ионой. Царство свое он завещал сыну своему царевичу Федору Ивановичу, а младшему сыну своему царевичу Дмитрию Ивановичу приказал отдать в удел город Углич со всем уездом и с полными доходами и скончался марта в 19 день, положен в церкви Архангела. Приказал же государь опекать детей своих князю Ивану Петровичу Шуйскому, да князю Ивану Федоровичу Мстиславскому, да Никите Романову.

О присылке из Сибири царевича Маметкула сибирского

В 1584 году пришли из Сибири с царевичем, и по указу государя царя и великого князя Федора Ивановича царевичу встреча была с почестями. И одаривал государь царевича своими царскими милостями, а служилых людей, которые с ним посланы, одаривал государь деньгами, и сукнами, и кормом.

Того же году в Сибири приидоша от Карачи к Ермаку послы просити людей оборонити их от Казачьи орды. И даша на том по своей вере шерть, что никакова зла над ними, казаками, не зделат. И поверя их шертованию, даша им атамана да 40 человек казаков. И егда приидоша к нему в городок, и вси от него побие ни быша. И слышано бысть в Сибири казаком убивство сие, и плакаша по них Ермак и прочии казаки. Услышавше погании атамана и казаков убивство, и начаша везде казаков убивати, где ни обрящут, по волостем и улусам.

Того же лета в Великий пост прииде Карача со многими воинскими людьми и облегоша град Сибирь обозами, и табары поставиша,—сам же Карача ста в некоем месте, иже зовется Саускан, от града яко 3 поприща,—и многую тесноту деяше гражданам, и стоя до месяца июня. Казаки же тайно изыдоша из града к станом Карачиным в Саускан и нападоша на поганных, и бишася с ними крепце до полудни. И отступиша татарове, казаки же внидоша во град. Видев же Карача, яко невозможе одолети казаков, возвратися со стыдом восвояси.

Таже приидоша от бухарцов вестницы: яко царь Кучюм не пропустит в Сибирь. Ермак же взял с собою атамана да 150 человек казаков, поиде встречу по реце Иртишу в стругах. И дошед до реки Вагаю, бухарцов не обрете и паки поиде по Вагаю вверх до места, зовомаго Атбаш, и не обрете, и возвратися. Наставши же ноши, казаки же утрудишася от многого пути, и доидоша до Перекопи и ту обначевашася: поставивше станы себе, стражей же не поставившим. Царь же Кучюм уведа про них и по многих местех розосла татар. Тоя же нощи бысть дождь велий, татаровя же наидоша на них и сказаха царю. Он же в полунощи наиде на казаков, с ним же бе множество поганных, казаком же спящим безо всякаго опасения. Погании же нападоша и побивша всех, токмо один казак утече на судно. Ермак же, видя свое воинство побито и помощи ни от кого ж не имея, побежа в струг свой и не може доитти, понеже одян бе железом, стругу же отплывшу от берега. Он же утопе. Сия же быша августа в 5 день. Слышавше же во граде оставшиися, яко Ермак убиен бысть, и плакашася по них.

В Сибири в том же году пришли от Карачи к Ермаку послы просить людей для защиты от Казачьей орды. И поклялись как положено по их вере, что никакого зла им, казакам, не причинят. И, поверя их клятве, дал им (Ермак) атамана да 40 казаков. А когда те пришли к нему в крепость, то все были перебиты им. И прошел слух по Сибири об этом избиении казаков, и оплакивали их Ермак и остальные. Услышали неверные о гибели атамана и казаков и начали всюду, где ни достигнут, казаков убивать по волостям и улусам.

В том же году в Великий пост пришел Карача с большим войском и окружил город Сибирь обозами и разбил лагерь,— а сам Карача расположился от города в 3-х верстах, в урочище, которое называется Саускан,— и сильно досаждал горожанам, а стоял до июня месяца. И вот казаки тайно пошли из города к лагерю Карачи в Саускане, и напали на неверных, и сражались с ними жестоко до полудня. И отступили татары, а казаки вернулись в город. Видя, что не может одолеть казаков, Карача возвратился с позором восвояси.

После того пришли от бухарцев гонцы: царь-де Кучум не пропустит в Сибирь. Ермак же, взяв с собой атамана да 150 казаков, вышел навстречу по реке Иртышу в стругах. А дойдя до реки Вагая, бухарцев не нашел и прошел еще по Вагаю вверх до урочища, называемого Атбаш, но опять (их) не обнаружил и возвратился. Когда же ночь настала и казаки утомились от долгого пути, то вернулись к Перекопу и здесь заночевали: раскинули шатры, а караулы не поставили. Царь же Кучум узнал о них и в разные урочища разослал татар. В ту ночь был сильный дождь, но татары нашли их сообщили царю. Тот же со множеством неверных среди ночи вышел на казаков, а казаки спали без всякого караула. Неверные же напали и перебили всех, только один казак убежал на корабль. Ермак же, видя, что войско его перебито, и помощи ни от кого не ожидая, бросился к стругу своему, но не смог добраться; поскольку одет был в железа, а струг отплыл от берега. Вот он и утонул. Это случилось 5 августа. Когда слышали оставшиеся в городе, что Ермак убит, плакали.

И не решились остаться в городе, и, погрузившись в струги, поплыли вниз по Иртышу до реки Оби, Обью,

И убо яшася жити во граде, и седше в струги, поплыша вниз по Иртишу до реки Оби, Обью же до реки Соби и до Березова, а от Березова черес Камень побегоша к Руси. Град же Сибирь оставиша пуст.

Уведав же сие Алей царевич, Кучюмов сын, яко град Сибирь остана пуст, и пришед с воинскими людьми, водворися ту. Слышав же сия князь Сейдяк Бекбулатов сын, и собрася з домом своим и со всеми своими людьми и, пришед, взят град Сибирь, и царевича Алея и прочих победы и согна из града. И прият отчину отца своего Бекбулата.

Во второе же лето по убиении Ермакове прииде с Москвы в Сибирь воевода Иван Мансуров с воинскими людьми. И доплы до реки Иртиша, и виде на бреге поганов велико собрание, и слыша, яко казаки побегоша из града, и убо яся, не приста ко брегу, но поплыша вниз по Иртишу и доплыша до Великой Оби. Бе бо уже лед смерзашеся. Иван же Мансуров, виде, яко наста зима, и повеле поставити городок над рекою Обью против иртишскаго устья, и сяде в нем с воинскими людьми зимовати.

По николицех же днех приидоша множество остяков под городок той, и начаша приступати со всех стран, и бишася с ними целой день. Нощи наставши, остяки отступиша от городка, понеже приходиша остяки, кои живут по Великой Оби и по Иртишу.

Наутрие же паки приидоша под городок и принесоша с собою кумир, словяше у них Словутес. И поставиша его под древом, и начаша ему жрети, надеющеся помощию его град взяти. В то же время стрелиша и пушки из городка и древо, под ним же бе кумир, разбиша на многия части. Погании же устрашишася от сего, мняще бо, яко некто из лука стрелил. И реша друг ко другу: «Силни убо стреляти, яко и древо на многия части разбиша стрелою». И тако разыдошася восвояси.

Лета 7093-го приидоша с Москвы воеводы Василей Сукин да Иван Мясной, с ними же люди многия руския. И поставиша град Тюмень, иде же был град Чингиден, и дома себе устроиша, и церковь воздвигоша — в прибежище христианом.

Лета 7095-го прииде воевода с Москвы Данило Чюлков. И дошед реки Иртиша, и ту поставиша град Тоболеск. И бысть вместо царствующаго града Сибири град Тоболеск старейшина, понеже ту победа и одоление на бусурман.

же до реки Соби вплоть до Березова, а от Березова через Камень побежали в Русь. А город Сибирь покинули.

Алей-царевич, Кучумов сын, узнал о том, что город Сибирь покинут, пришел с войском и водворился в нем. Услышал же об этом князь Сейдяк Бекбулатов сын поднялся с родичами своими и со всеми своими подданными и, придя, захватил город Сибирь, а царевича Алея и прочих разгромил и изгнал из города. И овладел вотчиной отца своего Бекбулата.

На второй год после гибели Ермака пришел из Москвы в Сибирь воевода Иван Мансуров с воинским отрядом и подплыл к устью Иртыша, но видя на берегу огромное сборище неверных и слыша, что казаки покинули город, испугался, не пристал к берегу, а поплыл вниз по Иртышу и доплыл до Великой Оби. Здесь уже ледостав начался. И, видя, что зима пришла, Иван Мансуров приказал соорудить крепость над рекой Обью против иртышского устья и сел в ней с воинским отрядом зимовать.

Через несколько дней пришли многочисленные остяки под крепость ту, и начали подступать со всех сторон, и сражались с ними целый день. Когда ночь настала, то остяки отступили от крепости, поскольку приходили остяки, которые живут по Великой Оби и Иртышу.

Назавтра снова пришли (остяки) к крепости и принесли с собой идола, названного ими Словутесом. И поставили его под деревом, и начали ему молиться, надеясь с его помощью взять город. В это время выстрелили с крепости из пушки, и дерево, под которым находился идол, разбили на мелкие куски. Неверные же испугались этого, думая, что некто из лука выстрелил. И говорили друг другу: «Сильны же стрелять, даже дерево на мелкие куски разбили стрелой». Так и разошлись по домам.

В 1585 году пришел из Москвы воевода Василий Сукин, а с ним Иван Мясной да большой отряд русских. И основали город Тюмень, там, где был Чингиден, и дома себе выстроили, и церковь воздвигли — прибежище христианам.

В 1587 году пришел воевода из Москвы Данила Чулков. И, дойдя до реки Иртыша, построил тут город Тобольск. И стал вместо царствующего города Сибири город Тобольск первопрестольным, поскольку здесь побеждены и покорены басурмане.

По поставлении же града Тобольска не по мнозех днех изыде князь Сейдак из града Сибири, с ним же и царевичъ Казачьи орды и Карача думной, с ними же войска 500 человек. И доидоша до места, иже имянуется Княжь луг, и начаша пущати ястребы за птицами. Увидев же их воевода Данило Чюлков и посоветовав с людьми, посла к Сейдяку, чтоб он приехал в город советовать о миру, на чем бы мир поставить. Послании шед, сказаща ему о сих. Сейдяк же советовав с царевичем Султаном и с Карачей, и поидоша вси трое, взявше с собою 100 человек, прочих же оставиша вне града.

Воевода же срете их во вратех градных и повеле положить им оружия вне града. Пришедше в дом к воеводе, седоша за стол и начаша ясти. И многу глаголаню бывшу о мирном поставлении. Сейдяк же задумався сядяше, ни ядый, ни пия. Воевода же рече им: «Нечто вы зло мыслите на нас, ни ядите, ни пиете». По сем рече: «Аще не мыслите зла, то выпейте чашу за здравие». Приим же чашу Сейдяк, начат пити и поперхну в гортани его. Потом же приим Султан, начат пити и той такоже поперхну в гортани его. Такоже и Карача начат пити и поперхну в гортани его. Богу бо их обличающе! Воевода же помоав рукою воинским людем, они же начаша их имати. Сейдяк же кинуся в окно, за ним же и царевичъ, и Карача. Но поймав их, связаша, а прочии побиени быша. Сия же слышавше бывшии за градом, и тии вси побегоша, и во град свой не возвратишася. И бывшии во граде, слышав сия, и побегоша из града, яко не остася никто же во граде. Сейдяка же, и царевича, и Карачю послаша к Москве с воинскими людьми.

Царь же Кучюм многажды покушашеся итти на Сибирь и месть воздати. Некогда же собра воинство, и поиде в Сибирь, и доиде реки Иртиша, и немногия веси агарянския поплени, и побежа во своя. Уведано же бысть о сем в Тобольске, посла же за ним воевода войска, и догнаша его близ Поля и нападше, побиша людей его, и взяша у него две царицы, и сына, и множество богатства. Сам же Кучюм утече не со многими людьми, и доиде улуса своего, и оставшая люди взят, и иде в колмацкия улусы, и отгна конския стада. Колмацкия же люди догнаша его, и войско его побиша, и кони своя отполониша. Царь же Кучюм бежа в Нагаи и тамо от них убиен, скончася.

После основания города Тобольска через какое-то время вышел Сейдяк из города Сибири, а с ним царевич Казачьей орды и воевода Карача с войском в 500 человек. И подошли к тому месту, которое называется Княжий луг, и начали выпускать ястребов за птицами. Увидел же их воевода Данила Чулков и, посоветовавшись с людьми, послал к Сейдяку, чтобы тот приехал в город переговорить о мирном соглашении, на чем бы то соглашение построить. Послы, придя, объявили ему (Сейдяку) об этом. Сейдяк же переговорил с царевичем Султаном и с Карачей, и все трое пошли, взяв с собой 100 человек, остальных же за городской стеной оставили.

Воевода встретил их в городских воротах и приказал им оружие оставить за городской стеной. Придя в дом к воеводе, сели за стол за угощение. И был долгий разговор о мирном соглашении. Сейдяк же сидел задумавшись, не ел, не пил. Тогда воевода сказал им: «Какое зло вы замышляете против нас, не едите и не пьете?» И еще сказал: «Если не замышляете зла, то выпейте чашу за здравие». И принял чашу Сейдяк, начал пить, да поперхнулся. А после Султан принял (чашу), начал пить и также поперхнулся. Также, начав пить, и Карача поперхнулся. Ибо Богом избличаемы! Тогда воевода подал знак рукой воинским людям, и те начали их хватать. Сейдяк же бросился в окно, а за ним и царевич, и Карача. Но их, поймав, связали, а остальных перебили. Когда об этом услышали оставшиеся за городской стеной, все бросились бежать, но в свой город не возвратились. И те, что были в городе (Сибири), услышав, бросились бежать, так что никого не осталось в городе. Сейдяка же, и царевича, и Карачу послали в Москву с воинским отрядом.

Царь Кучум много раз пытался вернуть Сибирь и отомстить. Однажды (он) собрал войско, пришел в Сибирь, дошел до реки Иртыша, разорил несколько селений басурманских и ушел восвояси. Как только узнали об этом в Тобольске, послал воевода за ним войска, и догнали его на границе со Степью, и напали, людей его перебили, и захватили у него двух цариц и сына и огромные богатства. Сам же Кучум убежал с небольшим отрядом, а дойдя до своего улуса, остальное войско взял и когда шел через калмыкские улусы, то угнал конские табуны. Калмыкские же воины догнали его, и войска его разгромили, и коней своих отвоевали. Тогда царь Кучум бежал в Ногаи и там был ими убит.

РУМЯНЦЕВСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Румянцевский летописец, повесть «О Сибири», публикуется по рукописи Государственного Исторического музея (Москва): ОР ГИМ, Музейское, 3058. Это летописный свод, события в котором завершаются рассказом о походе Ермака; список середины XVII в. Публиковался нами в научном издании: Полное собрание русских летописей.— М., 1987.— Т. 36//Сибирские летописи. Часть 1: Группа Есиповской летописи.— С. 32—41.

С. 8 ...*2000 поприщъ*...— Поприще — мера длины, равная 1 версте (1,0668 км); см. также комм. к с. 80.

...*заяц, или таушкан*...— Такое пояснение встречается только в одном из многочисленных списков Румянцевского летописца (ГИМ, Музейское, 3058), по которому публикуется текст в данной книге. Поскольку в Сибири был широко известен земляной заяц, или большой тушканчик (из семейства грызунов), переписчик рукописи, которая создавалась в Сибири во времена митрополита Корнилия (70-е годы XVII в.), мог и включить такое пояснение. В тексте протооригинала имелся в виду, видимо, обычный, распространенный в лесах уральских гор заяц-беляк (из семейства зайцевых).

Первая река Тура...— Реки Тура, Тагил, Ница относятся к бассейну сибирских рек Иртыша — Оби.

...*вогуличи, язык имеют свой, поклоняются идолом*...— Вогуличами, или вогулами, называли русские источники XVI — XVII вв. народ манси, живший по левым притокам Оби: Конде, Сосьве; и притокам Иртыша в пределах нынешней Свердловской области: Туре, Тавде. Говорят на мансийском языке (из уральской семьи финно-угорской группы языков). В конце XVI — XVII вв. жили родоплеменным строем, сохраняли язычество (культ духов-покровителей, зооморфных предков, шаманство).

...*Тура... по ней же живут тотаровя*...— В низовьях реки Туры, на месте будущего Туринска, кочевали в XVI в. «тотаровя Епанча с товарищи». С. В. Бахрушин считает, что невозможно точно сказать, имеем ли мы дело с вогульским племенем, возглавлявшимся в силу завоевания татарским князьком, или с отатарившимися вогулами, «нельзя также выяснить и степень зависимости Епанчи от сибирского царства» (Миллер Г. Ф. История Сибири.— М.— Л., 1937.— Т. 1.— С. 477 — примечание С. В. Бахрушина).

...*тотаровя*...— Этническую основу западно-сибирских татар составляли тюркоязычные племена — кыпчаки, ногаи. В XIII —

XIV вв. они входили в состав Золотой Орды. Территория собственно Сибирского ханства образовалась в XV в. в результате распада Золотой Орды. Столицей ханства была Чинги-Тура (Тюмень, Онцимки; см. также комм. к с. 12), позднее — Кашлык (Старая Сибирь, Искер). С 1555 г. хан Едигер начал платить ясак «на Москву», признав вассальную зависимость своего ханства. С 1563 г. Сибирским ханством владел представитель династии шейбанидов, сын хана Муртазы Кучум (см. комм. к с. 10), плативший ясак Москве только до 1571 г. После этого года не только прекратилась выплата ясака, но и последовал ряд «антирусских действий Кучума» (Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI.— начале XVIII в.— М., 1972.— С. 20).

колмаки, мунгалы...— Монгольские ойраты по одной из легенд получили название от тюркского слова «хальмг», что означает «остаток» (ойраты, не принявшие ислам). В русских посольских документах конца XVI в. этот этноним, с пояснением «мунгалы», встречается достаточно часто. Во время покорения Сибирского ханства находились в состоянии постоянной вражды с Кучумом. К началу XVII в. часть ойратских тайшей приняла русское подданство.

С. 10 *...Пегая орда...*— Русское название межплеменного объединения XVI в. нарымских селькупов таежной зоны по левым и правым притокам Средней Оби. После основания Нарыма в 1596 г. (см.: ЦГАДА.— Сибирский приказ.— Кн. 1.— Лл 7 об.— 10), Пегая орда вошла в состав Российского государства в качестве подданных. Язык — селькупский, относящийся к самодийской группе уральской семьи языков. Верования традиционно языческие — культ анимистических предков, шаманство.

...остяки...— Племена, известные в русских летописях под названием югры, получили татарское название «уштяки» (остяки); современное название — ханты. Живут по Оби, Иртышу и их притокам. Восточные остяки, обитавшие по притокам среднего течения Оби, испытали влияние селькупов. Южные, жившие по течению Иртыша, Тобола и Туры, рано подверглись влиянию татарских племен (см. также комм. к с. 110). По языку и происхождению близки манси. Как и селькупы, и манси — язычники, сохраняли шаманизм, культ анимистических тотемов, охотничьи и промысловые культы.

...самоедь...— Русские летописи самоедами, самоедью называли ненцев, энцев и селькупов. Здесь речь идет о лесных ненцах, населявших низовья Иртыша и Оби, некоторые из притоков Средней Оби, истоки Надыма, верхнее и среднее течение р. Пур. По верованиям — язычники, поклонялись духам неба, земли, огня, рек и т. д.

Тотарове закон держат Бахметев...— В старых русских источниках основатель ислама Мухаммед (Мохаммед, Магомет) часто именуется Бахметом. Татары относились к одному из наиболее широко распространенных направлений ислама — суннизму, которое наряду с Кораном, главной священной книгой мусульман, признает Сунну — мусульманское священное предание.

...колмаки же неведомо кой закон держат...— Большая часть калмыков в XVI в. по религиозным верованиям относилась к буддистам-ламаистам; несколько позднее, к началу XVII в., среди ставших подданными русского государя ойратских тайшей появились и православные христиане.

С. 10 *...море-Окиян...*— В древнерусских источниках так обозначалась часть Мирового океана, омывающего Евразийский континент, а также моря Северного Ледовитого океана.

Тамо леди живут...— В рукописи по которой публикуется текст,— «люди»; исправлено по другим летописям. В двух списках (достаточно поздних — середины XVIII в.) это место читается по другому: «И тамо люди живут. Состаревшийся снег николи же тающе от великаго зноя солнечнаго» (Сибирские летописи// Полн. собр. русских летописей.— Т. 36, ч. 1.— М., 1987.— С. 38).

...моаметова закона...— См. комм. к с. 10.

...царь некий... именем Он...— Здесь — ишимский царь, правитель Сибирского ханства; в других летописных источниках именуется Онсом, Иван. От сына Она Тайбуги, по преданию, и пошел «Тайбугин род», с представителями которого, ханом Едигером и его братом Бик-Булатом, вступил в борьбу за сибирский престол хан Кучум. С. В. Бахрушин в комментарии к «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера приводит родословную Едигера от Тайбуги; в последнем колене назван Сеид-Ахмат (Сейдяк), сын Бик-Булата, потомок Абалака, племянник Едигера. См. также комм. к с. 22.

...нарече Чингиден...— Древнетатарская столица; в различных источниках известна также как Чимги, Чинги-тура, Чимги-тура, в XIII—XV вв.— Тюмень. Кõ времени прихода в Сибирь дружины Ермака город был, вероятно, разрушен. На его месте и построен русский город Тюмень («и создаша на том городище в Сибири первый град и назваша его по старому имени Тюмень», — сообщает Новый летописец.

...Моаметъ казанского царя Упака уби...— По грамоте царя Федора Ивановича Кучуму с предложением перейти в подданство к русскому царю (СГГД. Т. 2. № 68), царь Упаk — Ибак был дедом Кучума. Моамет (Мухаммед), убивший Упака, был дедом Едигера.

...яко же и Римская страна Итталиа нарицается ото Иттала некоего, обладавшего странами вечерними...— Эта фраза совпадает с такой же из 107 главы Русского Хронографа в редакции 1512 г., однако, вполне возможно, что это сравнение было заимствовано в повести прямо из первоисточника, который в Румянцевском летописце именуется: «Кронника латинская». Это типичный образец объяснения государственного топонима от имени легендарного царя.

...прежде живяше по всей Сибирской земле чюдь...— Чудь — древнерусское название финских племен. «В поганские человеки, еже зовут Югра и Печера, идеже живут чудь и самоедь» уже в XIV в. ходили русские торговцы (Смирнов М. И. Переславль-Залесский, его прошлое и настоящее.— М., 1911.— С. 60; Бахрушин С. В. Научные труды.— М., 1955.— Т. III, ч. 1.— С. 139). «Чудью» русские также именовали коренных жителей Среднего Иртыша, бывших здесь до прихода татар и исчезнувших под натиском кочевников. По иной версии (по иному преданию) чудь, испугавшись Ермака и внезапно явившейся с ним белой березы — признака власти Белого царя, — вырыли подкопы, ушли туда со всем своим добром, подрубили стойки и погибли; память по себе оставили лишь в «чудских городищах», «чудских коях».

...ис Казачьи орды...— Часть Казахского ханства, видимо, Кышжуз — Западный Казахстан. В русских источниках часто отождествляется с ногаями. Образовано в конце XV в.

...Кучюм Муртазеев...— Сын хана Великой Бухары Муртазы, представитель династии бухарских шейбанидов. Кучум в 1563 г. победил потомка Тайбуги тюменского хана Едигера и стал сибирским ханом. До 1571 г. Кучум платил Москве ясак (см. также комм. к с. 8). При Кучуме впервые в Сибири была введена магометанская вера, заменившая идолопоклонство.

...царя... Ивана Васильевича...— Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584), сын великого князя Василия III. После смерти отца в 1533 г. объявлен великим князем; в 1547 г. венчан на царство с титулом царя.

Ермак Тимофеев с товарищи...— В образе покорителя Сибири Ермака летописная и фольклорная традиции часто объединяют трех известных героев: Ермака Тимофеевича Аленина, Ермака (также Тимофеевича) — донского атамана, бывшего на службе у Ивана Грозного, и Ермака Остафьева, погибшего в Енисее в битве с каинскими (котовскими) татарами. Оригинальную версию биографии Ермака дает «История о взятии Сибирской земли» (Бузуновский летописец; см. настоящее издание, с. 208—209). Известны имена пятерых атаманов войска Ермака: Иван Кольцо, Иван Гроза, Матвей Мещеряк, Никита Пан, Яков Роголенков.

С. 12 ...приидоша в Сибирь лета 7089-го...— В Древней Руси было принято летосчисление «от сотворения мира». Между «сотворением мира» и «Рождеством Христовым» считается 5508 лет, следовательно, дата прихода казаков в Сибирь, указанная здесь — 1581 г.

А инии пишут...— Здесь автор Румянцевского летописца имеет в виду особую версию похода дружины Ермака, наиболее полно изложенную в Строгановской летописи (см. с. 108—109 — настоящего издания).

...яко призваша с Волги...— В некоторых списках Румянцевского летописца в этом месте добавлено имя Строгановых — «А инии пишут, яко призваша с Волги Строгановы...»; в тексте исправлено по этим спискам.

...немец и литвы...— Здесь имеются в виду воины так называемых немецких и литовских полков русского войска. В немецких полках, организованных по западно-европейскому образцу, часто служили русские люди под началом иноземных офицеров. В состав литовских полков кроме литовцев входили также белорусы.

...поимаша тотарина царева двора, именем Таузан...— В других источниках слуга царя Кучума, от которого казаки получили сведения о татарской столице и о Кучуме, именуется Таузак, Таусин, Заусан, Таусан, Канцелей (см. также комм. к с. 230).

...куяки...— Латы из кованых металлических пластинок, нашитых на ткань.

...бахтерцы...— Доспех, заменяющий латы или кольчугу, набирался из плоских пластинок, колец и блях, которыешивались на верхнюю одежду (на полукафтанье).

...сыну своему Маметкулу...— Речь идет о татарском царевиче Маметкуле (Мухаммед-Кули), сыне Алтаула, брата царя Кучума.

т. е. кучумовском племяннике, а не сыне. В Москве, после пленения его русскими, Маметкула величали «Алтауловичем». В московских разрядных книгах 1590—1598 гг. Маметкул числится как полковой воевода. Г. Ф. Миллер (История Сибири. Т. 1. С. 254) считает, что Алтаул был братом Муртазы, отца Кучума (т. е. дядей царя Кучума). Джером Горсей в «Записках о Московии» (Спб., 1909.— С. 76) пишет о Маметкуле: «Здесь я видел, когда он делал странные военные маневры, то на коне, то пешком, по ихнему обычаю, и слышал я от него, что в их земле были англичане или люди такие по виду, как я, взятые ими с кораблем года два тому назад с пушками, порохом и другими запасами, когда они ехали по реке Оби искать пути в Китай через северо-восток...». См. также об этом комм. к с. 76.

...засеку учини...— Оборонительное сооружение из поваленных деревьев, сложенных вершинами наружу для затруднения передвижения.

...доидоша Карачина улуса...— Татарский улус в 16 верстах от устья р. Тобола на берегу озера, называемом Карачиным.

...Карача, думчей царев...— Мурза, советник Кучума. Слово «карача» в переводе с татарского означает верного и преданного слугу и было званием, а не именем. Это звание существовало не только при дворе сибирского царя, но и при дворах казанского и крымского ханов, у князей ногайских (см.: Вельяминов-Зернов В. В. Исследования о Касимовских царях и царевичах.— Спб., 1864.— Т. 2.— С. 411—437; Миллер Г. Ф. История Сибири.— М.— Л., 1937.— Т. 1.— С. 487).

С. 14 *...городок Атый мурзы...*— В других сибирских летописях татарский мурза именуется Атик. Укрепленный городок Атика мурзы располагался в 5 км от устья Тобола вверх по Иртышу и, наряду с другими городками, охранял подступы к тогдашней столице Сибири.

...князец остяцкой Бояр...— Хантыйский князь с низовьев Иртыша. В награду за «мирное покорение» после смерти Бояра его сыновья Оксент и Кармышак оставались правителями.

...Абалак...— По преданию — любимая вотчина царя Кучума под Тобольском; позднее, в 20—30-х годах XVII в. на этом месте был построен Абалацкий монастырь.

С. 16 *...прииде к Юлымскому озеру...*— Ялынское, Чулымское озеро — система озер по течению р. Чулым (Угрим, Сарагуль, Малые Чаны, Чаны) в Барабинских степях.

...Назимский городок...— Хантыйский городок при впадении р. Назым в Обь.

...что его царским счастием...— Формула, часто встречающаяся в разного типа известительных грамотах. Ср., например: «Божиею милостию и пречистые Богородицы заступлением и великих чудотворцов молением и его царским счастием окоянный царь Крымский усташися, побеже» (Никоновская летопись, 7091/1583 г.).

...улусы...— Здесь — в значении поселения, стойбища, становища кочевых народов. Иное значение слова «улус» см. в комм. к с. 136.

...присла государь в Сибирь воевод своих...— Сохранилась грамота Ивана Грозного Строгановым с требованием приготовить

к весне 1584 г. 15 стругов для войска, посланного в Сибирь под предводительством воеводы Семена Дмитриевича Болховского и стрелецких голов Ивана Киреева и Ивана Глухова (ЦГАДА.—Ф. Строгановых.— № 13; опубликовано: Миллер Г. Ф. История Сибири.— Т. 1.— С. 343—344).

...голова...— Военное или гражданское должностное лицо в России в XVI—XVII вв.

С. 18 *...Лета 7092-го... от подданных царства Московского... воздвигоша рать...*— В 1584 г. в Поволжье, в Казани и Астрахани произошли волнения коренных жителей, которые «поддались к Сибири и учали быть воровать. И государь наш посылал воевод своих, и... воеводы в тех волостех всех изменников, сыскав, казнили и города поставили для укрепления...» (Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVIII в.— М., 1972.— С. 46—47).

...Красное крыльцо...— Парадное крыльцо в Кремле, на котором царь часто принимал послов.

...повеле митрополиту Дионисию постричь себе и нарекоша имя ему Иона...— Постригшись перед смертью в монахи, Иван Грозный получил монашеское имя Иона.

...на царство же благослови сына своего... Федора Ивановича...— Младший сын Ивана Грозного от первой его жены Анастасии Романовны Захарьиной-Кошкиной. Родился в 1557 г., был женат на сестре Бориса Годунова; на московском престоле с 1584 г. При его правлении возросло влияние Бориса Годунова. Федор скончался в 1598 г.

...меньшему сыну своему царевичю Димитрию Ивановичю повеле дати удел град Углич...— Младший сын Ивана Грозного Димитрий Иванович (1582—1591) от седьмой жены Марии Федоровны Нагой. По завещанию Грозного в удел Димитрию был дан город Углич, где он и погиб в возрасте 9 лет.

...положен во Архачгеле в церкви...— Архангельский собор Московского Кремля, сооруженный Алевизом Новым и законченный строительством в 1508 г., был усыпальницей русских царей и великих князей.

Приказа же государь бреши чада своя князь Ивану Петровичю Шуйскому, да Мстисловскому князь Ивану Федоровичю да Никите Романову...— Иван Грозный перед смертью назначил своеобразный регентский совет, призванный опекать слабого царевича Федора. По ряду других источников в этот совет, кроме перечисленных, входили Богдан Бельский и Борис Годунов. Подробнее об этом см.: Зимин А. А. В канун грозных потрясений.— М., 1986.— С. 104—152.

С. 20 *...поверя их шертованию...*— Шерть — присяга, первоначально относящаяся лишь к регулярной уплате дани — ясака. Сопровождалась со стороны присягающих магическими обрядами (питье собачьей крови, присяга на медвежьей шкуре, хождение между половинами рассеченной собаки, питье с золота и т. д.).

Того же лета в Великий пост...— В 1584 г. Великий пост был со 2 марта по 18 апреля.

...придоша от бухарцов...— Бухарские купцы со второй половины XVI в. проявляли наибольшую активность в торговле с Русским государством. С 80-х годов XVI в. бухарские купцы яв-

лялись на Русь ежегодно; «гости от царя Бухарского и Шамарханского» состояли под покровительством самого Ивана IV.

...дошед до реки Вагаю...— Левый приток Иртыша, впадающий в него в 50 км от устья Тобола.

...до места, зовомаго Атбаш...— Бугор на западном берегу р. Вагай. «Атбаш» в переводе с татарского означает «лошадиная голова».

...доидоша до Перекопи...— Перекопъ — запруда, плотина через реку.

...Сия же быша августа в 5 день...— Все сибирские летописи указывают именно эту дату — ночь на 5 августа 1584 г.

С. 22 ...Алей царевич...— Алей (Али, Авлей) — сын царя Кучума, мурза ногайский. После гибели Ермака и бегства русских из ханской столицы Сибири обосновался там, но был изгнан Сейдяком Бекбулатовым (см. комм. к с. 10); позднее был взят русскими в плен.

...князь Сейдяк Бекбулатов сын...— Сейдяк (Сеид-Ахмат), татарский князь, племянник убитого Кучумом сибирского князя Тайбугина рода Едигера, сын князя Бекбулата (см. комм. к с. 10). Был взят в плен Данилой Чулковым, затем состоял на службе у московского царя.

...прииде с Москвы в Сибирь воевода Иван Мансуров с воинскими людьми...— В 1585 г. царь Федор Иванович послал в Сибирь на смену Ивану Глухову нового воеводу Ивана Мансурова во главе воинского отряда в 100 человек (по другим источникам — в 700). В этом же году отряд Мансурова построил городок (текст см. ниже).

...повеле поставити городок...— Отряд Ивана Мансурова построил первый русский городок в Сибири на северо-восточном берегу Оби против устья Иртыша. Укрепленный тыном городок существовал только одну зиму, а затем был покинут. Остяки называли его Руш-Ваш (Русский городок).

...и принесоша с собою кумир...— Г. Ф. Миллер в первой половине XVIII в. записал рассказ одного из остяков о Белогорском идолу: «...этот шайтан представлял фигуру человека небольшого роста, очень грубо сделанную из дерева. Но дерево нельзя было заметить, так как все лицо идола было покрыто белой жемчужной и имело только отверстия для глаз, носа и рта; большая меховая шапка скрывала голову, и множество одежд и мехов покрывали прочие части шайтана. По сторонам его стояли две женские фигуры, соединенные между собой березовыми обручами; на них были надеты женские одежды, какие носят прислужницы. Отдельно стоящая небольшая юрта, где сохранялся шайтан, вся была обтянута изнутри красным сукном, а на полу ее лежал персидский ковер. Поклонение шайтану состояло в том, что остяки свистели перед ним, подобно тому, как манят собаку, и только в этом одном состояла их молитва. Они приносили ему в дар лучшие одежды и меха и, наконец, убивали ему в жертву быка или лошадь, если им удавалось добыть их у татар. Впрочем, при этом самое большое удовольствие получали они сами, съедая мясо жертвенного животного. За этой святыней наблюдал шайтанщик, причем он же делал предсказания. Таким шайтанщиком был в последние годы язычества остяков Мастерко, поэтому русские называли этого шайтана «Мастерков шайтан». Остяки же, отмечая

его большое значение перед прочими, дали ему имя Орт-лонк, что означает «князь шайтанов». Рассказывают далее, что остяки при переселении из Пермской земли в Сибирь принесли его с собой и с той поры всегда почитали его, пока, наконец, в недавнее время они не приняли христианства и русские, найдя этого шайтана, не сожгли его вместе с прочими остяцкими шайтанами». (Миллер Г. Ф. История Сибири.— Т. 1.— С. 248).

Лета 7093-го приидоша с Москвы воеводы Василий Сукин да Иван Мясной...— Из Москвы в Сибирь был послан на помощь отряду И. Мансурова сравнительно небольшой отряд стрельцов и казаков (300 человек) под началом воевод Василия Борисовича Сукина и Ивана Мясного. Г. Ф. Миллер указывает начало похода В. Б. Сукина не 1585, а 1586 год, считая также, что в составе этого отряда находился письменный голова Данила Чулков (см. комм. к с. 204), который в 1587 г. получил царский указ возглавить пришедший из Москвы новый воинский отряд в 500 человек в походе на Иртыш для строительства города Тобольска близ татарской столицы Сибири.

И бысть вместо царствующаго града Сибири...— Сооруженный в 1587 г. как небольшое деревянное укрепление с несколькими постройками для жилья, Тобольск вскоре стал столицей Сибири, местом пребывания сибирских губернаторов и церковных иерархов.

С. 24 ...не по мнозех днех...— Описываемое далее событие относится к 1588 г.

...царевичъ Казачьи орды...— Имя царевича Казачьей орды — Ураз-Мухаммед, сын Ондан-султана. После взятия в плен людьми Д. Чулкова был доставлен в Москву, состоял при царском дворе. Борисом Годуновым в 1600 г. был назначен «царем» в Касимов. В 1608 г. служил Лжедмитрию II; в 1610 г. Лжедмитрий по подозрению в измене велел его убить.

...Князь луг...— Луг на восточном берегу Иртыша от Чувашского мыса до Тобольска.

...начаша пуцати ястребы за птицами...— Ястребиная охота была излюбленным развлечением татарской знати. Сибирь на всю Европу славилась ловчими птицами.

...выпейте чашу за здравие...— Здесь подразумевается обряд выражения верноподданнических чувств к русскому государю в лице его посланцев. Имеются литературные произведения с характерным названием «Чаша государева».

...послаша к Москве с воинскими людьми...— Сибирских пленников, прибывших в Москву 10 сентября 1588 г., торжественно встретили; им были пожалованы земли, они были зачислены на государеву службу.

Царь же Кучюм многожды покушашеся итти на Сибирь...— Кучум с небольшими отрядами неоднократно нападал на селения вокруг Тобольска, причем жертвами его набегов чаще всего становились татары, платившие русским ясак. После одного из таких нападений в 1591 г. воевода В. В. Кольцов-Масальский, сменивший Д. Чулкова на тобольском воеводстве, снарядил за Кучумом погоню. Кучум был настигнут 1 августа на р. Ишиме, у озера Чиликуль; в этом бою отряд Кучума был разгромлен, взяты в плен царевич Аблегири и две жены Кучума, а оставшиеся в живых бежали. Но и после этого Кучум продолжал нападать на

жителей различных селений; необходимостью обороны от этих набегов, в частности, было вызвано строительство Тары. Этот город стал отправным пунктом целой серии походов против Кучума — в 1594, 1595, 1597 гг. В походе, начавшемся из Тары 9 мая 1598 г. под началом воеводы князя Ивана Масальского, отряд Кучума был полностью разгромлен 20 августа на р. Оби — в бою пали 6 князей, 10 мурз, 150 воинов; 100 человек утонуло в Оби, 50 взято в плен. Кроме того, в плен были взяты сыновья Кучума царевичи Шаим, Асманак, Бибадша, Кумыш, Молла (в возрасте от 5 до 20 лет), восемь цариц — жен Кучума, жены старших сыновей Кучума, восемь царевен — его дочерей. Есть свидетельства о гибели в этой битве самого Кучума.

...веси агарянския... — Агарь — библейский персонаж, рабыня-египтянка, родившая от Авраама сына Измаила. По преданию, она является родоначальницей магометан, которых часто в источниках называли по ее имени агарянами, или же по имени ее сына — измаильтянами.

...иде в колмацкиѣ улусы... — Кучум с небольшим отрядом кочевал в районе оз. Зайсан (Восточный Казахстан). По пути в Ишимские степи отряд Кучума был разгромлен калмыками, мстившими за похищенных у них лошадей.

...Кучюм бежа в Нагаи... — Сын Кучума Канай сообщал, «что бухарцы отца-де их Кучума, заманив в Колмаки, оманом убили» (Миллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 1. — С. 502 — примечание С. В. Бахрушина).

ПРОШЛОЕ

БУДУЩЕМУ

**ХРОНОГРАФИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ**

Хронографическая повесть «О победе на бесерменского царя Кучума...» сохранилась в двух списках в составе так называемого «Хронографа, разделенного на 410 глав». Эти списки происходят из частных собраний известных деятелей первой трети XIX в. — историографа Н. М. Карамзина и сенатора графа Ф. А. Толстого. Хронограф представляет собой гигантскую историческую компиляцию библейской, греческой, римской, отчасти европейской, славянской и русской истории, выполненную в 50—60-е годы XVII в., но содержащую уникальные литературные произведения более раннего времени. Так, в раздел («Степень семнадцатую»), повествующий о царствовании Ивана IV Грозного, входит его переписка с Андреем Курбским. В этом же разделе помещена и повесть «О победе на бесерменского царя Кучума...», созданная не позднее конца 20-х годов XVII в. Собственно историческая часть повести — рассказ о «взятии Сибири» — заканчивается известием об основании Тобольска. Хронографическая повесть имеет несомненную связь с Румянцевским летописцем и «Синодиком Ермаковым казакам». Повесть публикуется по рукописи, принадлежавшей графу Ф. А. Толстому.

**О ПОБЕДЕ НА БЕСЕРМЕНСКАГО СИБИРСКАГО ЦАРЯ
КУЧУМА МУРТОЗЕЛЕЕВА,
И О ВЗЯТИИ СИБИРСКОГО ЦАРСТВА,
И О РОЖДЕНИИ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРИЯ,
И О ПОСТАВЛЕНИИ ГРАДА ТОБОЛЬСКА,
И О ЛЮДЕХ РАТНЫХ, И О РОЗНЫХ ЗВЕРЯХ
И ЗМИЯХ ВЕЛИКИХ, И О ПТИЦАХ ДИВНЫХ,
ИЖЕ ОБРЕТАЮТСЯ В ТОМ СИБИРСКОМ ЦАРСТВЕ**

лето 7089 сентября, при державе благочестиваго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси, Богу изволившу месть воздати бесерменом, стужаху бо сии на многое время православным христіяном. Избра Бог и посла не от славных муж, ни повеления царска воевод очистити место святыни, и победити бесерменскаго царя Кучума, и разорити богомерзская их капища поволзскаго атамана Ермака.

Сей убо Ермак не от славных бысть, но от простой чади, вселился на Дону с протчими своими сверстники и многие пакости деяху по Волге реке, грабяще и кровь христіянскую проливающи, яко и в слуха доити благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси. Ермак же, узнав свое пред Богом согрешение и пред царем свою вину, зело убояся и нача помышляти о себе, как бы им избыти от царскаго гнева, понеже обретошася царскому повелению противны. И милосердый в Троице славимый Бог, сведый тайная мысли сердца их, и видя их от злаго обычая на добрый претворяющихся, умилосердися

**О ПОБЕДЕ НАД БАСУРМАНСКИМ СИБИРСКИМ ЦАРЕМ
КУЧУМОМ МУРТАЗЕЛЕЕВЫМ,
О ПОКОРЕНИИ СИБИРСКОГО ЦАРСТВА,
О РОЖДЕНИИ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРИЯ,
О РАТНЫХ ЛЮДЯХ
И О СТРОИТЕЛЬСТВЕ ГОРОДА ТОБОЛЬСКА,
О ДРЕВНИХ ЖИВОТНЫХ И ЗМЕЯХ ОГРОМНЫХ,
О ПТИЦАХ ДИКОВИННЫХ,
КОТОРЫЕ ВСТРЕЧАЮТСЯ В ТОЙ СИБИРСКОЙ ЗЕМЛЕ**

В сентябре 1580 года, в царствование благочестивого государя царя и великого князя всея Руси Ивана Васильевича, по воле Божьей возмездие настигло басурман, ибо мучили те православных христиан долгие годы. Избрал Бог и послал человека не из знатного рода, предводителя не по царскому наказу, волжского атамана Ермака, очистить место святыне, одержать победу над басурманским царем Кучумом и разрушить нечестивые их мольбища.

Этот Ермак не из знатных был, а из простых людей, появился на Дону с другими подобными ему и часто разбойничал на Волге-реке, грабя и кровь христианскую проливая, что и стало известно государю царю и великому князю всея Руси Ивану Васильевичу. Ермак же, ощутив свой грех перед Богом, а пред царем свою вину, ужаснулся и начал размышлять, как бы избежать царского гнева, поскольку они оказались непокорны царской власти. Но милостивый в Троице восславляемый Бог, сведавший сокровенные мысли сердца (каждого) из них и зная, что они от неправедных дел к добрым обращаются, смиростивился над ними, наполнил

над ними, вложи в сердца их благая, умыслиша убо ити в Сибирское царство на бесерменского царя Кучума: от сего бо бесерменского сибирского царя Кучума православным христианом многия пакости деяхуся. Бяху же с ним, Ермаком, сверстных ему товарищей 540 человек, иже поручни ему бяху и слушаху его во всем, бяхе бо сей атаман Ермак ратоборец непобедим, и ратному делу искусен, и храбростию сияя паче сверстник своих.

Божиим же изволением, еже помыслиша, сие сотвориша: поидоша с реки Волги рекою Камою вверх в стругах в Великую Пермь, оттуду же рекою Чусовою вверх — в полунощную страну, и приидоша на рубеж Сибирского царства на беззаконных поганых вогулич. И сии погании, видящи полки русских людей, устрашишася, побегоша в леса и в расселины горския. Ермак же с товарищи подручными ему благодарение Богу воздаша, приидоша же в Сибирское царство, и поидоша вниз рекою Тагилом в реку Туру, и слышаху, яко велие собрание есть бесерменское с царем Кучумом. От них же храбрии воины забыша света сего честь и славу, но смерть в живот преложиша. Искусный же в храбрости Ермак всегда увещеваше товарищей своих благочестивому царю послужити и вину свою службою покрыти: «Не от многих бо, рече, победа бывает, но свыше от Бога».

Услышав же царь Кучум русских вой пришествие, и мужество, и храбрость их, о сем зело оскорбися, посла сына Маметькула со множеством вои и повеле мужески ополчиться противу русских вой. Русские же вои, видевши таковое поганых собрание нимало того не устрашишася и на поганых устремишася. И видевши погании своих падение велие, вдашася бегству. Паки же рустии вои поплыша вниз по реке Тоболу и приплыша до реки Иртиша. Поганых же велие собрание ко берегу приидоша. Рустии же вои составляют с погаными брань и нападают на поганых мужески, погании же вдашася невозвратному бегству. Рустии же вои поидоша по реке Иртишу вверх, и взяша городок Атик, и седоша в нем. Царь же Кучум, виде царства своего лишение, побеже с сущими с ним, и прибеже во град свой Сибирь, взя мало нечто от сокровищ своих и побеже, град же остави пуст. Храбрый же Ермак с вои своими прииде во град Сибирь октября в 26 день и прославиша Бога, давшего им победу на поганых.

сердца их добрыми помыслами, ибо замыслили идти в Сибирское царство против басурманского царя Кучума: этот басурманский сибирский царь Кучум православным христианам много горя принес. Было же с ним, Ермаком, достойных его сотоварищей 540 человек, которые доверились ему и слушались его во всем, ибо был этот атаман Ермак непобедимым бойцом, в военном деле искусен и геройством прославлен больше подобных ему.

Божьим изволением, что задумали, то и совершили: пошли с реки Волги по реке Каме вверх в стругах до Великой Перми, а оттуда по реке Чусовой вверх — в полуночный край, и вышли к рубежу Сибирского царства на неверных язычников вогулов. Но эти неверные, увидев полки русских людей, испугались, убежали в леса и пещеры горные. А Ермак с преданными ему сотоварищами возблагодарили Бога, вошли в Сибирское царство, двинулись вниз по реке Тагилу к реке Туре и услышали, что царь Кучум собрал огромное басурманское войско. Тогда и забыли храбрые воины света сего почести и славу, а смерть в бессмертие обратили. Испытанный в доблестях Ермак все время убеждал сотоварищей своих сослужить службу благочестивому царю и вину свою загладить: «Не многим числом, как сказано, победа добывается, но помощью Бога».

Когда царь Кучум узнал о приходе русских воинов, о доблести и о храбрости их, то весьма был этим озабочен, послал сына Маметкула с огромным войском и приказал мужественно встать против русских воинов. А русские воины, увидев такое войско неверных, нисколько не испугались и на неверных напали. А неверные, видя многих из своих погибающими, обратились в бегство. Русские же воины снова поплыли вниз по реке Тоболу и достигли реки Иртыша. Огромное войско неверных к берегу подошло. Русские воины вступают с неверными в бой и храбро нападают на неверных: и бросились неверные бежать без оглядки. Русские же воины прошли по реке Иртышу вверх, и захватили крепость Атик, и засели в ней. А царь Кучум, видя, что лишается собственного царства, поспешно отступил с близкими своими, вошел в свой город Сибирь, взял кое-что из своих сокровищ и бросился бежать, а город покинул. Доблестный же Ермак и отряд его вошли в город Сибирь 26 октября и восславили Бога, принесшего им победу над неверными.

Прииде же к Ермаку во град Сибирь остяцкий князец именем Бояр со многими остяки, и принесоша многие дары, и запасы привезоша, еже на потребу русским воем. Потом начаша приходити многие татаровя з женами и з детми и жити начаша в первых своих домах по прежнему. И нецыи от Ермаковых вой пойдоша на Вагай реку и, дошедше на той реке царя Кучума сына, нападоша нощию на станы царевичевы, и много поганных татар побиша, и царевича Маметкула жива яша, и во град к Ермаку приведоша. Царь же Кучум много болезноваше о сыне своем и плачася. Рече: «Его же Бог не милует, тому и честь на безчестие приходит».

Ермак же с товарищи своими в крепости меча своего многие городки и улусы по реке Иртишу и по Великой Оби поплени, и Назым городок остяцкой взяша со князем их, и возвратишася во град Сибирь. И по всей Сибирстей земли ликоваху стопами свободными ни от кого же возбраняеми.

Егда же изволи Бог предати христианом Сибирское царство, тогда они, непобедими ратоборцы, Ермак с товарищи, писаша ко благочестивому царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси, чтобы государь вину их отдал, а царство Сибирское у них принял. И послаша государю царевича Маметкула в царствующий град Москву.

Того же лета, месяца августа в 5 день, царь Кучум прииде на реку Вагай. Ермак же не со многими людьми пойде навстречу по реке Иртишу, и, до реки Вагая дошед, не обрете. И доидоша до места, зовома Адбаш, и оттоле возвратишася. И пришел до Перекопи урочища, ту обночевашася. Царь же Кучум нападоша на них страшным стремлением и побиша их. Храбросердый же Ермак, яко же глаголют нецыи, воспрянув от сна своего, виде товарищей своих от враг убиваемых, побеже в струг и не може дойти, утопе.

В лето 7090 по взятии царства Сибирского присла с Москвы царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси воеводу князь Семёна Болховского со многими людьми во град Сибирь. Козаки же сretoша их честно. Тое же зимы бысть глад крепок и мнози воинстии людие изомроша, и воевода князь Семен умре, ту и погребен бысть.

Пришел к Ермаку в город Сибирь остяцкий князек по имени Бояр и другие остяки, принесли разные дары и припасы привезли на пропитание русским воинам. После начали возвращаться многие татары с женами и с детьми и стали жить в старых своих жилищах по-прежнему. А некоторые из воинов Ермака отправились на реку Вагай и, обнаружив на той реке сына царя Кучума, напали в темноте на лагерь царевича, и многих неверных перебили, а царевича Маметкула взяли в плен и в город к Ермаку привели. А царь Кучум сильно скорбел о сыне и оплакивал его. Ибо сказано: «Кому Бог не оказывает снисхождения, тому и почести в бесчестие обращаются».

Ермак же с соратниками своими силой меча своего многие крепости и кочевья по реке Иртышу и по Великой Оби покорили, и крепость остяцкую Назым захватили с князем их, и возвратились в город Сибирь. И по всей Сибирской земле ликовали на свободе беспрепятственно.

Когда Бог изволил поручить христианам Сибирское царство, тогда неодолимые ратоборцы, Ермак с соратниками, писали благочестивому царю и великому князю всея Руси Ивану Васильевичу, чтобы государь вину им простил, а царство Сибирское от них принял. Царевича Маметкула тоже прислали к государю в царствующий град Москву.

В том же году, 5 августа, царь Кучум пришел на реку Вагай. Тогда Ермак с небольшим отрядом вышел навстречу по реке Иртышу, но, достигнув реки Вагая, не обнаружил (Кучума), прошел к месту, называемому Адбаш, и оттуда возвратился. Подойдя к урочищу Перекоп, заночевал тут. Царь же Кучум напал на них с ужасающей стремительностью и перебил. Даже мужественный сердцем Ермак, как некоторые говорят, пробудившись от сна, увидел соратников своих убиваемых врагами, бросился к стругу, но, не сумев добраться, утонул.

После покорения Сибирского царства в 1582 году царь и великий князь всея Руси Иван Васильевич прислал из Москвы в город Сибирь воеводу князя Семена Болховского с большим отрядом. Казаки же встретили их как подобает. Но в ту зиму был голод сильный и многие из отряда поумирали, и воевода князь Семен умер, здесь и погребен был.

В лето 7090 родися царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси Димитрий царевичь.

В лето 7092 прииде с Москвы в Сибирь воевода Данила Чюлков со многими воинскими людьми по повелению царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси; поставиша град над рекою Иртишем близ реки Тобола и нарече имя ему Тоболеск, иже и до днесь стоит; и воздвигоша святая Божия церкви и монастыри создаша в прибежище православных христиан, в славословие же Отцу и Сыну и Святому Духу. И мнози невернии в веру приидоша, и крестишася, и явишася от неверных мнози вернии. О великое Божие милосердие, како не от многих вой победа бысть!

В том бо Сибирском царстве зверей изобилно драгоценных: соболи дорогие, и лисицы черные, и иного зверя всякаго безчисленно много. В том же Сибирском царстве живут люди розноязычни: первые — татарова, таже — вогуличи, остяки, самоедь, лопане, тунгусы, киргизы, колмаки, якуты, мундуки, шияги, гари-тили, имбаты, зеншаки, сымцы, аринцы, моторцы, точинцы, саянцы, чаландасцы, камасирцы и иных много розноязычных людей в том великопространном Сибирском царстве. Сии же людие, аще и подобни образом человеком, но нравом и житием подобни зверем, не имеют бо закона: овии бо кланяются камению, инии же медведю, инии же древию, инии птицам. Сотворше бо от древа птицы и звери, и змеи, и сим поклоняются. Те же разных языков и нравов люди московскаго государства царю и великому князю дань дают зверьми дорогими многими.

Имеет же то Сибирское царство в себе великие реки и езера великие, в тех же реках и езерах — рыб множество. Обретает же ся в том царстве в реках зверь, его же наричют мамант, а по их татарскому языку «кытр». Зело велик! Сего зверя не видают, кости же его обретают на брѣзех речных. Главу же видех мла-даго того зверя весом десять пуд, подобне же главы того зверя рыло, яко у свиньи: верх уст его две трубы долги и широки, исподнею губу имеет ниско под труба-ми, близко к горлу; зубов же имеет у себе 8, един же зуб тое малые главы 12 фунтов весом; имеет же тот зверь на главе два рога, подобны воловым рогом. Ви-дех же и с болщаго зверя рог — толщиною у корени поларшина, а верхней конец в три вершка толщиною,

В 1582 году родился у царя и великого князя всея Руси Ивана Васильевича царевич Димитрий.

В 1584 году по указу царя и великого князя всея Руси Ивана Васильевича пришел из Москвы в Сибирь воевода Данила Чулков с большим отрядом; построил и назвал Тобольском город над рекой Иртышом у устья реки Тобола, который и доныне стоит; воздвиг святые Божьи церкви и основал монастыри — прибежище православных христиан, во славу Отца, и Сына, и Святого Духа. И многие язычники к вере обратились, и были крещены; и многие из неверующих стали верующими. О великое Божье милосердие — немногими воинами была добыта победа!

В том Сибирском царстве изобилие бесценных зверей: соболей дорогих, и лисиц черно-бурых, и другого зверя бесчисленное множество. В том же Сибирском царстве живут разноразличные народы: прежде всего — татары, затем — вогулы, остяки, самоеды, лопане, тунгусы, киргизы, калмыки, якуты, мундуки, шилаги, гарили, имбаты, зеншаки, сымцы, аринцы, моторцы, точинцы, саянцы, чаландасцы, камасинцы и другие — много разноразличных людей на том необъятном пространстве Сибирской земли. Но эти люди хотя и человеческий облик имеют, но нравом и образом жизни подобны диким животным, ибо не имеют вероучения: одни поклоняются камням, другие медведю, а иные дереву, а те — птицам. Сделают из дерева птиц, или зверей, или змей и этому поклоняются. И вот те разных обычаев и нравов люди Московского государства государю царю и великому князю ясак платят всякими ценными зверями.

Повсюду в Сибирской земле могучие реки и великие озера, в тех реках и озерах — изобилие рыбы. В той же земле по рекам встречается зверь, который зовется мамонтом, а по-татарски «кытр». Очень огромен! Самого зверя не находят, но отыскивают кости его в берегах рек. А я видел голову молодого такого зверя весом десять пудов, на голове же того зверя что-то похожее на рыло, как у свиньи: верхняя губа его — две трубы длинные и широкие, нижняя губа расположена низко под трубами, около горла; зубов же имеется 8, один только зуб из той малой головы весит 12 фунтов; а имеет тот зверь на голове два рога, похожие на бычьи рога. Видел я и от большого животного рог — обхватом у основания — пол-аршина, верхний конец которого об-

а длина — две сажени, а сказывают, что и болши, а весом тот рог — полтора пуда. А живет тот великий зверь в земли и в воде.

Есть же в той земли и змей, а видел тое великие змеи кость главную весом полтора пуда; а зубы у тое змеи напреде сверху и внизу по два, долги и остры, а коренных зубов на стороне по 12, а зуб един коренной весом 32 золотника; а в длину та главная кость четырех пядей великих.

В том же царстве птиц много великих и малых различных. Есть же в том царстве птица: ногами подобна журавлю, точию длиннее журавлиных, долги, в пояс человеку, красны, светлы, сквозе их видеть, яко же камень красный драгий; а перье на той птице ало, а в крылех правильное и в хвосте тое птицы перье черно, а шея долга, а нос ал, а клюн черн, а нос подобен змиеве главе; а питается рыбою; а на конце ног имеет лапы, что гусиные, а перье и ноги тое птицы цветом велми узорочны; а высоту, аще прострется и шею подоймет,— з болшаго человека.

О градах и о реках того Сибирскаго царства

Град Тоболеск — на усть реки Тобола, от него же и звание прият.

Река, ей же имя Тура, течет от Западные страны, устьем своим вниде в реку Тобол, по ней — язык вогульский, а грады — Верхотурие, Нижетуриной острог, его же зовут Епанчино по сей вине, в прежния времена тут жил вогульской князец именем Епанча. Да над тою же рекою град Тюмень, звание прият от речки Тюменки, а прёж на том месте стоял град татарских князей, а звали его Чимги, и оттоле преселишася на Сибирь.

Река Тавда изходит из земли Пермския и своим устьем вниде в реку Тобол же. Над тою рекою Тавдою стоит град Пелым, звание прият от реки Пелыми.

Тобол своим устьем течет в реку Иртиш, река же нарицаемая Иртиш, яже течет з другую сторону и вниде в Обь; по Иртишу языцы — татарской, колмацкой; колмацкие люди кочуют по иным рекам сибирским. Близ же реки той стоит град, зовомый Тара, звание прият от реки, зовомая Тары, иже течет своим устьем в реку Иртиш. По той же реке Иртишу есть озеро

хватом в три вершка, длиною в две сажени, но говорят, что есть и больше, а весит тот рог — полтора пуда. Встречается тот огромный зверь в земле и в воде.

Да в той же земле есть змеи, а я видел череп того огромного змея весом в полтора пуда; а зубов у того змея спереди вверху и внизу по два, длинные да острые, а коренных зубов на каждой стороне по 12, а один зуб коренной весит 32 золотника; в длину тот череп четыре больших пяди.

В той же земле есть множество больших птиц и разнообразных малых. Есть именно в той земле птица: ноги у нее похожи на журавлиные, только длиннее журавлиных, высокие, до пояса человеку, красные, яркие, светятся словно драгоценный камень; а перья алые, но маховые на крыльях и в хвосте у той птицы перья черные, шея вытянутая, нос алый, клюв черный, нос ее похож на змеиную голову; а питается рыбой; а на ногах лапы, как гусиные, а перья и ноги у той птицы очень богаты оттенками; а ростом, если вытянется и шею подымет, — с взрослого человека.

О городах и о реках той Сибирской земли

Город Тобольск — в устье Тобола, по нему и название дано.

Река, называемая Турой, течет с запада, впадает в реку Тобол, по ней — вогульские племена, а города — Верхотурье и Нижнетуринский острог, который называют также Епанчиным по той причине, что в давние времена жил здесь вогульский князек Епанча. На той же реке город Тюмень, название получил от речки Тюменки, а прежде на том месте находился город татарских князей и назывался он Чимги, но из него переселились в город Сибирь.

Река Тавда берет начало из Пермской земли, а впадает тоже в реку Тобол. На той реке Тавде стоит город Пелым, название получил по реке Пелыми.

Тобол впадает в реку Иртыш, а река, именуемая Иртышом, которая течет из другой земли, впадает в Обь; по Иртышу — народы: татары, калмыки; калмыцкие племена кочуют и по другим сибирским рекам. Город, называемый Тарой, стоит у той же реки, название получил от речки, зовущейся Тарой, которая впадает в реку Иртыш. Около той реки Иртыша есть озеро ог-

велико, зовомо Ямыш, в нем же родитца соль, и та соль идет во все сибирские города.

Обь река велика и своим устьем вниде в море. В тое реку течет река, рекомая Собь, из земли Пермския, над тою же рекою стоит град, иже именуется Березов, имя себе стяжа по сей вине: в прежния лета живяху ту люди пермского языка и поставиша себе град и зваху его по своему языку — «Кыдчь пукар», а по руски протолкуется — «Березово дерево город», — и того ради и ныне зовомый Березов. В том же граде есть образ владычицы наша Богородицы честного и славного ея Одигитрия. От того же святого образа многая чудеса и исцеления бывают с верою приходящим, аки реки милостивых чудес изливаются! О премногих чудесех того святого образа написано инде.

По Обе — языцы о с т я ц к о й, Пегия орды. В Кондинской земле острог кондинских князей, зовомый Кода; град Сургут, тако бо место то зовомо от древних; Нарымской острог, звався по языку Пегия орды. Иртиш и Сосва реки в Обь реку великую текут сь едину сторону, з другую же страну текут реки Кеть, Томь и устьями своими внидоша в Обь же. Над Томию рекою град, рекомый Томской. А верх Томи же реки острог Кузнецкой, тамо варят железо, железо же земли тоя добро. А не дошед того острогу на край реки Томи лежит камень велик и высок, на нем писано звери, скоти и птицы и всякие подобия, а егда по некоему прилучаю оторжеться камень, а внутри того писано, яко же и на край. На Кети реке стоит острог зовом Кетцкой, другой — Маковской, тут живал остяк Пила, по нему зовут и место то. От того же места переходят сухим путем на великую реку Енисей. Сия река течет своим устьем в море.

Меж теми великими реками Обью и Енисеем — река, рекомая Таз, сия исходящи из Пегия орды и шествующи к Северной стране, и своим устьем течет в морскую губу. На той же реке Тазу — град, зовомый Тазавской, и паки Мангазея, сиречь Самоядцкая земля, по той реке и во всей поморие — язык самоядцкой. Всякому же хотящему шествовати в Мангазею удобен есть путь от града Тоболска Иртишем вниз и Обью мимо Коду и Березов, дондеже в морскую губу достигнет и реки Тазу. И от града шествует по реке Тазу вверх и тамо переходят сухим путем на реку Турухан. Сия же река вниде в реку преждереченную Енисей. Други же путь

ромное, называемое Ямыш, а в нем рождается соль, и эта соль отправляется во все сибирские города.

Обь — крупная река и своим устьем уходит в море. В ту реку течет река из Пермской земли, называемая Собью, а над этой рекой стоит город, который именуется Березов, название свое получил по такой причине: в давние времена жили здесь племена пермской народности, и создали для себя город, и назвали его на своем языке — «Кыдчъ пукар», а по-русски переводится — «Город березового дерева», — оттого и ныне называется Березов. А в том городе имеется икона владычицы нашей Богородицы, пречистая и прославленная Одигитрия. От этой святой иконы различные чудеса и избавление от недугов бывают тем, кто приходит с верой, — реки милосердных чудес изливаются! О многочисленных чудесах той святой иконы написано в другом месте.

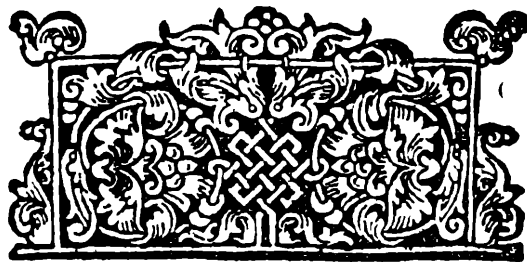
На Оби — племена остяцкие, Пегой орды. В Кондинской земле крепость кондинских князей, называемая Кодой; город Сургут, так это место названо было еще в далеком прошлом; Нарымская крепость, называемая так на языке Пегой орды. В великую реку Обь текут с одной стороны реки Иртыш и Сосьва, а с другой стороны реки Кеть, Томь и тоже впадают в Обь. Над Томью-рекой город, прозванный Томском. А в верховьях Томи Кузнецкий острог, там варят железо, а железо в том месте самое лучшее. Не доходя той крепости, на берегу реки Томи, стоит скала большая и высокая, а на ней изображены звери, животные и птицы, и разные маски, и если по какой-нибудь случайности отделится кусок породы, то на тыльной его стороне такие же изображения, как сверху. На Кети-реке стоит Кетский острог, другой — Маковский, здесь некогда жил остяк Пила, его название этого поселения и сохранилось. От того селения переходят сухим путем на великую реку Енисей. Эта река своим устьем уходит в море.

А между теми великими реками Обью и Енисеем — река, называемая Таз, берет начало в Пегой орде, течет на Север и впадает в морской залив. На этой реке Таз — город, зовущийся Тазовским, а еще Мангазеей, то есть Самоедской землей, по той реке и по всему поморью — племена самоедские. А для каждого, кто хочет отправиться в Мангазею, есть удобный путь из города Тобольска по Иртышу вниз и Обью мимо Коды и Березова, через морской залив — в реку Таз. Из города отправляются по реке Тазу вверх, а там переходят

в Мангазею: от устья реки Ир ти ш а Обью вверх мимо грады Сургута, Нарымскова, Кетскова и до Маковскова шествуют водяным путем, а от Маковскова переходят сухим путем на великую реку Енисей; на той реке стоит острог, зовомый Енисейской, и оттоле шествуют вниз до реки Турухана, о ней же прежде рех. Тут же монастырь боголепнаго Преображения и великаго святителя Николы:

По реке Енисее языцы имбатцкой, земшанской, сымской, тунгунской. В Енисею же реку течет река Кемь, а по ней — языцы: аринской, моторской, точинской. На той реке стоит острог, зовомый Качинской, понеж стоит на устье реки Качи. Да в Е н и с е й же реку течет река Кан, по ней же языцы чаландаской; да в нее же течет река, а зовут ее Нижняя Тунгуска, и в тое же реку течет река Тамора. На ней же есть гора каменная, и в той горе горит огонь, не угасает николи же. Да от Енисея реки переходят сухим путем и по многим местам на реку Лену, по ней язык якутцкой. Есть же и иныя многия реки великия, о них же несть т р е б е писати. Всех же языков в Сибирском царстве числом 17. А от разделения язык си языцы, како нарицалися, сего не вем, да и сами не ведают же, по своим языком писмен не имут. Точию татару имут по своему языку писание и держат закон моамедов; а колмацкий язык приемлют учение от лам Китайскаго царства: ходят в суετε ума их.

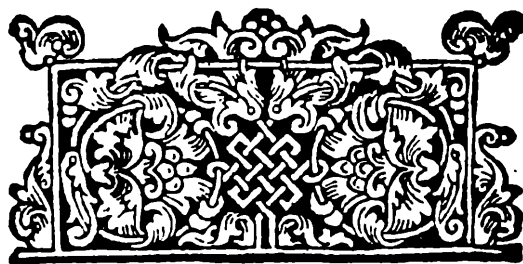
Есть же по тем рекам многие грады каменные и великие полаты по степным местом, а все пусты, а иныя от давных лет осыпалися, а какие люди ставили — нихто о сем не вестъ.

сухим путем на реку Турухан. А эта река впадает в вышеназванную реку Енисей. Другой путь в Мангазею: от устья реки Иртыша Обью вверх мимо городов Сургута, Нарымского, Кетского до Маковского идут водным путем, а от Маковского переходят сухим путем на великую реку Енисей; на этой реке стоит острог, названный Енисейским, от него и отправляются вниз до реки Турухан, ее я уже прежде упоминал. А здесь монастырь Боголепного Преображения и великого свяителя Николы.

На реке Енисее племена: имбатские, земшанские, сымские, тунгусские. В Енисей же реку впадает река Кемь, а по ней племена: аринские, моторские, точинские. На той реке (Енисее) поставлен острог, названный Качинским, потому что стоит в устье реки Качи. Да в Енисей же реку течет река Кан, по ней племена чаландайские; в нее же впадает река, называемая Нижней Тунгуской, а в эту реку впадает река Тамора. На ней есть утес, а на его вершине горит огонь, не угасает никогда. От Енисей-реки переходят сухим путем в разных местах на Лену-реку, по ней живут якуты. Есть и другие крупные реки, но о них нет нужды писать. Всех по счету народов в Сибирской земле — 17. А при разделении языков как племена те назывались, этого не знаю, да и сами они не знают, потому что на своем языке письменности не имеют. Только татары на своем языке письменность имеют и придерживаются магометанской веры, а калмыцкие племена принимают вероучение от лам Китайского царства: живут по ложным их заповедям.

Есть же на берегах тех рек по Степи многочисленные каменные города и высокие дворцы, а все в запустении, некоторые из них давно обрушились, а какие народы строили — того никто не знает.

ХРОНОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Хронографическая повесть публикуется по рукописи «Хронографа, разделенного на 410 глав»: ОР ГПБ. Г. IV.165, середины XVII в. Единственный раз повесть издавалась А. Поповым в «Изборнике славянских и русских сочинений, внесенных в Хронографы русской редакции» (М., 1869), ставшем библиографической редкостью.

С. 38 ...*Кучума Муртозелеева*...— См. комм. к с. 10.

...*о рождении царевича Димитрия*...— См. комм. к с. 18.

...*о поставлении града Тобольска*...— См. комм. к с. 22.

...*и о розных зверях*...— Розные — ветхие, не целые; с таким значением это слово употреблялось в диалектах, в том числе — вологодском, архангельском, сибирских (которые, вероятно, своим происхождением связаны с первыми). Автор повествования, возможно, хотел подчеркнуть, что эти животные и птицы встречаются только в останках. Для современного восприятия этого значения, как нам представляется, более всего подходит слово «древний».

В лето 7089...— См. комм. к с. 12.

...*царя и великаго князя Ивана Васильевича*...— См. комм. к с. 10.

...*поволзкаго атамана Ермака*...— См. комм. к с. 10.

С. 40 ...*в Великую Пермь*...— Территория от Уральских гор до бассейна рек Вычегды и Выми. Присоединена к Русскому государству в 1478 г.; главный город — Чердынь на Каме.

...*вогулич*...— См. комм. к с. 8.

...*в реку Туру*...— См. комм. к с. 8.

...*сына Маметкула*...— См. комм. к с. 12.

...*городок Атик*...— См. комм. к с. 14.

...*град Сибирь*...— См. комм. к с. 22.

С. 42 ...*князец именем Бояр*...— См. комм. к с. 14.

...*Вагай*...— См. комм. к с. 20.

...*Назым городок остяцкой*...— См. комм. к с. 16.

...*Адбаш*...— См. комм. к с. 20.

В лето 7090... присла с Москвы царь... воеводу...— Приведенная здесь дата ошибочна: отряд воеводы С. Д. Болховского отправился в Сибирь в 1584 г., а не в 1582 г. См. также комм. к с. 14.

С. 44 *В лето 7090 родися... Димитрий царевичь*...— См. комм. к с. 18.

В лето 7092 прииде с Москвы в Сибирь воевода Данила Чюлков...— Иные сибирские летописи указывают другую дату — 7095 (1587) г. См. также комм. к с. 204.

...татаровя...— См. комм. к с. 8.

...вогуличи...— См. комм. к с. 8.

...остяки...— См. комм. к с. 10.

...самоядь...— См. комм. к с. 10.

...лопане...— Вероятно, здесь имеются в виду лопари — одна из народностей финно-угорских племен, населяющая Европейский Север. Известны также как лопь, лапландцы, саамы; есть мнение о их приходе с востока.

...тунгусы...— Старое название эвенков; одна из самых значительных групп сибирских народов, населявшая территорию от левобережья Енисея до Тихого океана (Охотского моря); кочевники, система родства ирокезского типа, традиционные верования — анимизм, тотемизм, шаманство.

...киргизы...— Здесь имеются в виду енисейские кыргызы, занимавшие степную часть нынешней Хакасии; предки тувинцев, хакасов.

...колмаки...— Алтайцы южные: русские называли их «белыми калмыками».

...якуты...— саха в XVI—XVII вв. населяли среднее течение р. Лены и территории восточнее р. Амги, район устья р. Вилюя и среднего течения р. Яны; название «якуты» присвоено им русскими от эвенков.

...мунгалы...— Монголы, в различных источниках назывались также «мугалы». См. комм. к с. 8.

...ишляги, гаритили, имбаты, зеншаки, сымцы, аринцы, моторцы точинцы, саянцы, чаландасцы, камасирцы и иных много...— Пестрый этнический состав коренного населения Сибири русские источники часто объединяют названием «татары», «тунгусы», «остяки», «кыргызы». Здесь перечислены представители кетоязычных и самоедоязычных этнических групп. Название ряда народностей, перечисленных здесь (гаритили, чаландасцы) идентифицировать не удалось.

...в реках зверь, его же наричют маманг...— Здесь приведено одно из самых ранних описаний мамонта.

С. 46 ...птица: ногами подобна журавлю...— Здесь дано описание фламинго, которые обитали на озерах юга Сибири.

...град Тоболеск...— См. комм. к с. 22.

...язык вогульский...— См. комм. к с. 8.

...Верхотурие...— Город в верховьях р. Туры на дороге из Сибири в Москву; основан в 1598 г. воеводой С. Шестаковым «для береженья от калмыцких и иных орд». Стоящий на рубеже Европейской и Азиатской России, город в XVII в. был, по выражению С. В. Бахрушина, своеобразными воротами в Сибирь.

...Нижетуриной острог, его же зовут Епанчино...— Известна грамота 30 января 1600 г., предписывавшая тюменскому голове Федору Янову «меж Верхотурья и Тюмени... для береженья в Епанчине юрте... поставить острог и крепость» (Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири.— М.— Л., 1960.— Вып. I:

XVII век.— С. 26). Впоследствии Епанчин стал называться Туринском. См. также комм. к с. 68.

...вогульской князец именем Епанча...— Епанча был, видимо, татарским князем, но во время похода Ермака командовал отрядом вогулов, напавших на казаков возле с. Усениново. К моменту строительства Туринска он был еще жив и добровольно уступил русским место под городовое строение.

...град Тюмень... а звали его Чимги...— См. комм. к с. 10.

Река Тавда...— левый приток Тобола.

...град Пелым...— Построен в 1593 г. воеводой князем П. И. Горчаковым при впадении р. Пелым в Тавду.

...град, зовомый Тара...— Город на левом берегу Иртыша; основан в 1594 г. как опорный городок в борьбе с воинскими отрядами Кучума. Строительством Тары руководили воевода князь А. В. Елецкий и письменные головы Борис Доможиров и Григорий Елизаров.

С. 48 *...озеро велико, зовомо Ямыш, в нем же родитца соль...*— Соленое озеро на юге Кулундинской степи; соль осаждалась под воздействием солнца и не требовала дальнейшей обработки. Отсюда сибирские служилые люди снабжались местной солью.

...река, рекомая Собь...— Имеется в виду р. Собь. См. комм. к с. 82.

...град, иже именуется Березов...— Город, построенный в 1593 г. на левом берегу р. Сосьвы, в 20 км от места ее впадения в Обь. Русский отряд, строивший Березов, возглавлял воевода Н. В. Траханиотов.

...в прежния лета живяху ту люди пермского языка...— Березов построен на месте старого остяцкого городка.

...образ... Богородицы... Одигитрия...— Икона Богородицы Одигитрии (Путеводительницы) находилась до 1623 г. на городской башне. После того, как икона «просияла чудесами», для нее была выстроена деревянная церковь (см.: ГАТот.— Ф. 144.— Оп. 1.— Ед. хр. 55).

...языцы остяцкой, Пегия орды...— См. комм. к с. 10.

...острог... зовомый Кода...— Кондинский острог на правом берегу р. Оби между Березовом и устьем Иртыша.

...град Сургут...— Основан в 1593 г. на правом берегу Оби ниже устья р. Бардаковка, названной по имени остяцкого князя Бардака.

...Нарымской острог...— Первоначально построен в 1596 г. на правобережье р. Оби, в устье р. Кеть; впоследствии неоднократно затопляемый, был перенесен на новое, высокое место.

...град, рекомый Томской...— Построен в 1604 г. на правом берегу р. Томь, в 60 км от места ее впадения в Обь. Для строительства города из Тобольска был снаряжен отряд казацкого головы Гаврилы Писемского и сына боярского Василия Тыркова.

...острог Кузнецкой...— Основан в 1618 г. отрядом служилых людей во главе с татарским головой Осипом Кокоревым, казачьим головой Молчаном Лавровым и сыном боярским Остафием Харламовым-Михалевским. Острог располагался на правом берегу Томи напротив устья р. Кондомы.

...на край реки Томи лежит камень...— Одно из первых извес-

тий о сибирских «писаницах». Николай Спафарий, проезжая в 1675 г. через Сибирь с посольством в Китай, описал «писанный камень» на Енисее: «А до большого порогу не доезжая есть место, утес каменной по Енисею; на том утесе есть вырезано на камени неведомо какое письмо, и меж письмом есть и кресты вырезаны, также и люди вырезаны, и в руках у них булавы, и иные многие такие дела, как сказывают, что в том камню вырезаны на пустом месте; а никто не ведает, что писано и от кого» (Андреев А. И. Очерки... Вып. 1.—С. 156). С. У. Ремезов в «Служебной чертежной книге» поместил «Тавры, снятые с камней» (ГПБ, Эрм. 237, л. 69—69 об.). Рисунок «писаного камня», сделанный в Сибири И. Г. Гмелиным, сохранился в ЦГАДА, портфели Миллера, рис. 138.

На Кети реке стоит острог зовом Кетцкой...—Кетский острог сооружен в междуречье рек. Оби и Кети не позже 1602 г. служилыми людьми, посланными из Сургута. Острог лежал на водном пути из Западной Сибири в Восточную.

...Маковской...—Маковский (Макоцкой, Намацкий) острог был построен в 1618 г. В его строительстве, кроме русских людей, под командой Петра Алабычева и Черкаса Лукина, участвовал отряд остяцкого князя с Конды Михаила Алачева.

...град, зовомый Тазавской...—Имеется в виду построенный в 1600 г. сотней тобольских казаков под командой письменных голов князя Мирона Шаховского и Данилы Хрипунова городок Мангазея на восточном берегу р. Таз, в 200 км от устья. Происхождение названия «Мангазея» возводят к зырянскому «молгон» — «крайний», «конечный»; следовательно, юраки-самоеды, населяющие эти места, — народ «краевой, окраинный, живущий на краю области самоедов» (Анучин Д. Н. Город Мангазея и Мангазейская земля//Землеведение.—1903.—Т. IV.—С. 35—42). Район Тазовской губы и р. Таз был и раньше хорошо известен русским и зырянам, приходившим сюда с Двины и Печоры за соболями и для тайного сбора ясака с местных жителей.

...Мангазея...—Здесь имеется в виду Новая Мангазея, основанная на р. Турухан в 1609 г.

Всякому же хотящему шествовати в Мангазею...—Далее описаны «струговые пути» в Новую Мангазею — северный, через Обскую и Тазовскую губу, и другой — Кетью через Кас и Енисей.

С. 50 *...острог, зовомый Енисейской...*—Построен в 1619 г. отрядом Максима Трубченинова и кондинского остяцкого князя Михаила Алачева. В отписках 1619 — начала 1620 гг. острог часто именуется «Тунгуским» (Архив АН СССР.—Ф. 21.—Оп. 4.—Д. 17.—Лл. 75 об., 76, 79; Миллер Г. Ф. История Сибири.—Т. 1.—С. 562 — примечание А. И. Андреева).

...мочастырь... святителя Николы...—По распоряжению первого архиепископа сибирского Киприана в 1621—1623 гг. строителю игумену Тимофею «велено на Турухане у великого чудотворца Николы храм воздвигнуть Преображение Спасово и монастырь устроить, и братство призывать, и мирских людей, хто побьет челом — постригати...» (Архив АН СССР.—Ф. 21.—Оп. 4. № 21.—Лл. 112—113; Миллер Г. Ф. История Сибири.—Т. 2.—С. 264—265). Монастырь строился вокруг имевшегося уже храма Николы.

...языцы имбатцкой, земшанской, сымской, тунгунской...— Имбаты — кетский род, населявший бассейн Енисея в районе нынешних сел Верхнее и Нижнее Имбатское; земшане (зеншаки, зешаки) — другой род; вместе с имбатами они платили ясак в Имбатское зимовье; сымские остяки, также принадлежащие к племени кетов, населяли бассейн р. Сым — западного притока Енисея. Тунгусы — см. комм. к с. 44.

...языцы: аринской, моторской, точинской...— Здесь автор соединяет разные народности в одном местожительстве. Аринцы (аринские татары, ара) заселяли бассейн нижнего течения р. Бузим — правого притока Енисея. Моторцы (маторские люди, маторы) жили в верховьях р. Тубы, восточного притока Енисея. И только Точи (точигасы) населяли бассейн р. Кеми.

...острог, зовомый Качинской...— Так первоначально в официальных документах назывался созданный в конце 20-х годов XVII в. Красноярск.

...языцы чаландаской...— См. комм. к с. 42.

...река Тамора...— Здесь имеется в виду р. Таймура, левый приток Нижней Тунгуски. Истоки р. Таймуры находятся в небольшом удалении от района падения Тунгусского метеорита.

...от разделения язык...— Разделение народов по языкам, в соответствии с библейской легендой, произошло в результате намерения построить достигающую небес Вавилонскую башню (Вавилонское столпотворение). После разделения языков люди не смогли продолжать эту работу, т. к. перестали понимать друг друга.

...закон моамедов...— См. комм. к с. 10.

...колмацкий язык приемлют учение от лам...— Калмыки последовали ламаизму, одной из тибето-монгольских форм буддизма.

ПРОШЛОЕ

БУДУЩЕМУ

**ПОГОДИНСКИЙ
ЛЕТОПИСЕЦ**

Погодинский летописец сохранился до нашего времени в единственном списке XVII в. в составе рукописного сборника из собрания М. П. Погодина, известного русского историка, приятеля А. С. Пушкина. В 70 — начале 80-х годов XVII в. он принадлежал стрелецкому голове Петру Борисовичу Строеву, а затем его сыну стольнику Ивану Петровичу.

Летописец с сибирскими известиями завершает огромный, в 1770 страниц, сборник разнообразнейших исторических, литературных, географических сочинений. На его страницах — учебник русской истории Синописис, сборник назидательных «романов» — Римские деяния, многочисленные выписки из летописей, родословных книг; наряду с ними — Повесть о Ерше Ершовиче, стихотворное сказание о нападении турок на Чигирин, роспись сибирским городам, Погодинский летописец и др. Подбор произведений разных времен и жанров свидетельствует о широте и разнообразии интересов составителя сборника.

Погодинский летописец — сочинение уникальное, т. к. в его состав включены сведения, записанные со слов казака дружины Ермака Черкаса Александрова, будущего атамана служилых татар в Тобольске и Таре. В основе же сибирского рассказа Погодинского летописца лежит официальная версия, близкая летописи сибирского архиепископского дьяка Саввы Есипова.

**ПОВЕСТЬ ЛЕТОПИСНАЯ, ОТКУДУ НАЧЯСЯ
ЦАРСТВО БИСЕРМЕНСКОЕ В СИБИРИ,
И ЧЕСО РАДИ НАРЕЧЕСЯ СИБИРЬ,
И КАКО БОЖИИМ ПОВЕЛЕНИЕМ ВЗЯТА БЫСТЬ
ПРАВОСЛАВНЫМИ КРЕСТЬЯНЫ,
И КАКО В СИБИРИ БУСЮРМЕНСКАЯ ВЕРА
УМАЛИЛАСЯ,
А ПРАВОСЛАВНАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ВЕРА
РАСПРОСТРАНИЛАСЯ**

О Сибирской стране

ия убо Сибирская страна полунощие отстоит же от Росийского государства, от царствующаго града Москвы многое расстояние, яко до двою тысящ и трехсот верст до первого сибирскаго града Верхотурья, а ходу зимним путем з большими возы семь недель. А стоит город Верхотурье на реке на Туре, на левой стороне. Суть же промежь Московскаго государства и Сибирские земли облежит Камень превысочайши, яко инии холми

блиско досязати облак небесных. И сего же Камени многие реки истекоша: овии поидоша к Росийскому государству, а инии поидоша в Сибирскую землю; в них же рыбы различные; по тем же рекам дебрь и пространная места зело.

Первая же река в Сибирскую изыде землю, словущая Тура, по той же реке жителства имеют люди, глаголемыя вогуличи, глаголют своим языком, а поклоняютца идолом бездушным. В сию же реку Түру вниде с правой стороны река Салдава да Тагил. Как плывучи Түрою рекою от Верхотурья к Туринскому

**ПОВЕСТЬ ЛЕТОПИСНАЯ О ТОМ,
КАК ПОЯВИЛОСЬ ЦАРСТВО БАСУРМАНСКОЕ
В СИБИРИ,
И ЧЕГО РАДИ НАЗВАНО БЫЛО СИБИРЬЮ,
И КАК БОЖЬИМ ПОВЕЛЕНИЕМ ВЗЯТО БЫЛО
ПРАВОСЛАВНЫМИ ХРИСТИАНАМИ,
И КАК В СИБИРИ БАСУРМАНСКАЯ ВЕРА ОТСТУПИЛА,
А ПРАВОСЛАВНАЯ ВЕРА РАСПРОСТРАНИЛАСЬ**

О Сибирской стране

Сибирская земля северная лежит от Российского государства, от царствующего города Москвы на значительном расстоянии, что-то около двух тысяч трехсот верст до первого сибирского города Верхотурья, а пути по зимней дороге большим обозом семь недель. А стоит город Верхотурье на реке на Туре, на левом берегу. Между Московским государством и Сибирским царством лежит Камень высочайший, иные вершины которого почти касаются облаков небесных. И с этого Камня многие реки берут начало: одни текут в Российское государство, а другие текут в Сибирское царство; в них рыбы различные; по тем рекам леса и обширные долины.

Первая из рек, именуемая Турой, ушла в Сибирское царство, на этой реке обитает народ, называемый вогулами, говорят на своем языке, а поклоняются идолам бездушным. В эту же реку Туру текут с правой стороны реки Салдава с Тагилом. Если плыть Турой-рекой от Верхотурья к Туринскому острогу, то Туринский острог стоит на той же реке Туре, на правом берегу. А река

острогу, а Туринской острог стоит на той же реке Туре на правой стороне. А река Тура ниже города Тюмени многими поприщи пала в реку в Тоболу, да на той же реке Туре стоит город Тюмень на правой стороне. А река Тобол пала в реку Иртищ, а на Иртище реке стоит город Тоболеск. А выше Тоболска многим расстоянием на той же реке Иртище стоит город Тара. А река Иртищ пала в реку в Обь Великую ниже урочища Самаровых гор единым плесом, а Обь Великая пала в Окиян-море разными своими устьи.

Первое начало Сибирской земле: как было мочно изыскать писмяны и старейшинами людьми о начале тое Сибирские земли. Река, глаголемая Ишим, вниде в реку Иртищ; на сей же реце Ишине бе царь мааметева закону именем Он. И воста на него по неких летех его ж державы от простых людей именем Чингис, яко ж бысть в Великой Орде и в руском государстве в некоторое время наименовася Темир Аксак от простых же людей, пишет про то инде в московских летописцех. Чингис же со инеми, нашед напрасно на царя Она, и уби его, а царство Она царя приим Чингис.

Некто же от слуг царя Она соблюде от Чингисова убийства сына царя Она, ему же имя Тайбуга. По неких же летех уведано бысть царю Чингису про Тайбугу: яко он, Тайбуга, сын есть царя Она. И приемлет его Чингис, и честью великою потчти его, и нарече его пот собою первым князем, и дарует ему в людех своих власть. Князь же Тайбуга прося у царя Чингиса воинских людей на войну итти на иных людей, где он хочет. Царь же Чингис собра воинство многое и вооружено, и отпусти Тайбугу с войском по реце Иртищу вниз к Обе реке, и тут живяше люди, именовася чють. Князь же Тайбуга шед с войском, многие царю Чингису покорны учини, которые жили по реце Иртищу и по великой реке Оби живущих. И прииде ко царю Чингису с радостью. Царь же Чингис наипаче князю Тайбуге честь дарует, князь же Тайбуга просися у царя Чингиса, чтоб ему повелел быть, где он хочет, тут да пребывает. Царь же Чингис отпусти его и рече: «Хде хочешь, тут пребываеши».

Изыде же князь Тайбуга со всем своим домом на реку Туру и тамо созда себе град Чимги<...>. На том месте град Тюмень. Жил же Тайбуга во граде Чимги много лет и умре ту. По нем княжил сын его Ходжа,

Тура несколькими верстами ниже города Тюмени впадает в реку Тобол, да на той же реке Туре стоит город Тюмень на правом берегу. А река Тобол впадает в реку Иртыш, а на реке Иртыше стоит город Тобольск. А на значительном расстоянии от Тобольска по тому же Иртышу стоит город Тара. А река Иртыш впадает в реку Великую Обь ниже урочища Самаровых гор единым плесом, а Великая Обь впадает в Океан-море многочисленными своими рукавами.

Происхождение Сибирского царства: что было возможно отыскать в записях и (услышать) от старожил о происхождении того Сибирского царства. Река, называемая Ишимом, течет в реку Иртыш; на этой реке Ишине обитал царь Маометова закона по имени Он. И через какое-то время восстал против него подвластный ему незнатный человек по имени Чингис, такой же незнатный, каким был когда-то известный в Великой Орде и в русском государстве Темир-Аксак, а написано об этом в московских летописях. Когда Чингис с другими, напав внезапно на царя Она, убивает его, то царство Она-царя получает Чингис.

Кто-то из подданных царя Она уберег от Чингисовой расправы сына царя Она по имени Тайбуга. Через какое-то время стало известно царю Чингису про Тайбугу: этот-де Тайбуга — сын царя Она. И милостиво принимает его Чингис, и почестями великими окружает его, и называет его среди подданных первым князем, и наделяет его собственным уделом. Князь же Тайбуга просит у царя Чингиса войско воевать, где ни захочет, с другими народами. И царь Чингис, собрав множество хорошо подготовленных воинов, отпустил Тайбугу с войском вниз по реке Иртышу до Оби-реки, а здесь жили народы, называвшиеся чудью. Проходя с войском, князь Тайбуга царю Чингису в подданство привел многих из тех, которые жили по реке Иртышу и по великой реке Оби. И возвратился к царю Чингису с радостной вестью. Царь же Чингис еще большую благосклонность проявляет к князю Тайбуге, и князь Тайбуга просит царя Чингиса, чтобы разрешил ему жить, где он ни захочет. И отпустил его царь Чингис, сказав: «Где хочешь, там и живи».

Князь Тайбуга со всем своим родом ушел на реку Туру и там воздвиг свой город Чимги <...>. На том месте город Тюмень. Жил же Тайбуга в городе Чимги долгие годы и умер в нем. После него кня-

по сем Ходжин сын Мар. Маровы дете Адера, Абалак. Мар женат был на сестре казанского царя Упака. Сей же казанский царь Упак зятя своего Мара уби, и градом облада, и владе много лет. А Маровы дети, Адера да Абалак, умре своею смертью, а у Адера остася сын Мамет. И по сем Адеров сын Мамет казанского царя Упака уби, и град Чинги разруши, и отойде оттуду внутрь Сибирские земли, и постави себе град на реке Иртыше, и назва его град Сибирский, сиречь начальный, что ныне слово Старая Сибирь, от города Тоболска вверх рекою Иртышем 12 верст. Царь же Чингис живе много лет, и умре, и оттоле пресеце царство на реце Ишиме.

О Сибире.

Чесо ради Сибирь та вся страна Сибирь наречеса

Да егда убо Мамет Адеров сын казанского царя Упака победи и повелел поставити град сего ради, яко царя победи, храбрость свою показа и ослavia. И повеле тот град звати начальным градом. Оттоле же и вся та страна прозвася Сибирь. Гради же сибирстии имянуеми кождо их по прилучаю, а опчея же Сибирь имянуется, подобна, яко и Римская страна Италия нарицается ото Итала некоего, обладавшего странами вечерними, яко же свидетелствует Краника латынская. Гради же Римския страны разньство имен имеют, общее же Италия нарицается. А прежде сего како та Сибирская земля нарицашеся, неведомо, понеже, как град Сибирь создан, тому много лет преиде. А прежде того живяше ту по всей Сибирской земле, а како нарицашеся, того испытати невозможно: в память никому не вниде, ни писания обретох.

Княжение прочих Сибирских царей и князей

По князе же Мамете княжил на Сибири Абалаков сын Агиш, по нем же Маметев сын Казый, по нем же Казыевы дети Едигер, Бекбулат, которых побил царь Кучюм, Бекбулатов же сын Сейдяк.

жил сын его Ходжа, после того — сын Ходжи Мар. Дети Мара — Адер и Абалак. Мар женат был на сестре казанского царя Упака. И этот казанский царь Упак зятя своего Мара убил, и городом овладел, и царствовал много лет. А дети Мара, Адер и Абалак, умерли своей смертью, но у Адера остался сын Мамет. И после того сын Адера Мамет казанского царя Упака убил, и город Чимги разрушил, и ушел оттуда в глубь Сибирского царства, основал свой город на реке Иртыше, и назвал его Сибирский град, то есть стольный, который ныне именуется Старой Сибирью, от города Тобольска вверх по Иртышу 12 верст. А царь Чингис жил много лет и умер, вот тогда и распалось царство на реке Ишиме.

О Сибири. По какой причине вся та земля Сибирь была названа Сибирью

Когда Мамет Адеров сын над казанским царем Упак-ом одержал победу, то приказал поставить город потому, что царя победил, доблесть свою показал и прославился. А тот город повелел называть стольным. С того времени и вся та земля стала зваться Сибирью. Хотя каждый город сибирский назван по-своему, но все вместе Сибирью именуется, подобно тому, как Римское государство Италией наречено по имени некоего Итала, властвовавшего в западных странах, о чем свидетельствует Хроника латинская. Города же Римского государства разные названия имеют, а все вместе Италией называются. А как прежде та Сибирская земля называлась — неведомо, поскольку, с тех пор как город Сибирь создан, много лет прошло. Но еще прежде этого заселена была вся Сибирская земля, а как называлась, того узнать невозможно: в памяти ни у кого не осталось, а письменных свидетельств я не нашел.

Княжение других сибирских царей и князей

После князя Мамета княжил в Сибири Агиш Абалаков сын, а за ним Казый Маметов сын, за ним же дети Казыя Едигер и Бекбулат, которых убил царь Кучум; Сейдяк же был сыном Бекбулата.

О царе Кучюме

Прииде же степью ис Казачьи орды царь, зовомый Кучюм Мурзазелеев сын, со многими воинскими людьми, и доиде града Сибири, и град взя, и князей Едигера и Бекбулата уби, и прозвася Сибирский царь, и многи языцы тоѣ Сибирской земли повинны себе сотвори, и возгордися, мыслию превознесся, и сего ради погибе. Бекбулатов же сын Сейдяк ото убиения царя Кучюма жив бысть и исведен в Бухарскую землю. Царь же Кучюм царствова в Сибири лет довольно, во многом богатстве, в своей бусурманской славе, и дани, и оброки со многих людей иноязычных имяше. И по сем царь Кучюм посла сына своего Алея с ратью воевать в Чюсовую, и доходили до реки Камы и до города до Соли Камской, и многое дурно над православными христианы починили.

А как Кучюмов сын Алей пришел войною на Чюсовую, и в тоѣ же пору прибежал с Волги атаман Ермак Тимофеев с товарищи: пограбили на Волге государеву казну и погромили нагайских татар,— и Чюсовой сибирским повоевать не дали. И с тех мест учали оне, Ермак с товарищи, мыслить и збираться, как бы им доитти до Сибирской земли, до царя Кучюма. А за год до того времени, как Кучюмов сын дошел на Чюсовую, некто был в Сибири же пелымской князь Аплыгарым, воевал своими татараы Пермь Великую в лето же повеленья государя, внеже Бог восхоте царство его разрушити и дати православным крестьяном.

Об вере царя Кучюма

Вера же и закон бысть у царя Кучюма Маометя проклятого, святии же апостоли написаша во своих святых правилех: аще кто прилежит маометевы заповеди и внемлет ученью его, анафема да будет, сиречь проклет.

О пришествии Ермакове в Сибирь

В лето 7089, при державе великаго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича, всеа Руси самодержьца и обладателя, посла Бог очистити место

О царе Кучуме

И вот пришел через Степь из Казачьей орды царь, по имени Кучум Муртазеев сын, с большим войском, и подошел к городу Сибири, и город взял, и князей Едигера и Бекбулата убил, и назвался сибирским царем, и многие народы того Сибирского царства в своих подданных превратил, и возгордился, вознесся мыслию, а потому погиб. Бекбулатов же сын Сейдяк спасен был от расправы царя Кучума и уведен был в Бухарское ханство. А царь Кучум царствовал в Сибири долгие годы в полном довольстве, во всей своей басурманской славе, и ясак, и подати со многих племен иноязычных собирал. Тогда-то и послал царь Кучум сына своего Алея совершить набег на Чусовую, а ходили до реки Камы и до города до Соли Камской и много горя православным христианам принесли.

Когда Кучумов сын Алей пошел войной на Чусовую, тогда и прибежал с Волги атаман Ермак Тимофеев с соратниками: пограбили на Волге государеву казну и разгромили ногайских татар — и Чусовской острог сибирским (людям) разорить не дали. И с той поры начали они, Ермак и его соратники, думать и разбираться, как бы им добратся до Сибирского царства, до царя Кучума. А за год до того времени, как Кучумов сын пришел на Чусовую, и в год государева указа в Сибири был некто Аплыгарым, пелымский князь, со своими татарами совершал набеги на Пермь Великую, царство которого восхотел Бог разрушить и передать православным христианам.

О вере царя Кучума

У царя Кучума вера и закон Маомета ненавистного, а святые апостолы писали в своих святых правилах: если кто придерживается Маометовой заповеди и следует учению его, анафеме предан будет, то есть проклят.

О приходе Ермака в Сибирь

В 1581 году, в царствование великого государя царя и великого князя всея Руси самодержца и повелителя Ивана Васильевича, послал Бог искупить грех идоло-

идольское и победити царя Кучюма и бесерменство его, и охрабри Бог не от славных мужей, ни царска повеленья воевод, и вооружи Бог славою и ратоборством атамана Ермака Тимофеева сына, прозвище ему было у казаков Токмак, а с ним собрася 540 человек казаков волни х. И как Ермак с товарищи, погромя государеву казну, пришел на Чюсовую, и тои и выше сего именовахом.

А приход Ермаков с товарищи в Сибирскую землю: с Еика на Иргинские вершины да вниз по Иргизу, а Иргиз река пришла в Волгу с левые стороны; а Волгою шел Ермак вверх, а из Волги — в Каму реку и Камою рекою вверх же, а из Камы реки поворотил направо в Чюсовую реку и Чюсовою — вверх же, а ис Чюсовой реки — в Серебреную реку; а Серебренная река пришла от Сибирской страны в Чюсовою реку с правой стороны, и Серебреною рекою — вверх же, а из Серебренной реки шел до реки до Баранчюка волоком, и суды на себе волочили, а рекою Баранчюком — вниз в реку Тагил; а Тагилом рекою плыли на низ же в Туру реку, что ныне по той реке Тагилу в Верхотурской уезд; и от Тагилу поплыл Ермак с товарищи Турою рекою вниз и догребли<...> до Епанчина, что ныне слово Туринской острог. И тут у Ермака с татары с Кучюмовыми бой был, а языка татарского не изымаша. И царю Кучюму то стало ведомо, а приходу на себя Ермакова не чаял, а чаяху, что он воротитца назат на Чюсовую. И с Епанчина погребли на нис же Турою рекою в Тобол реку, а Тобол река пришла с правые стороны ис Степи, и Тура река пала в Тобол реку. И Тоболом рекою доидоша до реки до Тавды, а Тавда река пришла в Тобол реку с левой стороны от Пелынского города, за сто верст от города от Тоболска. И на устье же той реки Тавды изымали тарина именем Таузак, царева Кучюмова двора. Поведа же им про царя Кучюма и про его воинство.

Слыша же царь Кучюм пришествие в Сибирь русских воин и мужество, и храбрость их, и о сем оскорбись зело, и посла вскоре во всю свою державу, дабы ехали к нему все люди во град Сибирь и против русских людей ополчились. В мале же времени собращась к нему множество татар и остяков, вогулич и инии языцы, яже под его властью. Посла же царь Кучюм царевича на встречу руским людем М а м е т к у л а со множеством

поклонства и одержать верх над царем Кучумом и басурманством его, а дал Бог мужество человеку не из знатного рода, предводителю не по царскому наказу, а вооружил Бог удачей и ратным умением атамана Ермака Тимофеева сына; прозвище у него было среди казаков Токмак, а с ним набралось 540 человек казаков вольных. О том, как Ермак с соратниками, разгромив казну государеву, пришел на Чусовую, мы уже упоминали выше.

Путь Ермака с соратниками в Сибирское царство: с Яика через верховья Иргиза, да вниз по Иргизу, а Иргиз-река бежит в Волгу с левой стороны; а Волгой шел Ермак вверх, а из Волги — в Каму-реку, а Камой — вверх же; а из Камы-реки повернул направо в Чусовую-реку и Чусовой — вверх же, а из Чусовой-реки — в Серебряную-реку; а Серебряная-река бежит с правой стороны в Чусовую-реку из Сибирской земли, а Серебряною-рекою — вверх же, а из Серебряной реки шел до реки до Баранчука волоком, и суда на себе тащили, а рекой Баранчуком — вниз в реку Тагил; а Тагил-рекою плыли вниз же до Туры-реки, а ныне по той реке Тагилу (путь) в Верхотурский уезд; а от Тагила поплыл Ермак с соратниками вниз по Туре-реке и на веслах <...> подошли к Епанчину, который ныне известен как Туринский острог. И здесь у Ермака с татарами Кучума бой был, а языка татарского взять не смогли. Тогда же стало известно о них Кучуму-царю, но нападения Ермака на себя не ждал, а считал, что тот возвратится обратно на Чусовую. А от Епанчина пошли (казаки) на веслах вниз Турою-рекой в Тобол-реку, а Тобол-река течет с правой стороны из Степи, а Тура-река впадает в Тобол-реку. И Тоболом-рекой дошли до Тавды-реки, а Тавда-река впадает с левой стороны в Тобол-реку у Пелымского острога, за сто верст до города до Тобольска. И в устье той реки Тавды захватили в плен татарина по имени Таузак, из придворных царя Кучума. И рассказал (он) им про царя Кучума и его войско.

Когда царь Кучум услышал о приходе в Сибирь русских воинов, и о доблести, и о храбрости их, то весьма был этим озабочен и сразу послал повсюду за своими подданными, чтобы собирались к нему в город Сибирь все воины и встали на бой против русского войска. И вот в скором времени собрались к нему многочисленные татары и остяки, вогулы и другие ему подвластные

вои и повеле устройно ополчиться. Сам же повеле засеку учинити подле реки Иртищ под Чювашевом: засыпати землею и многими крепостями утвердити, яко же есть достойно на боевое утверждение.

Маметкул же с вои своими иде до некоего урочища, иже Бабачани имянуется, на реке на Тоболе. Ермак же и воинство его, видевше таково собрание поганых, нимало того устрашишася. Бысть же ту брань велика, и побиша поганых множество, а досталные побегоша ко граду, ко царю Кучюму. Казацы же поплыша в стругах своих по реке Тоболу к реке Иртищу. Татаровя же начаша стреляти из-за гор на струги их, и то место приидоша ничем не врежены.

О Карачине улусе

Доидоша же казацы до Карачина улусу: се же Карача думной бе царя Кучюма и любим ему был, делал царю пансыри и колчюги и всякую ратную збрую. Сотворишася же с Карачею брань, и улус ево взяша и множество богатства приобретоша и царева имения тут взяша много. И доплыша же до реки Иртища. Погании же на берег приидоша, овии на конех, овии же пеши, казацы же на берег выскакаша, мужески и храбро на них наступиша, и в то время бысть поганым смертное поражение, и вдашася погании невозвратному бегству.

О собрание царя Кучюма и о размышлении казаков

Царь же Кучюм виде своих людей падение, и изыде со многими людьми, и ста на горе, на высоте месте, зовомом Чювашеве, а у засеки брат его царевичь Маметкул со многими людьми и с великим ополчением. Казацы же поидоша по Иртищу реке вверх, и взяша городок Атик мурзы, и седоша в нем. Нощи же пришедши, и быша вси в размышлении, видевше поганых многое таковое собрание, яко битись единому з двадцатью же поганых и, убояшася, и пристрашни бысть, и восхотеша тое нощи бежати назад. Инии же не восхотеша, яко уже

народы. А царевича Маметкула послал царь Кучум навстречу русскому отряду с огромным войском и приказал изготавиться к бою. Сам же велел засеку устроить возле реки Иртыша под Чувашевым: насыпать земли и разными защитными приспособлениями укрепить, как необходимо для усиления обороны.

Маметкул же с войском своим дошел до некоего урочища на реке на Тоболе, которое называется Баба-чанами. Ермак же и его воины, увидев такое сборище неверных, нисколько не испугались. И был здесь бой тяжкий, и перебили многих неверных, а оставшиеся отступили в город, к царю Кучуму. Казаки же поплыли в стругах своих по реке Тоболу к реке Иртышу. Татары начали стрелять с высокого берега на струги их, но то место казаки прошли без потерь.

Об улусе Карачи

И дошли казаки до улуса Карачи: этот Карача советником был у царя Кучума и дорог ему был, изготовлял для царя панцири, кольчуги и разное воинское снаряжение. И была с Карачой битва, и улус его взяли, и большую добычу захватили, и царское имущество здесь взяли немалое. И вернулись снова к реке Иртышу. Неверные же к берегу подошли, одни конные, другие пешие, а казаки повыскакивали на берег, мужественно и решительно на них напали, и тогда потерпели неверные полное поражение, бросились неверные бежать без оглядки.

О войске Кучума и о размышлении казаков

Царь же Кучум, видя гибель своих людей, вышел с большим войском и встал на высоком месте на горе, называемой Чувашевой, а у засеки — брат его царевич Маметкул с большим войском и огромным ополчением. Казаки же прошли по Иртышу-реке вверх и взяли крепость Атик-мурзы и засели в ней. И всю ночь провели в раздумье, видя такое большое войско неверных, что одному надо сражаться с двадцатью язычниками, и испугались, и уstraшены были, и собрались той же ночью бежать прочь. Другие же не захотели, потому что

осень бе, возвратиться мало мошно, но уповаша на Бога, утвердишася и протчих уповати на Бога, яко да идут заутра противу поганных.

О бою под Чювашем у засеки

Месяца октября в 23 день, на память святаго апостола Якова, вси рустии люди из городка вышли на бой и вси глаголаху молящеся: «С нами Бог, сотворитель наш! Да поможет нам, созданию своему!» И паки приложиша: «Боже, помози нам, рабом своим, и прослави свое великолепое имя святое, где было безбожие!» И начаша приступати к засеке, и бысть брань велика. Тии же, погании зверие, поиде дерзостно, показовахуся, яко копейны сулицы имуще во утробах. И бьющеся с обою стран крепко. Погании же пустиша тмочислено стрел, а сами одеяны железом и меднощитницы. Казаки же противу их изогненнодышущих пищалей стреляху, и бысть бой и сеча зла: за руки емлющеся сечахуся. Божиею же помощию рустии креплящися, а погании помалу начаша оскудевати и слабети. Казацы же погнаша, и во след их побивающе, и ногами их попирающе. И очервленишася тогда поля кровми и трупием послаша ту, яко же древле бысть от телес у Троиного града близ Скомандры реки пленующу Акилесу. Тако бо тогда победиша окаянных бесермен за их идолжертвие и кумирслужение. Царевича же Маметкула уязвиша русские вои; тогда убо и пойман был, но своего увезоша на он пол реки Иртыща. Царь же Кучюм учал быть зело страшен от православнаго воинства.

О побеге царя Кучюма

Царь же Кучюм стояше на горе высоке, зовомые Чюваша, и веде своих падение, повеле муллам своим, кликати скверную свою молитву и призывать на помощь скверные и проклятие свои идолы. И не бысть ему помощи от них и никоего успеха. В то же время князцы остяцкие своими людьми с остяки отоидоша от царя Кучюма каждо во своя улусы по юртам. Царь же Кучюм виде руским людям поможение всемогущаго Бога, сотворшаго Небо и Землю. А свое видя

была уже осень, возвратиться маловероятно, но возложили упование на Бога и остальных убедили уповать на Бога, когда выйдут завтра против язычников.

О бое под Чувашевым у засеки

Месяца октября в 23 день, на память святого апостола Якова, все русские воины вышли из крепости на бой и все повторяли с молитвой: «С нами Бог, создатель наш! Да поможет нам, творениям своим!» И еще добавляли: «Боже, помоги нам, рабам своим, и утверди свое величественное имя святое там, где жило неверие!» И начали подступать к засеке, и был бой тяжкий. А те, лютые звери, шли дерзко, казалось, что вместо сердец у них острые копья. И бились обе стороны жестоко. Неверные же выпустили бесчисленные стрелы, а сами одеты в железо и (защищены) медными щитами. Казаки же в них палили из огнедышащих пищалей и бились врукопашную: был бой и сеча жестокая. Но с Божьей помощью русские держались, а неверные мало-помалу начали отчаиваться и слабеть. Казаки же погнались за ними вслед, нанося удары и ногами их попирая. И обагрились тогда поля кровью и мертвыми телами устланы были, как в древности у Троянского града близ Скомандры-реки, когда пускался в погоню Акилес. Так ведь тогда одолели приносивших жертвы да исповедовавших язычество безбожных басурман. Царевича же Маметкула ранили русские воины; уже в то время мог быть взят в плен, но своими увезен был на другой берег реки Иртыша. Царь же Кучум сильно напуган был православным воинством.

О побеге царя Кучума

Когда царь Кучум, стоя на горе высокой, зовущейся Чувашевой, узнал о поражении своих, то приказал муллам своим возглашать богопротивную их молитву и взывать к помощи богопротивных и злобных своих истуканов. И не было ему помощи от них и ни в чем удачи. В то самое время князьки остяцкие с подданными ушли от царя Кучума, каждый в свои владения по домам. И царь Кучум увидел, что русским людям помогает все-сильный Бог, сотворивший Небо и Землю. А испытав

божество и царство своего видя лишение, рече сущим с ним: «Побежим не медлюще, сами видим всему лишение; были силнии, а ини изнемогоша». И скорбен бысть зело, рече: «Что сотворю и где скрытись? Покры срамота лице мое». И еще рече к своим: «Хто мя победи, из царства отогна? Ведаем, от простых бо людей Ермак, и не со многими прииде, и толико зло сотвори: вся моя изби и меня посрами». И потом глаголя: «Яз победи во граде Сибири князей Едигера и Бекбулата и многое богатство приобретох, тако же ни от кого послан, а ныне обратились мои дела противу мне». И прибеже царь Кучюм во град, и взя мало нечто от сокровищ своих, и вдашася невозвратному бегству со всеми людьми. Град же свой Сибирь отстави пуст.

О пришествии во град Сибирь атамана Ермака и прочих с ним казаков

Да егда убо под Чювашем преста бранное ополчение, рустии же людие утрудишася. И уже бе нощи припевши. Отоидоша оттуду и обначеваша ту, стражи же утвердивше крепцыи от поганных, да не яко окаяннии ухают аки змен, и не ведаще, яко погании от града изыдоша. На утрии же вси рустии люди<...> молитву сотворише ко всещедрому создателю своему Богу и к пречистей его Богоматере, и ополчишася, поидоша ко граду Сибири небоязнено. Да яко же приближишася близ града, и не бе слышати в граде ни гласа, ни послушанья, мняше же себе, яко скрышася погании з бойством во граде, но уповаша на Бога, приидоста во град. Приидоста же Ермак с товарищи своими во град Сибирь в лето 7089, октября в 26 день, на память святого великомученика Христова Дмитрея Селунского, и прославиша и благодариша Бога, давшего такову победу на окаянных идолопоклоник, на огарян, яко бежаша множество их, поганных, от малочисленого воинства. И вси радостию великою радуящеся рустии люди, славяще Бога и пречистую его Богоматерь. Достойно бо воистину воспоминати сию на поганных победу, а дарованную милость Божию к роду крестьянскому и преидущая времена, яко не многими вои таковое пресловущее царство взято бысть.

своего бога и видя гибель царства своего, обратился к приближенным: «Бежим без промедления, сами видите, что всего лишились: были сильны, а сейчас потеряли надежду». И очень сокрушался, говоря: «Что делать буду и где скроюсь? Покрыл себя позором». И еще сказал своим: «Кто меня победил, из царства изгнав? Знаем, что незнатный человек Ермак, что не с многочисленным отрядом пришел, а такую напасть принес: войско мое разгромил и меня опозорил». А после изрек: «Я убил в городе Сибири князей Едигера и Бекбулата и большие сокровища получил и тоже ни от кого не был послан, а ныне обернулись мои поступки против меня». И возвратился царь Кучум в город и, взяв кое-что из сокровищ своих, бросился бежать без оглядки со всем своим родом. А свой город Сибирь покинул.

О приходе в город Сибирь атамана Ермака и прочих с ним казаков

К тому времени, как под Чувашем закончилось доблестное сражение, русские люди обессилели. А уже ночь настала. Отступили (они) и тут же остановились на ночлег, но караулы надежные поставили от неверных,— да не уязвят их безбожные, как змеи,— не зная, что неверные из города бежали. На завтра все русские воины <...>, сотворив молитву ко всещедрому создателю своему Богу и пречистой его Богоматери, приготовились к бою, без страха подошли к городу Сибири. Когда же приблизились к городу, то из города не слышали ни звука, ни шороха, но, подозревая, что неверные ловко спрятались в городе, и уповав на Бога, вошли в город. А вошли Ермак и его соратники в город Сибирь 26 октября 1580 года, на память святого великомученика Христова Дмитрия Селунского, и прославили и возблагодарили Бога, даровавшего такую победу над безбожными идолопоклонниками, над басурманами, что бежало множество их, неверных, от малочисленного войска. И все русские люди радостью великой наполнились, славя Бога и пречистую его Богоматерь. Воистину достойно вспоминать эту победу над неверными, и дарованную милость Божию роду христианскому, и минувшие годы, когда немногими воинами такое знаменитое царство покорено было.

О пришествии татар, остяков во град Сибирь к Ермаку с товарищи

По взятии же Сибири в четвертый день прииде к Ермаку во град Сибирь остяцкой князец, именем Бояр, со многими остяки, принесоша же Ермаку с товарищи многие дары, мягкие рухлядь и запасы, яже на потребу. По сем же начаша ту приходити татары многие з женами и з детми и начаша жити в первых своих домах, видяше, яко покори их Бог православным крестьяном.

О убиении казаков от татар

Того ж лета месяца декабря в 5 день, Ермакове дружине без опасения идущим Иртышем к урочищу, именуется Абалак, а ходит для рыбной ловли ясаул казачей именем Брюзга с товарищи, и поставиша стан свой, почиша без стражей, не чаяше на себя нашествия безбожных. Брат же царя Кучюма царевич Маметкул со многими людьми пришед на них тай и побил их. Слышано же бысть во граде у Ермака о убиении есаула Брюзги с товарищи, Ермак же з дружиною своею погнаша вослет поганных и достигоша их. И бысть с погаными брань велика на много час, погании же на бегание устремишася, Ермак же с товарищи во град Сибирь возвратися.

О послании к государю к Москве сь сеунчем

Егда ж изволи Бог предати православным крестьяном Сибирскую землю, по взятии того же лета, Ермак с товарищи послаша к государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси к Москве с сеунчем атамана и казаков, тут же послан был казак Черкас Александров <...> всего 25 человек. И писали Ермак с товарищи благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси самодержцу, что изволением всемилостиваго, в Троицы славимаго Бога и пречистой его Богоматери и великих всеа Руси чюдотворцов молитвами, а его, государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси, праведною ко

О приходе татар, остяков в город Сибирь к Ермаку с соратниками

На четвертый день после взятия Сибири пришел к Ермаку в город Сибирь остяцкий князек по имени Бояр с другими остяками, а принес Ермаку с соратниками разный ясак, пушнину и необходимые припасы. И после того начали возвращаться многие татары с женами и с детьми и стали жить в прежних своих жилищах, понимая, что Бог покорил их православным христианам.

Об убийстве казаков татарами

В том же году в 5 день декабря казаки Ермака, без страха идущие на рыбную ловлю по Иртышу к урочищу, которое называется Абалак,— а ходил на рыбную ловлю есаул казачий по имени Брюзга с соратниками,— остановились на ночлег, не предвидя нападения на себя неверных, заснули без охраны. Брат же царя Кучума царевич Маметкул с большим отрядом напал на них тайно и перебил их. Как только услышали в городе у Ермака об убийстве есаула Брюзги с соратниками, так Ермак с дружиной своей погнался вслед неверным и догнал их. И был с неверными бой тяжкий много часов, и неверные бросились бежать, а Ермак с соратниками в город возвратился.

О посольстве к государю в Москву с радостной вестью

Едва Бог изволил передать православным христианам Сибирское царство, в тот же год после взятия Ермак и его соратники послали к государю царю и великому князю всея Руси Ивану Васильевичу в Москву с радостной вестью атамана и казаков, всех 25 человек, с ними же был послан и Черкас Александров <...> А писали Ермак и его соратники благочестивому государю и великому князю самодержцу всея Руси Ивану Васильевичу, что изволением всемилостивого, в Троице восславляемого Бога и пречистой его Богоматери и молитвами великих чудотворцев всея Руси, и его, государя царя и великого князя всея Руси Ивана Васильевича,

всещедрому Богу молитвою и его царским счастьем, его государевы люди, атаман Ермак Тимофеев с товарищи, царство Сибирское взяша и многих живущих ту иноязычных людей под его государеву царскую высокую руку подвели, и к шерти их привели, а сибирского царя Кучюма и с его детми с Алеем да с Алтынаем да с Ышимом и сь его вои победиша, и брата царя Кучюмова царевича Маметкула розбиша же. А иноязычных многих людей: татар, и остяков, и вагуличь привели к шерти по их верам на том, что им быть под его царскою высокою рукою до веку <...> и ясак им государю давати повсягоды, а на русских людей зла никакого не мыслить. А которые похотят к государю в его государеву службу, и тем и служить его государева служба прямо, недругом его государским не спущать, елико Бог помощи подаст, и самим им не изменить, к царю Кучюму и в ыные орды не отъехать, и зла никакого на всяких русских людей не думать, и во всем стоять в прямом постоянстве.

Послании же от Ермака атаман и казаки к Москве приехаша, поведено же бысть о том благочестивому государю. И благочестивый же государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, слыша сия и повеле отписку принять и вычесть перед своим царским лицом. И егда государь услыша Божию помощь и силу: яко снабдит господь государство ево и пространство ему дарует, и непокоривыя покоряет и повинных сотворяет, и неповинныя и непослушныя повинны бысть,— и тогда же благочестивый государь царь прослави Бога и пречистую его Богоматерь и великих московских и всеа Руси чудотворцов, яко яви ему государю таковую превеликую богатую милость: немногими вои таковое царство достиже, а на поганных победа бысть. Ермака же заочно своим государевым жалованным словом пожаловал и похвалил, тако же и всех ево товарищей, атаманов и казаков. А тех сеуншиков пожаловал государь своим царским многим жалованьем, денгами и сукны, и паки государь отпусти их в Сибирь к Ермаку с товарищи. И посла государь Ермаку с товарищи многое свое государево жалованье, сукна и золотые. С ними же государь послал воевод своих князя Семена Волконского да голов Ивана Киреева да Ивана Васильева сына Глухова, а с ними казанских и свияских стрельцов сто человек, да пермичь и вятчан сто же человек, и иных ратных людей 100 человек. А Ермаку указал го-

праведной ко всещедрому Богу молитвою, и его, государевым, счастьем, его, государевы, подданные, атаман Ермак Тимофеев с соратниками царство Сибирское взяли и многие живущие здесь разноразличные племена его, государевой, царевой-высокой власти вручили, и под присягу их привели, так как войска сибирского царя Кучума и его детей Алея, да Алтыная, да Ишима разгромили, и (войско) брата царя Кучума царевича Маметкула тоже разбили. Из разноразличных многих племен татар, и остяков, и вогулов привели к присяге согласно их обычаям, дескать, быть им под высокой царской властью до скончания века и ясак государю платить ежегодно, а против русских людей никаких злых мыслей не держать. Если же кто захочет государю (служить) в его, государевом, войске, то тем государеву службу нести честно, неприятелям его царским не давать спуска, пока Бог помощь подают; а самим им не изменять, к царю Кучуму и в другие орды не перебегать, и ничего против всех русских людей не замышлять, и всего этого держаться с верным постоянством.

Когда прибыли в Москву посланные Ермаком атаманы и казаки, то сказано было о том благочестивому государю. И благочестивый государь царь и великий князь всея Руси Иван Васильевич, услышав об этом, приказал грамоту принять и прочесть в своем присутствии. А когда государь слышал о Божьей помощи и силе: как хранит господь государство его, и земли ему дарует, и непокорных покоряет и делает послушными,— даже неподвластные и строптивые стали покорными,— тогда и восславил благочестивый государь царь Бога и пречистую его Богоматерь и великих московских и всея России чудотворцев, которые явили ему таковую превеликую щедрую милость: с немногими воинами таковое царство добыл и над неверными одержал победу. А Ермака заочно своим государевым милостивым словом почтил и похвалил, как и всех его соратников-атаманов и казаков. А тех послов пожаловал государь своим царским щедрым государевым жалованьем, сукнами и золотыми, с ними и послал государь воевод своих Семена Волконского да голов Ивана Киреева да Ивана Васильева сына Глухова, а с ними казанских и свияжских стрельцов сто человек, да пермяков и вятчей тоже сто человек, да прочих ополченцев 100 человек. А Ермаку приказал государь отбыть в Москву, но

сударь быть к Москве, и Ермак в тое пору убит, покамест сеуншики ездили к Москве. О убиении Ермакове речется после сих, а как Ермак был жив еще в Старой Сибири до убиения своего.

О взятии царевича Маметкула и как пришел к Ермаку татарин Сенбахта

По сем же прииде во град Сибирь к Ермаку татарин именем Сенбахта и поведа Ермаку, что царевич Маметкул, Кучюма царя брат, стоит на реке на Вагае вверх по Иртышу реке, от града Сибири поприщ сто, а Сибирь город от града Тобольска 15 верст по нынешнему содержанию. Ермак же посла некоторых резвых и искусных ратному делу. Поидоша ж сии воины, и дошедше агарян, и на станы их нападоша ночью, а им спящим, а иным еще убажвающимся, и многих поганных побиша, царевича же Маметкулова шатра доидоша, и обоидоша его, и яша его жива, и со всем богатством привелоша его во град Сибирь к Ермаку с товарищи. Ермак же рад бысть зело, и прият его честно, и поведа ему про государское величество, и рассказывает государево жалованье, и уласкает его ласкосердыми словесы. Царь же Кучюм ожидая к себе брата своего царевича Маметкула многое время. Приидоша же к нему вестницы и повелоша ему, царю, яко пленен бысть царевич Маметкул. Слыша же то царь Кучюм и болезнова о том и плакася со всем домом своим на много время.

О государевых воеводах с Москвы

Князь Семен Волконской пришел в Старую Сибирь, что был царя Кучюма город. А Ермак уже убит до князя Семенова приходу, а царевич Маметкул — у казаков, у Ермаковых товарищей. И князя Семена Волконского не стало тут в Сибири вскоре, и многие русские люди померли от скудости хлебные. А голова Иван Киреев повез к Москве царевича Маметкула к государю, а с ним Ермаковы казаки. А в Сибири остался один голова Иван Глухов, а с ним остальные Ермаковы казаки да которые люди присланы были с воеводою со князем Семеном Волконским и з головами,

Ермак в ту пору был убит, когда послы ездили в Москву.

О гибели Ермака рассказывается после них, а пока до своей гибели Ермак еще жил в Старой Сибири.

О пленении царевича Маметкула и о том, как пришел к Ермаку татарин Сенбахта

И вот пришел в город Сибирь к Ермаку татарин по имени Сенбахта и сообщил Ермаку, что царевич Маметкул, брат царя Кучума, стоит на реке Вагае, в верхнем течении реки Иртыша, от города Сибири в ста верстах, а город Сибирь от города Тобольска в 15 верстах по нынешнему измерению. Ермак же послал нескольких смелых и опытных в ратном деле воинов. И те пошли, а дойдя до басурман, напали на их лагерь в темноте, когда одни спали, а другие только просыпались, и множество нечестивых перебили, и к шатру царевича Маметкула подступили, окружили его, взяли в плен и со всей добычей привели его в город Сибирь к Ермаку с соратниками. Ермак же был очень обрадован, и принял его по достоинству, и сообщил ему о государевом могуществе, и показывал государево жалованье, и убеждал его ласковыми словами. Царь Кучум очень долго дожидался брата своего царевича Маметкула. Пришли к нему гонцы и сообщили, что царевич Маметкул взят в плен. Когда услышал об этом царь Кучум, то печалился о нем и долго горевал со всеми домашними своими.

О государевых воеводах из Москвы

Князь Семен Волконский пришел в Старую Сибирь, которая была крепостью царя Кучума. А Ермак уже убит (был) до прихода князя Семена, а царевич Маметкул (находился) у казаков Ермаковых соратников. И князь Семен Волконский умер здесь в Сибири вскоре, и многие из русских людей поумирали от голода. А голова Иван Киреев с Ермаковыми казаками повез царевича Маметкула в Москву к государю. В Сибири остался один голова Иван Глухов, да с ним последние Ермаковы казаки и те люди, которые присланы были с воеводой с князем Семеном Волконским и с головами:

казанские и свияжские стрелцы, да пермича и вятчяны. А запасу у них не было никакого. И те все присылные люди: казанские и свияжские стрелцы и пермские и вятские люди померли в Старой Сибири з голоду, а осталось только ермаковских казаков девяносто человек. И зимовал и Иван Глухов в Сибири. А на лето, как вода вскрылась, пошел ис Сибири через Камень Сосью рекою и вышел в Пустоозеро, а с ним ермаковских казаков девяносто человек. А Сибирь город оставил пуст — русские люди вышли все.

**О пришествии князя Сейдяка из Бухар
и отшествия от царя Кучюма
думного его Карачи, яко же прежде именовалом:
как улус того Карачи Ермак взял,
не доходя царя Кучюма**

Приидоша же вестницы к царю Кучюму и поведаша ему, яко идет на него с войском многим князь Сейдяк Бекбулатов сын из Бухарския земли, еже от убиения царя Кучюма скрывся там, и вспомянув отечество свое, и наследити восхотех, и хошет отмстить кровь отца своего Бекбулата и кровь дяди своего Едигера. Царь Кучюм слыша сия от поведających ему и убоясь страхом велиим зело, еще бо изобилно в нем страху первого, еже бысть от русских людей. Тогда думной его Карача своими людьми, иже весть вся дума его, отойде от царя Кучюма, и не восхотеша быть в повиновении пред ним. Слыша же сия, царь печален бысть зело, и восплакася плачем велиим, и рече: «Его же Бог не помилует, того и любимии его друзи оставляют, и бысть ему яко враги». Карача же прииде к Ялымскому езеру, еже есть вверх реки Иртыща, промеж реки Тары и реки Оми, и ту пребываше.

О взятии городков и улусов

Храбровшу же Ермаку з дружиною своею, по всей Сибирстей земли ходиша, ни от кого же устрашающеса, страх бо Божий ко всем бысть живущим тамо, яко меч обоюдоостр идый пред лицом рускаго полка, потиная многих, устрашая всех. Повоева же многие городки и

казанские, свияжские стрельцы, да пермяки, да вятчи-чи. А припасов они не имели никаких. И те все присланные люди: казанские и свияжские стрельцы и пермские да вятские ополченцы поумирали в Старой Сибири от голода и осталось (в живых) только девяносто человек Ермаковых казаков. А зимовал Иван Глухов в Сибири. Весной же, когда реки очистились, ушел из Сибири через Камень по Соби-реке и вышел в Пустоозеро, а с ним девяносто человек Ермаковых казаков. И город Сибирь опустел — русские люди вышли все.

**О возвращении из Бухары князя Сейдяка
и уходе от царя Кучума советника его Карачи,
о котором прежде я уже рассказывал:
как улус того Карачи Ермак захватил,
еще не дойдя до царя Кучума**

И вот пришли гонцы к царю Кучуму и сообщили ему, что идет против него с немалым войском князь Сейдяк Бекбулатов сын из Бухарского ханства, который укрывался там от расправы царя Кучума и, вспомнив о происхождении своем, престол получить захотел, и мстить за кровь отца своего Бекбулата и дяди своего Едигера. Когда царь Кучум услышал об этом от принесших весть, то ощутил сильнейший страх, еще сильнее прежнего страха, который был от русских людей. Тогда советник его Карача, который знал все его замыслы, со своими подданными ушел от царя Кучума, не захотел быть у него в повиновении. Услышав об этом, царь сильно опечален был, и плакал горькими слезами, и говорил: «Кому Бог не оказывает снисхождения, того и любимые друзья покидают и становятся ему врагами». Карача же пришел к Ялымскому озеру, которое находится в верховьях Иртыша, между рекой Тарой и рекой Омью, и здесь обретался.

О захвате крепостей и поселений

Ермак же с соратниками, проявляя мужество, по всей Сибирской земле ходил, никого не боясь, ибо страх Божий испытывали те, кто жил там, словно меч обоюдоострый шел впереди русского полка, поражая многих, устрашая всех. Когда же многие крепости и поселения

улусы по реке Иртишу и по Великой Оби, Назымской же городок на Иртище реке взяша со князем их и со всем улусом и богатством, и возвращахуся во град Сибирь з богатством велиим и с радостью.

**О послех от Карачи во град Сибирь,
как еще Ермак жив бысть,
до государевых воевод приходу**

Перед воеводским приходом, того же лета, приидоша к Ермаку от Карачи послы и просиша людей оборонити их от К а з а ч ь и орды и даша на том шерть по своей безбожной вере, что казаков не побить и никакова зла на казаков не мыслить. Ермак же с товарищи посове-това и повериша их лукавому безбожному шертованию, отпустиша к нему атамана именем Ивана Колца, с ним же 40 человек казаков с вогненным боем. Егда же при-идоша сии воины к нечестивому Караче, и вънезапу оманом вси избиени быша от нечестиваго Карача. Слышано же бысть Ермаку во граде, яко тии воины и Иван Колцо с товарищи побиени быша от нечестиваго Карачи, и плакахуся зело. Ведомо же бысть поганим, яко атамана Ивана Колца с товарищи Карача убил, и начаша по многим местам, по волостям и по улусам, казаков погании побивати.

О пришествии Карачи с татары под град Сибирь

Того же лета, во время Великаго поста, прииде Карача со многими воинскими людьми и облегоша град Сибирь и станы поставиша, сам же Карача ста в некоем месте, зовом Саукъсан, от града яко три поприща по реке Иртишу, многую ж гражданом тесноту деяше. Тогда же стояще до пролития воды, до месеца июня. Тогда же изыдоша из града казаки тай, и приидоша к станом Карачиным в Саукъсан, и нападоша нань нощию,— онем же спящим безо всякаго опасенья,— и побиша множество нечестивых татар Карачиных, двух же Карачиных сынов убиша, а иные татарова розбегошася врознь от страха без веданья. Сам же зломысленной Карача с невеликими людьми убегоша за озеро. И при-

по реке Иртышу и по Великой Оби завоевали и Назымскую крепость на реке же Иртыше захватили вместе с князем и со всем (его) родом и богатством, то возвратились в город Сибирь с богатой добычей и с торжеством.

**О посольстве Карачи в город Тобольск,
когда еще Ермак жив был,
до прихода государевых воевод**

В том же году, перед приходом воевод, пришли к Ермаку от Карачи послы, а просили отряд для защиты их от Казачьей орды и поклялись по своему безбожному обычаю, что никакого злого умысла против казаков не имеют и казаков не тронут. Ермак же с соратниками посовещались и поверили их обманной безбожной клятве,пустили к нему атамана по имени Иван Кольцо, а с ним 40 человек казаков с огнестрельным оружием. Как только пришел тот отряд к бесчестному Караче, так сразу обманом все перебиты были бесчестным тем Карачей. Когда в городе у Ермака слышали, что тот отряд и Иван Кольцо с соратниками убиты бесчестным Карачей, то сильно опечалились. И стало известно неверным, что Карача убил атамана Ивана Кольцо с соратниками, и начали неверные повсюду в волостях и кочевьях казаков убивать.

О приходе Карачи с татарами к городу Сибири

В тот же год, во время Великого поста, пришел Карача с большим войском, и осадил город Сибирь, и обозы расставил, а сам Карача остановился в некоем урочище, называемом Сауксан, что от города 3 версты по реке Иртышу, и сильно горожанам досаждал. Так и стоял до начала паводка, до месяца июня. Тогда-то и вышли из города казаки тайно, и подошли к лагерю Карачи в Сауксан, и напали на него в темноте,— а те спят без всякой охраны,—и перебили множество безбожных Карачевых татар, и двух Карачевых сыновей убили, а остальные татары, не сговариваясь, разбежались поодиночке от страха. Сам же злоумышленник Карача с небольшим отрядом убежал за озеро. И тогда

иде ж вси татаровя, кои стояще около града, в Саукъ-сан, надеяхуся казаков всех смерти предати, и нападоша нань, много бо их безбожных собрано бяху. Казацы же крыяшеся в кустех, и на выласку хожаше искустов и бияшеся с погаными до полудни. Татарове же отступиша от них, казацы же во град возвратишася. Карача же виде, яко казаков невозмогах одолети, отъиде восвояси срамом велиим.

О убиении Ермакове и протчих казаков от царя Кучюма

Лета 7092 посланием Божиим уготовися час — прииде на воинов смерть. Приидоша от бухар от торговых людей весницы к Ермаку во град Сибирь и поведаша, яко царь Кучюм их в Сибирь не пропусти. Ермак же слыша то и со многими воинскими людьми поиде навстречю к ним по реке Иртышу в стругах. Дошетшу же им до реки Вагая, бухарцов не обрете, и паки поидоша по Вагаю реке вверху до места, иже зовомо Атбаш, и ту не обрете их, оттоле возвратися.

Пришедши ж нощи, казаки же утрудишася от многого пути, доидоша же до Перекопи, и тут обначевашеся, и поставиша станы своя, стражи же крепки не утвердиша. Ослабеша умы своими, яко приходит смертный час их! Царь же Кучюм, узрев их, повеле тое нощи крепко стрещи и многих татар по многим местом розосла. Тогда же, тое нощи, бысть дождь велик. В полунощи же приидоша множество поганых. Казаком же спящих безо всякаго опасенья, и нападоша нань погании, и побиша всех, толко один казак утече.

Ермак же виде своих воинов от поганых побиваемых, а помощи ни от кого чающе, побеже един в струг свой, а струг отплы от берегу, и не може дойти, понеже одеян бе железом, в пансыре тягче, и не доплы струга, утопе. Бысть се послание на воинов Божиим произволением месяца августа в 5 день. Слышав же сия во граде оставшая казаки, яко Ермак и прочие казаки убиени бысть, и плакахуся горце зело на многое время.

А после того вскоре пришли от государя с Москвы с ратными людьми воевода князь Семен Волконской да головы Иван Киреев да Иван Глухов, а с ними казанские и свияжские и пермские и вяцкие стрелцы. И о князь Семенове приходе Волконскаго <...> впереди ре-

все татары, которые осаждали город, пришли к Сауксану, надеясь убить всех казаков, и напали на них, потому что много этих язычников собралось. А казаки, скрываясь в кустах, из кустов ходили на вылазку и сражались с неверными до полудня. И татары отступили, казаки же в город возвратились. Когда Карача увидел, что не может казаков одолеть, вернулся восвояси с большим позором.

Об убийстве Ермака и других казаков царем Кучумом

В 1584 году предначертанный час настал — пришла к воинам смерть. Прибыли от бухарских от торговых людей гонцы к Ермаку в город Сибирь и сообщили, что царь Кучум их в Сибирь не пропустил. Ермак же, услышав об этом, с большим воинским отрядом вышел в стругах им навстречу по реке Иртышу. А когда они дошли до реки Вагая, не найдя бухарцев, то поднялись еще по реке Вагаю вверх до урочища, которое называется Атбаш, но, не обнаружив их тут, возвратились.

Настала ночь, казаки утомились от долгого пути, дошли до Перекопа и тут заночевали, раскинули шатры, а крепкого караула не поставили. Ослабели умами своими, как подошел их смертный час! А царь Кучум, обнаружив их, приказал в ту ночь быть настороже и многих татар по разным местам разослал. И тогда, в ту ночь, был сильный дождь. А в полночь подошло множество неверных. Казаки же спали без всякой охраны, и напали на них неверные и перебили всех, только один казак убежал.

Когда Ермак увидел, что его воинов уничтожают неверные, то, помощи ни от кого не ожидая, бросился один к своему стругу, но струг отошел от берега, и (он) не смог догнать, поскольку одет был в железа, в тяжелый панцирь, и, не доплыв до струга, утонул. Случилось это с воинами по Божьей воле в 5 день месяца августа. Когда услышали оставшиеся в городе казаки о том, что Ермак и остальные казаки убиты, то очень горько и долго печалились.

А вскоре после этого пришли от государя из Москвы с воинским отрядом князь Семен Волконский и головы Иван Киреев да Иван Глухов, а с ними казанские, и свияжские, и пермские, и вятские стрельцы. А

кохом, и как князя Семена Волконского во граде Сибири не стало, и многие Ермаковы казаки и которые с Руси люди пришли, померли в городе з голоду, а Иван Киреев пошел с царевичем Маметкулом к Москве. И как Иван Киреев с царевичем Маметкулом пришел к Москве 92 году, и в то время Богу изволю царя Ивана Васильевича не стало. А по своем преставлении повеле на царской престол возвести сына своего, благочестиваго государя царя и великаго князя Федора Ивановича всея Руси.

Привезоша же царевича Маметкула, и по государеву указу встреча ему была честна. И пожаловал его государь царь и великий князь Феодор Иванович всея Руси многим жалованьем, потом же — и служилых людей. А в Сибири толко остался во граде Иван Глухов, а толко с ним Ермаковых казаков девяносто человек: и убояшася тут жити и безопасны до конца. Изыдоша из града Сибири и поплыша по Иртышу реке вниз, и по Великой Оби вниз же, и черес Камень прошли Собыю же рекою в Пустоозеро, тута же казак Черкас Александров. А куды ныне ходят черес Камень, тогда того пути не бывало. А ис Пустоозера пришли к Руси, а град Сибирь оставиша пуст.

О царевиче Алее Кучюмове сыне и о князе Сейдяке, как пришел из Бухар

Егда же из града Сибири казаки побегоша, тогда то уведа царевичь Алей, царя Кучюма сын, яко град пуст остася. Прииде с воинскими людми, и вниде во град, и начаша ту жити. Слышано же бысть о том князю Сейдяку Бекбулатову сыну, яко Ермак с товарищи на Перекопи от царя Кучюма убиени бысть, а прочии же бежаша из града, а градом обладоша царевичь Алей Кучюмов сын. И собрася своими воинскими людми и со всем домом своим, и прииде из Бухар ко граду Сибири, и град взял, а царевича Алея взял и прочих Кучюмовых сынов седьм <...> убил и из града изгна. А отчину отца своего Бекбулата Казыева приемлет и пребываше во граде. На Москве же, чающе Сибирь за государем, и живут в ней государевы люди. И послаша с Москвы воеводу Ивана Мансурова, а с ним семьсот

о приходе князя Семена Волконского, и о том, как князя Семена Волконского в городе Сибири не стало, как многие из Ермаковых казаков и из тех, кто из Руси пришел, поумирали в городе от голода, как Иван Киреев отправился с царевичем Маметкулом в Москву, я выше говорил. А когда Иван Киреев с царевичем Маметкулом пришел в Москву в 1584 году, в то время по воле Бога царя Ивана Васильевича не стало. А завещал после своей смерти возвести на престол сына своего благочестивого государя царя и великого князя всея Руси Федора Ивановича.

Когда привезли царевича Маметкула, то по государеву указу встречали его по достоинству, и одарил его государь царь и великий князь всея Руси Федор Иванович всякими милостями, а после — и служилых людей. А в Сибири в городе остался только Иван Глухов да с ним лишь девяносто человек Ермаковых казаков побоялись здесь жить, и запасы все кончились. Вышли из города Сибири и поплыли вниз по реке Иртышу и по Великой Оби вниз же, а через Камень перешли Собыю-рекою в Пустоозеро, а с ними казак Черкас Александров. А каким путем нынче ходят через Камень, того пути тогда не было. А из Пустоозера пришли в Русь, а город Сибирь покинули.

О царевиче Алее Кучумове сыне и о князе Сейдяке, который пришел из Бухары

Как только казаки из города Сибири ушли, так о том, что город покинут, узнал царевич Алей, сын царя Кучума. Пришел с войском своим, вошел в город и обосновался в нем. Дошла весть о том и до князя Сейдяка Бекбулатова сына: Ермак-де с соратниками на Перекопе царем Кучумом убиты, а остальные убежали из города, а городом завладел царевич Алей Кучумов сын. И собрался (Сейдяк) с войском своим и со всеми близкими своими, и из Бухары пришел к городу Сибири, и город взял, а царевича Алея захватил (в плен), а других семерых Кучумовых сыновей <...> разгромил и, вотчину отца своего Бекбулата Казыева получив, обосновался в городе. А в Москве думают, что Сибирь государева и живут в ней государевы люди. И посы-

человек служилых людей розных городов, казаков и стрелцов.

По Ермакове же убиении и по смерти князя Семена Волжонскаго во второе лето прииде с Москвы в Сибирь воевода Иван Мансуров с воинскими людми и доидоша в судех рекою Тоболом до реки Иртища. Тогда же татар собращася множество во уреченом месте у реки Иртища на берегу. Государев же воевода Иван, видя таково собрание поганных и слыша, яко град Сибирь пуст, а казаки бегоша к Руси, и убоясь поганных, и не приста ко берегу, и поплыша вниз по реке Иртищу. Доплыша же до Великии Оби, и бе бо тогда уже осень, и лед в реках смерзаетца. И видя то, яко наставаше зима, и повеле на реке Оби на другой стране против иртишскаго устья постави городок и зимова тут с войском.

О пришествии остяков к городку

По николиких же днех, зимним временем приидоша под городок множество остяков, живущии по Великой Оби и по Иртищу, начаша же к городку приступати со всех стран, людие же из городка противляхуся им, тако же стояще и биющеся у городка день весь. Нощи же приспевшу, погании же отступиша от городка.

Наутрии же паки приидоша остяки под городок и принесоша с собою кумира своего, понеже в земли их кумир словутен бе, и почитаху они погании себе вместо бога. Его же поставиша <...> под древом и начаша жрети пред ним, надеяхуся, яко помощью его христиан взяти и смерти предати. В то же время, егда жруще, стрелища из горотка ис пушки и древо оно, под ним же бе кумир, розби на многи части. И сего погании устрашишася зело, не ведующе, что се есть, и мняху, яко хто из лука стрелил. И реша друг ко другу: «Силнии убо сии стреляти, яко таковое древо разби». И с того страха отойдоша восвояси. А Иван Мансуров в том городке жил многое время и до весны.

О пришествии государевых воевод в Сибирь и о поставлении градов в Сибири

В лето 7094, по государеву цареву и великаго князя Феодора Ивановича всея Руси указу, приидоша с

дают воеводу Ивана Мансурова, а с ним семьсот человек служилых людей из разных городов, казаков и стрельцов.

На второй год после гибели Ермака и смерти князя Семена Волконского пришел из Москвы в Сибирь воевода Иван Мансуров с воинским отрядом, а прошел в судах рекою Тоболом до реки Иртыша. Государев же воевода Иван, видя такое сборище неверных и узнав, что город Сибирь пуст, что казаки убежали в Русь, испугался неверных, не пристал к берегу, а поплыл вниз по реке Иртышу. Когда (он) доплыл до Великой Оби, то была уже осень и реки начали покрываться льдом. Понимая, что наступает зима, приказал (он) на Оби, на стороне, что напротив иртышского устья, поставить крепость и зимовал здесь с отрядом.

О приходе остяков к острогу

Через какое-то время, зимней порой, пришли к крепости многочисленные остяки, живущие по Великой Оби и Иртышу, и начали подступать к крепости со всех сторон, а воины из крепости не подпускали их, так и стояли, сражаясь, перед крепостью весь день. Когда пришла ночь, то нечестивые отступили от острога.

Назавтра же снова пришли остяки к крепости и принесли с собой идола своего, поскольку в их земле идол прославлен был и почитали его неверные как бога. Вот его и поставили <...> под деревом и начали кланяться ему, надеялись как-то с его помощью захватить христиан и смерти предать. Но в то время, как они молились, выстрелили из крепости из пушки и то дерево, под которым был кумир, разбили на мелкие куски. И этого неверные очень испугались, не понимая, что это такое, и думая, будто кто-то из лука выстрелил. И говорили друг другу: «Сильны же стрелять, раз такое дерево разбили». И от испуга ушли восояси, а Иван Мансуров в той крепости жил долгое время вплоть до весны.

О приходе государевых воевод в Сибирь и о создании городов в Сибири

В 1586 году по указу государя царя и великого князя всея Руси Федора Ивановича пришли из Руси вое-

Руси воевода Василей Борисов сын Сукин да Иван Мясной, с ними же многие русские люди и Ермаковы казаки, Черкас Александров с товарищи. И поставиша на реке Туре град Тюмень, иже прежде бысть град Чимги, и дома себе поставиша, и воздвигоша же церковь во имя живоначальные Троицы — в прибежище всеправославным крестьяном. Того же лета пришел государев воевода князь Федор Горчаков, и пелымского князя Аплыгарыма, призвав в город, поймал.

**О граде Тоболске, о здании
и о поставлении святых Божиих церквей,
и яко начальный град той наречеся**

В лето 7095, при державе великаго благочестиваго государя царя и великаго князя Феодора Ивановича всеа Русии, по его царскому повеленью послан в Сибирь с ратными со многими людьми его государев воевода Данило Чюлков. И по повелению государскому доидоша до реки Иртища, от града же Сибири вниз 12 поприщ. И обрете место на той реке Иртище усть речки Курдюмки, против мало пониже устья реки Тоболу, яко единыи версты, на велице горе и краснѡ велми. А под горою по реке Иртищу луги великие и озера все благополучные. Богом строенное место! Плавающим же защита ту бури и пристанище тихо и покойно.

И на сем же прекрасном месте поставиша град и нарекоша имя ему Тоболеск, ради реки Тобола. Се же и доднесь государева вотчина посреде всее Сибирской земли, богоспасаемы град Тоболеск. Тутю же во граде Тоболске создаша храм во имя Пресвятыя Живоначальные Троицы, понеже ту в Троицы славимому Богу прославляему быти от православных крестьян. Аще бы не благоволи Бог создатись ту граду и воздвигнутися святым Божиим церквам, мощен бо есть Бог наставить крестьян и помощи им, дабы шедши, помощью его взяша град Сибирь и князя Сейдяка, иже в нем господин, победити. Ныне же благоизволи ту и просвети место во славословие Живоначальной Троицы — Отцу и Сыну, и Святому Духу. Вместо прежде имянитаго града Сибири Старой сей именовася и начало градовом бысть град Тоболеск, понеже еще ту победа и одоление на окаянных бесермен бысть, и начальный

воды Василий Борисов сын Сукин да Иван Мясной, а с ними большой отряд и казаки Ермака, Черкас Александров с соратниками. И возвели на реке Туре город Тюмень, где раньше был город Чимги, и дома себе поставили и церковь воздвигли во имя живоначальной Троицы — прибежище всем православным христианам. В том же году пришел государев воевода князь Федор Горчаков и пелымского князя Аплыгарыма, зазвав в город, взял в плен.

О создании города Тобольска и о воздвижении святых Божиих церквей и почему тот город назван первопрестольным

В 1587 году, во времена великого благочестивого государя царя и великого князя всея Руси Федора Ивановича, по царскому его указу послан в Сибирь воевода его, государев, Данила Чулков с большим воинским отрядом. И по царскому повелению достигли они реки Иртыша, двенадцатью верстами ниже города Сибири. И нашли место привольное на реке Иртыше у впадения речки Курдюмки, чуть ниже устья реки Тобола, что-то около версты, на высокой горе. А под горою по реке Иртышу луга просторные и озера изобильные. Богом устроенное место! Плавающим защита от бури и пристанище тихое и спокойное.

И на таком благодатном месте возвели город и называли его Тобольском по реке Тоболу. Этот богоспасаемый град Тобольск и доныне государева вотчина посреди всей Сибирской земли. Здесь же в городе Тобольске воздвигли храм во имя Пресвятой Живоначальной Троицы, поскольку здесь в Троице славимому Богу быть превознесенному в похвалах православными христианами. Если бы не Божья воля, не создаться здесь городу, не воздвигнуться святым Божиим церквям, ибо всемогущ Бог, указывающий путь христианам и подающий помощь им, ведь помощью его, придя, завладели градом Сибирью и князя Сейдяка, который в нем (был) правителем, победили. Ныне же проявил милость и светом озарил место прославления живоначальной Троицы — Отца, и Сына, и Святого Духа. Вместо прежде почитаемого города Старой Сибири сей град Тобольск избран был и стал первопрестольным, поскольку именно здесь побеждены и одолены безбожные басурманы,

царствующаго града Старой Сибири Сейдяк в Тобольске и взят бысть Божиим праведным промыслом. И паче же сей Тоболеск вместо царствующаго града Старой Сибири именовася и препрослыся начальным градом.

**О взятии князя Сейдяка
и царевича Казачьи орды Салтана и Карачи.
То был думной царя Кучюма,
а побил он обманом Ермаковых казаков Ивана Колца
с товарищи, призва к себе оманом,
будто на помощь от Казачьи орды людей**

По поставлении же града Тоболска, при воеводе Даниле Чюлкове изыде ис Старой Сибири, из града, что от Тоболска 12 верст, князь Сейдяк, с ним же бысть и из града изыде царевичь Казачьи орды Салтан, туто ж бысть царя Кучюма думной Карача, с ними же воинских людей пятьсот человек. И доидоша Иртишем, гуляючи, близ Тоболска яко за 2 поприща, имянуетца же место то Княжой луг, позать того места, что ныне Знаменской монастырь, и начаша тешиться ястребы за птицы.

Увидев их из града Тоболска воевода Данило Чюлков и посоветовав, отпусти ко князю Сейдяку посланников и приказа им говорить князю Сейдяку, что он приехал в город советовать о мирном поставлении, тогда еще яко им безбожным злом дышашу на православных крестьян. Посланцы пришедше ко князю Сейдяку и возвестиша ему сия вся, яко же повеле им глаголати воевода Данило Чюлков. Князь же Сейдяк, слыша от посланников сия слова, и учал советовать с царевичем Салтаном, и с Карачею и абие совету бывшу. И поиде князь Сейдяк, и с ним царевичь Салтан и Карача, а с ними по их веленью поиде воинских людей сто человек, прочих же оставиша вне града. Приидоша же во град Тоболеск, воевода же Данило Чюлков с воинскими людьми встретиша их во градцких вратех, оружия же их повеле положить вне града.

Приидоша ж вси во двор воеводцкой и седоша же за стол: уже бо вся уготовлена суть ести и пити. Глаголаше же много о мирном поставлении. Князь же Сейдяк сядяше задумався, ничто не пия, ни брашна вкуси. Видев же сие Данило Чюлков и рече князю Сейдяку:

и правитель царствующего города Старой Сибири Сейдяк здесь в Тобольске взят в плен был Божиим промыслом. А потом этот Тобольск избран был вместо царствующего града Старой Сибири и получил славу первопрестольного.

**О захвате князя Сейдяка,
и царевича Казачьей орды Салтана, и Карачи.
Тот (Карача) был советником у царя Кучума
и перебил обманом казаков Ермака —
Ивана Кольцо с соратниками, хитростью заманив к себе,
будто для охраны от отрядов Казачьей орды**

После того как был возведен город Тобольск, при воеводе Даниле Чулкове вышел из Старой Сибири, из города, что от Тобольска 12 верст, князь Сейдяк, с ним же был и из города вышел царевич Казачьей орды Салтан, здесь же был царя Кучума советник Карача, а с ним отряд в пятьсот человек. И, охотясь, подошли они (берегом) Иртыша почти к Тобольску, к урочищу, называемому Княжий луг, что в двух верстах от того места, где ныне Знаменский монастырь, и начали охотиться с ястребами за птицами.

Увидел их из города Тобольска воевода Данила Чулков и, посовещавшись, направил к князю Сейдяку послов, а приказал им сказать князю Сейдяку, чтобы тот прибыл в город переговорить о мирном соглашении, в то время еще эти безбожники злобой дышали на православных христиан. Когда послы пришли к князю Сейдяку, то сообщили ему все то, о чем приказал им сказать воевода Данила Чулков. А князь Сейдяк, слыша от послов те слова, стал советоваться с царевичем Салтаном, да и с Карачей совет держал. И пошли Сейдяк, с ним царевич Салтан и Карача, с ними по их решению воинский отряд в сто человек, а остальных оставили за городской стеной. Когда пришли в город Тобольск, то воевода Данила Чулков с воинским отрядом встретил их в городских воротах, а оружие им приказал оставить за городской стеной.

И вот пришли все в воеводский дом и сели за стол, ибо все было уже приготовлено для еды и питья. И много говорили о мирном соглашении. Князь же Сейдяк сидел задумавшись, ничего не пивши, ни брашна вкусив. Когда увидел это Данила Чулков, то сказал

«Князь же Сейдяк, что зло мыслиши на государевых людей, на православных христиан, ни пия, ни брашна вкушая?» Рече же князь Сейдяк: «Аз немышлю на вас никакого зла». Данило ж прием чашу питья и рече: «Понеже, Седяк, аще ты не мыслиши зла, и с тобою царевичь Салтан и Карача, на нас, православных христиан, и выпей сию чашу за здравие». Прием же чашу князь Сейдяк и нача пити, и поперхну в гортани. По нем же приим чашу царевичь Салтан, нача пити, такоже поперхнув. Потом же, нача пити, Карача такоже поперхнув же в гортани. Яко же оне зло мысляще, Богу бо обличающе их яве.

Видевше же сие Данило Чюлков и служивые государевы люди, и познаша, яко князь Сейдяк и прочии с ним зло мыслят на государевых людей, на православных христиан, и помаяв рукою Данило своим, воинские же люди начаша поганых побивати. Князь же Сейдяк кинулся в окошко, и за ним царевичь Салтан и Карача, но абие пойманы быша, связани бысть, прочии же побиени быша. Слыша же стояще погании вне града, яко князь их Сейдяк побежен бысть, и на бегство устремишася яко от страха, и во град свой не возвратишася. Слышавше же во граде Сибири такое побеждение, и вси из града побегоша, не един же остася.

О послании князя Сейдяка и царевича Салтана и Карачи к государю к Москве

По неколице же времени послаша князя Сейдяка, Старые Сибири и Казачьи орды царевича Салтана и бывше зломысленного Карачю в царствующий град Москву со многими воинскими людьми.

О всех благих, яже от Бога подаваемая

Оттоле же солнце Евангилия землю Сибирскую осия и псаломский гром огласи, а егда не было в Сибири веры христианския, тогда же не было во всей Сибирской стране грому, и ни кто отнюдь слыша. И Божиим повелением на мнозех местех поставишася гради и села, веси, в них же множество внутрения жителя православных пребывания быша, паче же просиявающе в велелепную славу Отцу, и Сыну, и Святому Духу; мно-

князю Сейдяку: «Князь Сейдяк, зачем зло замышляешь против государевых людей, православных христиан, ничего не пивши, ни брашна вкусив?» И ответил князь Сейдяк: «Я не замышляю против вас никакого зла». Тогда Данила взял чашу с питием и сказал: «А коли, Сейдяк, не замышляешь зла против нас, православных христиан, то выпей эту заздравную чашу, а за тобой царевич Салтан и Карача». И принял чашу князь Сейдяк, начал пить, да поперхнулся. После него принял чашу царевич Салтан, начал пить, также поперхнулся. А потом, начав пить, и Карача тоже поперхнулся, поскольку они замышляли зло, явно Богом избличаемы.

Когда это увидели Данила Чулков и служилые государевы люди и поняли, что князь Сейдяк и остальные с ним зло замышляют против государевых людей, православных христиан, то Данила махнул рукой своим, и служилые люди начали неверных убивать. Князь же Сейдяк бросился в окошко, а за ним царевич Салтан и Карача, но сразу пойманы и связаны были, а остальные перебиты. Услышали же стоявшие за городской стеной, что князь Сейдяк схвачен, бросились бежать от страха и в город свой не возвратились. Когда узнали в городе Сибири о таком поражении, то все из города разбежались, никого не осталось.

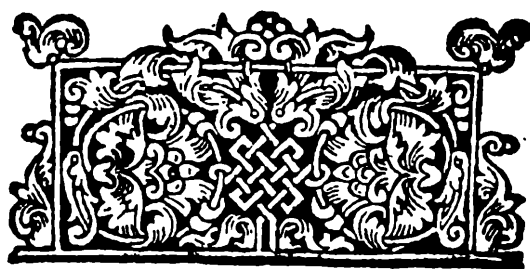
Об отправке князя Сейдяка, царевича Салтана и Карачи к государю в Москву

Некоторое время спустя посланы были князь Старой Сибири Сейдяк, царевич Казачьей орды Салтан и зачинщик зла Карача в царствующий град Москву с большим воинским отрядом.

О милосердии, которое даруется Богом

С той поры солнце Евангелия землю Сибирскую просветило и Псалтири вознесся глас. А когда не было в Сибири веры христианской, то во всей Сибирской земле (псаломского) гласа никто и никогда не слыхивал. И Божиим повелением в различных местах построены были города, села и деревни, а в них множество духовных детей православных обрелось, еще более прославляющих величественную славу Отца, и Сына, и Свято-

зи же невернии, видевще истинную православную крестьянскую веру, крестѣшася во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа и от неверия верни бысть. Всюду же по той земли благодать Божия излися по Писанному. Глаголющему Давиду: «Посетил еси землю и упои ея, умножил еси о обогатити ея». И мнози от неверия бысть вернии. Паче же и чюдеса Божия ту содеяшася, еже есть: избавление недугом и свобоженье страstem, и различнымъ болезнемъ исцеление и прѣчая благѣя, подаваемая намъ, православнымъ крестьянемъ, от всемогущаго Бога. Аминь.

го Духа; многие неверные, узнав истинную православную веру, крестились во имя Отца, и Сына, и Святого Духа и от неверия пришли к вере. Всюду по той земле милость Божия распространилась, согласно Писанию. Ибо говорит Давид: «Ты посещаешь землю и утоляешь жажду ее, обильно обогащаешь ее». И многие от неверия пришли к вере. Кроме того, и чудеса Божьи здесь совершались: избавление от недугов, и освобождение от страданий, и от различных болезней исцеление, и прочие милости, даруемые нам, православным христианам, всемогущим Богом. Аминь.

ПОГОДИНСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Погодинский летописец публикуется по рукописному сборнику ОР ГПБ собрания М. Погодина, № 1604, 70-х годов XVII в., вероятно вышедший из недр Посольского приказа (составленный каким-либо дьяком Посольского приказа). Текст издавался в издании: Полное собрание русских летописей.— М., 1987.— Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи.

С. 60 *...царство бисерменское...*— Басурманами, бесерменами называли людей иной веры, главным образом — магометан.

...града Верхотурья...— См. комм. к с. 46. В 1597 г. житель села Верх-Усолка, посадский человек Артемий Софронов Бабинов, нашел удобное направление для дороги из Соликамска в Сибирь. На промежуточном пункте, на р. Туре, в 1598 г. было создано поселение Верхотурье, сразу приобретшее значение таможенного города с воеводским правлением (Кривошеков И. Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии.— Пермь, 1910.— С. 325—337).

...на реке на Туре...— См. комм. к с. 8.

...Камень превысочайши...— См. комм. к с. 48.

...вогуличи...— См. комм. к с. 8.

...река Салдава...— Здесь имеется в виду р. Прокопьевская Салда, правый приток Туры; у р. Тагила также есть приток Салда.

...Тагил...— См. комм. к с. 8.

...к Туринскому острогу...— См. комм. к с. 46.

С. 62 *...город Тара...*— См. комм. к с. 46.

...Самаровых гор...— Самар — главный князец остяков, живших в низовьях Иртыша и по Оби. Его городок располагался на высокой и крутой горе; позднее здесь был поставлен Самаровский ям.

...река, глаголемая Ишим...— Левый приток Иртыша, впадающий в него выше Тобола.

...Мааметева закону...— См. комм. к с. 10.

...именем Он...— См. комм. к с. 10.

...от простых людей именем Чингис...— По мнению С. В. Бахрушина, здесь имеется в виду исторический Чингис-хан, выходец из простых людей, вассал Ван-хана (Иван, Унг, Ван, Он), впоследствии его убивший. Существует другая версия происхождения Она.— См. комм. к с. 10.

...*Темир Аксак*...— Тимур, Темерлан, «Железный хромец» (1336—1405), среднеазиатский полководец, разгромивший Золотую Орду. Поход Темир-Аксака на Русь был остановлен (по свидетельству летописей) явлением иконы Владимирской Богоматери.

...*пишет про то инде в московских летописцах*...— Известия о Темир-Аксаке содержатся практически во всех летописных сводах. Русский хронограф 1512 г. помещает даже краткие известия из его биографии (см.: Полное собрание русских летописей.— Спб., 1911.— Т. 22.— С. 419—422).

...*Тайбуга*...— Тайбуга: см. комм. к с. 10.

...*люди, именовася чють*...— См. комм. к с. 10.

...*град Чимги*...— См. комм. к с. 10.

...*сын его Ходжа, по сем Ходжин сын Мар. Маровы дете Адер, Абалак*...— См. комм. к с. 10.

С. 64 ...*казанского царя Упака*...— Казанский хан, убитый Мухаммедом, потомком князя Тайбуги; см. также комм. к с. 10.

...*Адеров сын Мамет*...— Махмет (Мухаммед, Мамет), сибирский князь «Тайбугина рода», сын князя Адера.

Царь же Чингис...— Здесь летописец ошибся; речь идет о царе Мамете.

...*Абалаков сын Агиш*...— Яболак (Ебалак, Абалак), татарский хан, правнук Тайбуги, отец Агиша (Ангиша, Агая).

...*Маметев сын Казый*...— См. комм. к с. 10.

...*Казыевы дети Едигер, Бекбулат*...— Представители рода князя Тайбуги; см. также комм. к с. 10.

...*царь Кучюм*...— См. комм. к с. 10.

...*Бекбулатов же сын Сейдяк*...— См. комм. к с. 10, 22.

С. 66 ...*Казачьи орды*...— См. комм. к с. 10.

...*сына своего Алея*...— См. комм. к с. 22.

...*воевать в Чусовую*...— Документы Строгановского архива сообщают, что в 1581 и 1582 г. на Чусовую приходили «пелымский князь с ратью, а с ним людей 700 человек... деревни все выжгли, и людей и крестьян побили, жон и детей в полон поймали, и лошади и животину отогнали» (Введенский А. А. Торговый дом Строгановых XVI—XVII вв.— Л., 1924.— С. 62—63). Об этом см. также Строгановскую летопись в настоящем издании.

...*до города до Соли Камской*...— Городок, построенный Строгановыми, владевшими здесь соляными варницами.

...*атаман Ермак Тимофеев*...— См. комм. к с. 10.

...*пелымский князь Аплыгарым*...— Аблегири́м, Аблегаи́р, Облагаи́р — царевич, старший сын Кучума, князь пелымский; по другим сведениям — племянник Ишима, из «саргачиков» — см. комм. к с. 126.

...*Пермь Великую*...— См. комм. к с. 108.

...*В лето 7089*...— См. комм. к с. 12.

...*царя... Ивана Васильевича*...— См. комм. к с. 10.

С. 68 ...*прозвище ему было у казаков Токмак*...— Приведенное здесь прозвище Ермака «токмак», обозначающее пестик для дробления зерен в ручной мельнице, перекликается с сообщением Бу-

зуновского летописца («жерновой мелен ручной») — см. настоящее издание, с. 208—209.

...с Еика на Иргинские вершины...— Здесь летопись предлагает оригинальный вариант начального периода похода Ермака и связывает его с р. Яик (Урал), откуда он попадает через Волгу на Каму и далее в Сибирь.

...ис Чюсовой реки — в Серебряную реку...— Вершина р. Серебряной, правого притока р. Чусовой, находится на водоразделе рек бассейна Камы — Волги и Иртыша — Оби.

...до реки до Баранчюка волоком...— Река Баранча, левый приток р. Тагил. Верховье ее находится вблизи вершин рек Ольховки, Кушвы (притока Туры) и Серебрянки. Притоки Баранчи — реки Журавлик, Актай, Орулиха, Большая Горевая.

...догребли <...> до Епанчина, что ныне слово Туринской острог...— См. комм. к с. 46.

...до реки до Тавды...— См. комм. к с. 46.

...от Пелынского города...— См. комм. к с. 46.

...изымали татарина именем Таузак...— См. комм. к с. 12.

...татар...— См. комм. к с. 8.

...остяков...— См. комм. к с. 10.

...царевича... Маметкула...— См. комм. к с. 12.

С. 70 ...повеле засеку учинити...— См. комм. к с. 12.

...под Чювашевом...— Чувашский мыс на правом берегу Иртыша возле Старой Сибири.

...до некоего урочища, иже Бабачани имянуетца...— Урочище и селение в 30 верстах ниже устья Тавды по р. Тоболу; названо по имени тогдашнего его владельца мурзы Бабасана.

О Карачине улусе...— См. комм. к с. 12.

...Карача думной бе царя Кучюма...— См. комм. к с. 12.

...городок Атик мурзы...— См. комм. к с. 14.

С. 72 ...яко же древле бысть... у Троинского града близ Скомандры реки пленующу Ахилесу...— Здесь летописец использует образы античной истории, связанные с Троянской войной, из Русского Хронографа.

...повеле мурзам...— Мурзы — князья, представители феодальной знати в Сибирском и Казанском ханствах.

С. 74 Приидоста... во град Сибирь в лето 7089 октября в 26 день...— См. комм. к с. 12.

...остяцкой князец, имянем Бояр...— См. комм. к с. 14.

...Абалак...— См. комм. к с. 14.

...ясаул казачей имянем Брюзга...— Один из сподвижников Ермака Богдан Брызга. В Кунгурской летописи (см. настоящее издание, с. 256—263) дано описание похода отряда пятидесятника Брызги в Пелымские городки.

Брат же царя Кучюма царевичь Маметкул...— Здесь Маметкул назван братом Кучума; ср. комм. к с. 12.

...казак Черкас Александров...— Пришел в Сибирь с Ермаком, служил здесь еще в начале XVII в. Он строил город Тару, участвовал в походе против Кучума и т. д. Вплоть до конца XVII в. в Сибири известны его потомки — дети, внуки и правнуки.

С. 78 ...с Алеем да са Алтынаем да с Ышимом...— Алей, сын Кучума, ногойский мурза — см. комм. к с. 22; Алтынай и Ишим — царевичи, сыновья Кучума. Все трое действовали против русских сообща, пытаясь использовать для этого военную силу калмыков.

...привели к шерти...— См. комм. к с. 20.

...ярак...— Обязательная дань; одновременно уплата ясака была признаком подданства.

...послал воевод своих...— См. комм. к с. 14.

С. 80 ...татарин Сенбахта...— Князь татарский, сын Махмета из рода Тайбуги. Последнее обстоятельство объясняет помощь Сенбахты Ермаку в поимке Маметкула — см. комм. к с. 12.

...поприщ сто...— См. комм. к с. 8. В древнерусском толковом словаре Азбуковнике поприще определяется как 750-саженная верста, чуть более 1200 м (сажень здесь мерная, 2,5 аршина — 1,76 м). Уложением Алексея Михайловича 1649 г. прежняя верста была заменена на 1000-саженную, да и сама сажень стала 3 аршина: «А отмерять... новою саженью, которая сажень по государеву сделана в 3 аршина, а в версте учинити по тысяче сажень» (Уложение 1649 г., л. 252 об.).

С. 82 ...пошел из Сибири через Камень Собыю рекою и вышел в Пустоозеро...— Здесь описан один из северных сибирских путей — Собы, левый приток Оби; из верховьев Соби — волок через водораздельный хребет в р. Усу, правый приток Печоры. Пустоозеро — с 1489 г. укрепленный пункт русских в Югорской земле.

...прииде к Ялымскому езеру...— См. комм. к с. 16.

С. 84 ...Назымский же городок на Иртыше реке...— См. комм. к с. 16.

...атамана именем Ивана Колца...— Один из пяти атаманов войска Ермака; см. также комм. к с. 120.

...в некоем месте зовом Саукъсан...— Саусканский мыс на высоком восточном берегу Иртыша, в нескольких верстах ниже города Старая Сибирь. Кладбище на мысе Саускан было местом захоронения членов ханских семей.

С. 86 Приидоша от бухар от торговых людей...— См. комм. к с. 20.

...до места, иже зовомо Атбаш...— См. комм. к с. 20. Атбаш — «конская голова», урочище на Вагае.

С. 88 ...повеле на царской престол возвести сына своего...— См. комм. к с. 18.

...послаша с Москвы воеводу Ивана Мансурова...— См. комм. к с. 120.

С. 90 ...и повеле на реке Оби... постави городок...— См. комм. к с. 22.

С. 92 ...воевода Василей Борисов сын Сукин да Иван Мясной...— См. комм. к с. 110.

и Ермаковы казаки, Черкас Александров с товарищи...— Погодинская летопись — единственная, сообщающая об участии Ермаковых казаков в походе воеводы В. Б. Сукина в Сибирь и строительстве Тюмени.

...И поставиша на реке Туре град Тюмень...— См. комм. к с. 10.

...государев воевода князь Федор Горчаков...— Князь Петр Иванович Горчаков, строитель города Пелыма и первый воевода пелымский.

...пелымского князя Аплыгарыма... поимал...— Аблегири́м, старший сын Кучума, князь пелымский, был взят в плен вместе с сыновьями, внуками и другими родственниками; здесь, вероятно, имеется в виду племянник Ишима.— См. комм. к с. 66.

...государев воевода Данило Чюлков..— См. комм. к с. 204.

...поставиша град... Тоболеск...— См. комм. к с. 22.

...создаша храм во имя Пресвятыя Живоначальныя Троицы...— По версии ремезовской «Истории Сибирской», Троицкая церковь была возведена одновременно с городом.

С. 94 *...царевича Казачьи орды Салтана...*— См. комм. к с. 24.

...Княжой луг...— См. комм. к с. 24.

...Зчаменской монастырь...— Тобольский мужской монастырь, существовавший уже в 1594 г. Был расположен на Нижнем посаде Тобольска, при устье речки Монастырки.

С. 96 *...выпей сию чашу за здравие...*— См. комм. к с. 24.

С. 98 *...по Писанному. Глаголющему Давиду...*— Библейский царь и пророк Давид; с его именем связывают авторство значительной части Псалтири.

...«Посетил еси землю и упои ея, умножил еси и обогатити ея»...— Слова из 64 псалма.

...до пролетия...— Время года с 22 июня по старому стилю (день Ивана Купалы) до Петрова дня (29 июня).

...солнце Евангелия...— иносказание Христа.

...Аминь...— После этого в рукописи Погодинской летописи имеются сведения о сыновьях царя Кучума и о Маметкуле: «А у царя Кучюмы было десеть сынов: и семи сынов у царя Кучюма убил князь Сейдяк... а три сыны у Кучюма—царевичь Алей да царевичь Алтынай—при прежних государех были на Москве, а как оне взяты, тому писмо есть в Посольском приказе...»

ПРОШЛОЕ

БУДУЩЕМУ

**СТРОГАНОВСКАЯ
ЛЕТОПИСЬ**

Строгановская летопись известна в четырех редакциях: краткой, основной, распространенной и особой. Все они отличаются друг от друга более или менее подробным рассказом об участии солепромышленников Строгановых в организации похода Ермака в Сибирь, рядом документальных материалов, большей или меньшей лиричностью рассказа. Публикуемая распространенная редакция известна по нескольким спискам, среди которых самый ранний находится в сборнике конца XVII в. из собрания графа Толстого. В сборнике все сочинения — сибирской тематики, кроме Строгановской летописи он включает летопись тобольского архиепископского дьяка Саввы Есипова, Сказание воеводы Петра Годунова «О Китае и Индии глубокой».

Рассказ Строгановской летописи распространенной редакции отличается от прочих использованием недостающих в Строгановской версии эпизодов из Есиповской летописи, фольклорных источников, да и обработан он прекрасным книжником.

ИСТОРИЯ О СИБИРСТЕЙ ЗЕМЛИ <...>
ВЕЛИКАГО ГОСПОДА БОГА И СПАСА НАШЕГО
ИИСУСА ХРИСТА СВЫШЕ ПОМОЩИЮ, ГОСУДАРЯ
ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИ-
ЛЬЕВИЧА ВСЕА РОСИИ СЧАСТИЕМ, И ЕГО ГО-
СУДАРЕВЫХ ИМЕНИТЫХ ЛЮДЕЙ ЯКОВА, ГРИ-
ГОРИЯ И НИКИТЫ СТРОГАНОВЫХ РАДЕНИЕМ,
И АТАМАНОВ И КАЗАКОВ ЕРМАКА ТИМОФЕЕВА
С ТОВАРЫЩИ ПОВОЛСКОГО И С ЕГО ДРУЖИ-
НОЮ ХРАБРОЮ 340 ЧЕЛОВЕК ПРОМЫСЛОМ И
ДОСУЩЕСТВОМ, КАКО ИМ ГОСПОДЬ БОГЪ ПО-
ДАРОВА ТАКОВОЕ ВЕЛИКОЕ, И СИЛНОЕ, И ГРОЗ-
НОЕ, И ДАЛНОЕ ИДОЛОЖЕРТВЕННОЕ И БОГО-
МЕРСКОЕ ИДОЛСКОЕ БЕСУРМАНСКОЕ ЦАРСТВО
РАЗОРТИ И КУЧЮМА ЦАРЯ МУРТАЗЕЛЕЕВА С
ВЕЛИКИМ ЕГО ВОЙСКИ ПОБЕДИТИ, И СЫНА
ЕГО МАМЕТКУЛА ЖИВА ВЗЯТИ; И КАКО ТУ
СИБИРСКУЮ ЗЕМЛЮ ПРОСВЕТИ ГОСПОДЬ БОГЪ
СВЯТЫМ КРЕЩЕНИЕМ И СВЯТЫМИ БОЖИИМИ
ЦЕРКВАМИ, И О ПОСТАВЛЕНИИ ГОРОДОВ ВО
ВСЕЙ СИБИРСКОЙ ЗЕМЛИ, И КАКО НАРИЦАШЕ-
СЯ СТРАНА СИБИРСКАЯ

Глава 1.

некое благополучное время вни-
де в слух благочестивому го-
сударю царю и великому князю
Ивану Васильевичю всеа Ро-
сии о частых приходах бесурман-
ских, како приходят войною в
в его государеву землю, в
глаголемую Пермь, и его
государевым городом Пермские
земли — много пленение от царя
Кучюма злаго; городом и селом
запустение учиниша и многие
скорби и досады от их поганных
безбожных находжений.

И в некое время вложи господь Богъ мысль бла-
гу в его благонравие государю царю и великому кня-
зю Ивану Васильевичю всеа Росии распросити свое-

ПОВЕСТВОВАНИЕ О СИБИРСКОЙ ЗЕМЛЕ <...>
КАК ВЕЛИКОГО ГОСПОДА БОГА И СПАСИТЕЛЯ
НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА НЕБЕСНОЙ ПОМО-
ЩЬЮ, ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
ВСЕЯ РОССИИ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА СЧАСТИ-
ЕМ И ЕГО ГОСУДАРЕВЫХ ИМЕНИТЫХ ЛЮДЕЙ
ЯКОВА, ГРИГОРИЯ И НИКИТЫ СТРОГАНОВЫХ
УСЕРДИЕМ, А АТАМАНОВ И КАЗАКОВ ЕРМАКА
ТИМОФЕЕВИЧА ПОВОЛЬСКОГО С СОРАТНИКА-
МИ, ДА С ЕГО ДОБЛЕСТНОЙ ДРУЖИНОЙ В 340
ЧЕЛОВЕК ВОИНСКОЙ УДАЧЕЙ И УМЕНИЕМ ГОС-
ПОДЬ БОГ ДАРОВАЛ ТАКУЮ ВЕЛИКУЮ, УКРЕП-
ЛЕННУЮ, МОГУЩЕСТВЕННУЮ И НЕДОСЯГАЕ-
МУЮ ИДОЛОПОКЛОННИЧЕСКУЮ И НЕЧЕСТИ-
ВУЮ ЯЗЫЧЕСКУЮ БАСУРМАНСКУЮ ДЕРЖАВУ
СОКРУШИТЬ, И ЦАРЯ КУЧУМА МУРТАЗЕЛЕЕВА
СЫНА С МНОГОЧИСЛЕННЫМИ ЕГО ВОЙСКАМИ
РАЗГРОМИТЬ, И СЫНА ЕГО МАМЕТКУЛА В ПЛЕН
ВЗЯТЬ; И КОГДА ТУ СИБИРСКУЮ ЗЕМЛЮ ПРО-
СЛАВИЛ ГОСПОДЬ БОГ СВЯТЫМ КРЕЩЕНИЕМ И
СВЯТЫМИ БОЖЬИМИ ЦЕРКВАМИ, И ПОСТРОЕНЫ
БЫЛИ ГОРОДА ПО ВСЕЙ СИБИРСКОЙ ЗЕМЛЕ,
А КОГДА НАЗЫВАЛАСЬ (ОНА) СИБИРСКИМ ЦАР-
СТВОМ

Глава 1.

днажды в мирное время до-
шло до слуха благочестивого ца-
ря и великого князя всея России
Ивана Васильевича о частых на-
падениях басурман, которые со-
вершают военные набеги на его,
государеву, землю, именуемую
Пермью, а его, государевы, города
в Пермской земле — постоянная
добыча жестокого Кучума-царя;
в города и села набеги тех нече-
стивых безбожников принесли ра-
зорение, много насилия и горя.

Как-то подал Господь Бог мысль благую добродетельному государю царю и великому князю всея России Ивану Васильевичу расспросить своей державы сведу-

го государства ведущих людей про ту страну Сибирскую. И повеле государь поставить пред собою Якова да Григория Строгановых и роспроси их, како бы им оберегати Пермскую землю от нашествия сибирских людей и како бы им обиду свою царю Кучюму отмстить. Они же ему, государю, подлинно розказаша, и слово их ему, государю, бысть приятно, и их пожаловал: велел дать им на волю, како бы им от сибирских людей Пермской земле оберегание учинити. И грамоты им свои государевы жалованные даст за своими государевыми златыми печатми, како бы им мочно и поволно от своих недругов, от сибирских татар, и от вогуличь, и от остяков, и от башкирцов, и от всех злых неприятелей всякими их вымыслы оберегати.

Глава 2
О поставлении первого Канкора городка
на Пыскорском мысу,
идеже ныне монастырь Всемилоstitаго Спаса,
зовомый Пыскор

В лето 7066 году, апреля в 4 день, благочестивый государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа России пожаловал Григория Аникиева сына Строганова ниже Великия Перми за 80 верст вниз по Каме реке: по правую сторону с усть Лысьвы речки, а по левую сторону вниз Пызновской курьи по обе стороны,— по Каме и до Чусовой реки места пустые. И в тех пустых местах, где изберет место Григорей Строганов крепкое и осторожливое, и тут ему городок поставити, и крепости учинити, и пушкарей, и затинщиков, и пищалников, и воротников велели ему Григорию устроить собою для обережения сибирских и нагайских людей. И ему, Григорию, волно к себе называти всяких охочих волных не тяглых людей на те его государевы пустые места и на Канкор городок.

И грамота государева ему, Григорию, дана за приписью дьяка Петра Данилова, приказали околничей Федор Иванович Умнои, да Алексей Федорович Адашев, да казначей Федор Иванович Сукин, да Хозяин Юрьевич Тютин; а приказ подписал дьяк Третьяк Качаров.

ших людей про то Сибирское царство. И приказал государь привести к себе Якова да Григория Строгановых и узнал от них, возможно ли им защитить Пермскую землю от нападений сибирских людей и когда они ответят на те насилия царю Кучуму. Они же ему, государю, все как есть рассказали, и речь их ему, государю, была угодна, и пожаловал их: приказал предоставить им свободу в том, как охранять Пермскую землю от сибирских людей. И грамоты им свои жалованные дает с его, государевыми, золотыми печатями, как позволено и как вольно от своих неприятелей, от сибирских татар, и вогулов, и от остяков, и от башкир, и от всех жестоких врагов разными способами защищаться.

Глава 2.
О строительстве первой крепости Канкора
на Пыскорском мысу,
где ныне монастырь Всемилоштивого Спаса,
именуемый Пыскор

В 1558 году, 4 апреля, благочестивый государь царь и великий князь всея России Иван Ваоильевич пожаловал Григорию Аникиеву сыну Строганову по обоим берегам Камы незаселенные места в 80 верстах ниже Великой Перми: вниз по реке Каме, по правому берегу, от устья Лысьвы-речки, а по левому берегу ниже Пызовской курьи,— до устья Чусовой-реки. А в тех незаселенных местах, там, где Григорий Строганов выберет место, надежное и хорошо защищенное, он должен построить острог и укрепления возвести, а пушкарей, и зинщиков, и пищальников, и караульных при крепостных воротах приказали для защиты от сибирских и ногайских отрядов тому Григорию найти самому. Да тому же Григорию беспрепятственно разных охочих не тяглых, а свободных людей приглашать в те его, государевы, незаселенные места и в крепость Канкор.

А грамота государева тому Григорию выдана за подписью дьяка Петра Данилова, по распоряжению окольничего Федора Ивановича Умного, да Алексея Федоровича Адашева, да казначея Федора Ивановича Сукина, да Хозяина Юрьевича Тютина, а распоряжение подписал дьяк Третьяк Карачаров.

Глава 3.

О поставлении другаго городка на Орловском мысу, зовомый Кергеден, а ныне тот городок зовется Орлов

В лето 7072, месяца генваря в 2 день, государь царь и великий князь Иван Васильевичь всеа Росии пожаловал Григория Аникиева сына Строганова своею государевою жалованною грамотою на те же его места, что преж сего избрал, прежнего Канкора городка ниже 20 верст избрал место на Орловском наволоке. И ему, Григорию, собою же поставить городок, стены сажень печатных по 30 и болши, а приступную стену снизу в плиты место каменную класть, а пищалники и сторожи в том городке ему, Григорию, уставити собою же и держати в тех местах, в обеих городках, снаряд скорострелной, пушки и пищали затинные, ручницы поделати незаписным мастером, которых себе Григорей приговорит из наймов, и у себя ему, Григорию, тот снаряд держати.

И грамота государева ему, Григорию, на тот городок дана. Припись у грамоты большого государева дьяка Юрья Башанина: «Царь и великий князь Иван Васильевичь, всеа Росии самодержец». На другом месте припись Сени Непеина: «По приказу государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Росии». В третьем месте — припись Козмы Романцова: «Приказал царевым и великаго князя словом казначей Никита Афанасьевичь Фуников по памяти с приписью дьяка Ивана Булгакова».

Глава 4.

О поставлении Чюсовских городков

В лето 7076 году марта в 25 день государь царь и великий князь Иван Васильевичь всеа Росии пожаловал Якова Аникиева сына Строганова своею государевою жалованною грамотою от усть реки Чюсовые вверх по обе стороны и до вершины земли и речки до вершин. И в тех местах, от Камы по Чюсовой вверх 80 верст на правой и на левой стороне, поставить городки для крепости и обереганья сибирских и нагайских людей и от иных орд, и городовою скорострелной снаряд, пу-

Глава 3.

О строительстве другой крепости на Орловском мысу, именуемой Кергеден, а сейчас эта крепость зовется Орлов

В 1564 году, 2 января, государь царь и великий князь всея России Иван Васильевич изволил дать Григорию Аникиеву сыну Строганову свою государеву жалованную грамоту на те же его угодья, что прежде подыскал. А подыскал он место на Орловском мысу, двадцатью верстами ниже старой крепости Канкора. И тому Григорию (приказано было) своими силами возвести крепость, (у которой) стены печатных сажений по 30 и больше, а в стену, открытую для нападения, снизу, вместо кирпича камень класть, а пищальников и караульную службу в той крепости ему, Григорию, подобрать и содержать самому же, в тех местах в обоих крепостях орудия скорострельные, пушки и пищали на крепостные стены, и ружья изготовить не государевыми мастерами, а (теми), которых Григорий наймет себе по договору, и тот арсенал содержать у себя тому Григорию.

И государева грамота тому Григорию на ту крепость выдана. Запись на грамоте старшего государева дьяка Юрия Башанина: «Царь и великий князь Иван Васильевич, всея России самодержец». В другом месте запись Сени Непеина: «По приказу государя царя и великого князя всея России Ивана Васильевича». В третьем месте — запись Козьмы Романцова: «Передал цареву и великого князя волю казначей Никита Афанасьевич Фуников по грамоте за подписью дьяка Ивана Булгакова».

Глава 4.

О строительстве Чусовских городков

В 1568 году, в 25 день марта, государь царь и великий князь всея России Иван Васильевич изволил дать Якову Аникиеву сыну Строганову свою государеву жалованную грамоту на земли от устья реки Чусовой вверх по обоим берегам вплоть до истока и по притокам до (их) истоков. А в тех местах, от Камы вверх по Чусовой — на 80 верстах по правому и левому берегам возвести укрепления для защиты и обороны от сибирских и ногайских отрядов и других кочевников, а для укрепле-

шечки и затинные пищали и ручные, и всякое боевое оружие, и всякие городовые крепости поделать, и всяких людей называть ему поволно в те городки — пушкарей и затинщиков, и пищалников, и сторожей, и воротников, и во всякие служивые — и пахотные, и дворовые <...> и деловые люди прибирати.

И грамота ему государева дана за приписью дьяка Дружины Володимерова.

Глава 5.
О поставлении городков
Сылвинского и Яйвинского,
что поставлены на сибирских и нагайских людей
на пути

В лето 7078 по повелению благочестиваго царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Росии Яков Строганов на пути для переходу сибирских и нагайских людей, чтобы им, злодеем, к государевым пермским городом пути не было, и для утеснения сылвинских и иренских татар, и остяков, и чюсовских, и яйвинских, и инвинских, и косвинских вогуличь, над Сылвою и над Яйвою реками поставил острошки, и наряд скорострелной и пушечки, и затинные пищали, и ручные, и людей пушкарей, и затинщиков, и пищалников, и воротников, и сторожей в тех острожках устроил.

Глава 6.
О убиении русских торговых людей
и ватащиков от черемисы и башкирцов

В лето 7080 году, июля в 15 день, Божиим попущением прииде на реку Каму черемиса и з собою подговориша остяков, и башкирцов, и буинцов. И собравшася множество, и приидоша под преждереченныя городки Канкор и Кергеден, и побиша в тех городках русских торговых людей 87 человек. И прииде весть к Москве, к государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Росии, и о сем государь царь велми опечалился и велел послать к Якову да Григорию Строгано-

ния изготовить скорострельные орудия, пушечки, и пищали для крепостных стен, и ручное оружие, и разные полевые орудия, и всякие осадные приспособления, и различных людей в те укрепления зазывать беспрепятственно — пушкарей, затинщиков, и пищальников, и сторожевой отряд и караульных при крепостных воротах, и разных служилых — пахотных, дворовых <...> и мастеровых людей подыскивать.

А грамота государева ему выдана за подписью дьяка Дружины Володимерова.

Глава 5.

О строительстве крепостей Сылвинской и Яйвинской, которые возведены на пути сибирских и ногайских отрядов

В 1570 году по указу благочестивого царя и великого князя всея России Ивана Васильевича Яков Строганов над реками Сылвою и над Яйвою на пути передвижения сибирских и ногайских отрядов выстроил острожки и орудиями скорострельными, и пушечками, и пищалими для крепостных стен, и ручным оружием, и пушкарями, затинщиками и пищальниками, и караульными при крепостных воротах, да сторожевыми отрядами те острожки снабдил, чтобы тем врагам к государевым городам Пермской земли прохода не было, и для охраны от сылвенских и яренских татар и остяков, чувовских и яйвенских и инвинских и косьвинских вогулов.

Глава 6.

Об убийстве русских купцов и промысловиков черемисами и башкирами

В 1572 году, 15 июля, по Божьей воле пришли на реку Каму черемисы, а с собой сманили остяков, башкир и буинцев. И вот собралось их множество, и пришли под названные выше крепости Канкор и Кергеден, и убили в тех городках 87 русских купцов. И дошло это известие до Москвы, до государя царя и великого князя всея России Ивана Васильевича, по этому поводу государь царь был очень озабочен и приказал послать Якову да Григорию Строгановым свою царскую грамоту за

вым свою царскую грамоту за приписью дьяка Кирея Горина, а указал, чтобы им за его государевыми изменники, за черемисою, и остяки, и за башкиры, и за буинцы, из городков людей своих собрав, послати. И они, Яков и Григорей, выбрав в городках своих голову и дав ему ратных людей — казаков охочих и своих людей, за его государевы изменники послали. Они же, посланнии, их, окаянных, догнаша, овых побиша, а иных живых яша, и всех к шерти их приведоша: что им государю во всем прямити и быти подручными, и оброки государю давать, и на сопротивных государевых супостат стояти за него, государя, без измены. И аманатов у них поймав, в свои городки взяли и в Пермь к государевым воеводам послали.

Глава 7.

О приходе сибирскаго салтана Кучюмова сына царевича Маметкула на Чюсовую реку и о пленении русских людей

В лето 7081, июля в 20 день, на память святого пророка Илии, из Сибирския земли, с Тобола реки приходил сибирскаго салтана царя Кучюма сын Маметкул, собрався со многими своими мурзами и уланами ратью на Чюсовую реку дороги проводывать, куды бы ему итти ратью в Яковлевы и в Григорьевы Строгановых городки и в Великую Пермь. И в том приходе они, окаяннии, многих вогуличь и остяков яшашных побили, а жены их и дети в полон поймали. И посланника государева Третьяка Чебукова и с ним служилых татар, кои с ним шли в Казатцкую орду, то тех всех побили, а иных живых взяли. И не доходя до Чюсовских городков за пять верст, сказали им русские полоненики, что-де в городках ратным людем скоп и вас-де они к себе ждут. И царевич Маметкул, убояся того, назад поворотился, а Яков и Григорей без государева указу за сибирскими людми государевых и своих наемных людей, атаманов и казаков, послать не смели. А преж сего сибирской же салтан приходил ратью, и данных остяков, Чигиря с товарыщи, побил, а иных в полон взяли и около Чюсовских городков повоевали многих. И о том Яков и Григорей писали к Москве ко благочестивому государю царю и великому князю Ивану Василье-

подписью дьяка Кирея Горина, а указал, чтобы те, собрав своих людей из крепостей, вслед за изменившими государю черемисами, остяками, башкирами и буинцами послали. И те, Яков и Григорий, отыскав в своих крепостях предводителя и передав ему воинский отряд — казаков наемных и своих людей, вслед за изменившими государю послали. Когда те, что были посланы, этих окаянных догнали, то одних перебили, а других в плен взяли, и тех привели к присяге: жить-де им с государем по совести, и быть покорным ему, и подати государю платить, а против непокорных врагов государевых выступать за него, государя, не изменяя. И, заложников у них взяв, увели в свои остроги и в Пермь, к государевым воеводам, отослали.

Глава 7.

О набеге на Чусовую-реку сына сибирского правителя Кучума царевича Маметкула и о захвате в плен русских людей

В 1573 году, 20 июля, на память святого пророка Ильи, из Сибирского царства, с Тобола-реки, собравшись со многими своими мурзами и уланами, сын сибирского султана царя Кучума Маметкул совершил набег на реку Чусовую разведать дороги, которыми можно пройти с войском к крепостям Якова и Григория Строгановых и в Великую Пермь. И во время того набегу те окаянные многих ясачных вогулов и остяков перебили, а их жен и детей в плен захватили. И посол государев Третьяк Чебуков, и при нем служилые татары, которые шли с ним в Казацкую орду, были все перебиты, лишь некоторых взяли в плен. И когда были они от Чусовских городков в пяти верстах, тогда сказали им русские пленники, что-де в городах войска большие собраны, и вас-де они поджидают. И царевич Маметкул, испугавшись этого, повернул назад, а Яков и Григорий без государева приказа преследовать сибирское войско государевыми и своим наемным отрядом, атаманами и казаками, не посмели. А прежде сибирский же султан совершил набег и податных остяков, Чигиря и других, перебил, а некоторых взял в плен, да вокруг Чусовских острожков уничтожил многих. И об этом Яков и Григорий сообщали в Москву благочестивому государю царю

вичю всеа Росии, чтобы государь их пожаловал, велел бы за ними посылать безпенно и обиды бы своя им мстить.

И государь царь Якова и Григория пожаловал, велел им дати свою государеву грамоту, что им в Сибирской стране, за Югорским камнем, на Тагчиях, и на Тоболе реке, и на Иртише, и на Оби, и на иных реках, где пригодится для бережения, и охочим людем на опочив, крепости поделати и снаряд огненной, и пушкарей, и пищалников, и сторожей от сибирских и от нагайских людей и от иных орд держати. И около крепости, у рыбных ловель и у пашен дворы ставити по обе стороны Тобола реки и по рекам, и по озерам и до вершин, и крепитися всякими крепостми накрепко. А кои остяки, и вогуличи, и югричи от сибирскаго салтана отстанут и учнут быти под его государскою выскою рукою и учнут государю дань давати, какова им дань в мочь будет, и у них та всякая дань имати и отсылати к государю к Москве, а тех данных остяков, и вогуличь, и югричь, и всяких ясачных людей, и жены их, и дети от сибирских ратных людей приходу беречи и в обиду их никаким людем не давати. Да Якову ж и Григорью, збирая охочих людей и своих, и остяков, и вогуличь, и югричь, и самоед, с наемными казаками и с нарядом своим посылати воевать и в полон сибирцов имати, и в дань за государя приводити. А когда станут в те крепости приходить к Якову и Григорию торговые люди бухарцы и калмыки, и казанские орды, и иных земель, с какими товары, и у них торговати поволно безпошлинно.

И грамота государева на те места в сибирскую Украину, за Югорской камень, на Тагчеи и на Тобол, и на Иртиш, и до Оби на крепостные места дана лета 7082 мая в 30 день за приписью дьяка Петра Григорьева.

Глава 8.

О призывании волских атаманов и казаков, Ермака Тимофеева с товарищи, с великие реки Волги в Чюсовские городки на поможание противо неверных

В лето 7087 году апреля в 6 день слышаху Семен, и Максим, и Никита Строгановы от достоверных людей о буйстве и храбрости поволских казаков и атаманов,

и великому князю всея России, чтобы государь пожаловал их, разрешил бы тех беспрепятственно преследовать и защищаться от их притеснений и насилия.

И государь царь Якова и Григория пожаловал, приказал им выдать свою государеву грамоту: дескать, им в Сибирской земле, за Югорскими горами на Тагчихах, на Тоболе, на Иртыше и на Оби, и на других реках, где есть необходимость охраны, а промысловым людям для ночлега, укрепления поставить с орудиями огнестрельными и содержать пушкарей, и пищальников, и сторожевой отряд (для охраны) от сибирских и ногайских людей и от других кочевников. И вокруг укрепления, у рыбных угодий и на пахотных землях дворы ставить по обоим берегам Тобола-реки, и по притокам, и по озерам вплоть до верховьев, и создавать разные оборонительные укрепления. А те остяки, вогуличи и югра, которые от сибирского султана уйдут, и начнут жить под высокой государевой рукой, и станут государю подати платить, какие смогут, и все те подати у них собирать и посылать к государю в Москву, а тех остяков, вогулов и югру, которые подати платят, и всяких ясачных людей, их жен и детей от набегов сибирских отрядов охранять и притеснения их никакими людьми не допускать. Да Якову же и Григорию, собирая промысловых и своих людей, и остяков, и вогулов, и югру, и самоедов, с наемными казаками и с собственным боевым снаряжением вести военные действия, и брать в плен сибирцев, и приводить их в подданство государю. А если будут в те крепости к Якову и Григорию приходить купцы из бухарцев, калмыков, и казанских татар, и из других земель с какими-нибудь товарами, то с теми вести вольную торговлю, не платя пошлины.

А грамота государева на те места по сибирской границе за Югорскими горами на Тагчихах, и на Тоболе, и на Иртыше, и по Оби на земли под остроги выдана 30 мая 1574 года за подписью дьяка Петра Григорьева.

Глава 8.

О приглашении волжских атаманов и казаков, Ермака Тимофеева с соратниками, с великой реки Волги в Чусовские городки для защиты от нечестивых

В 1579 году, 6 апреля, Семен, Максим и Никита Строгановы узнали от надежных людей об удали и бесстрашии волжских казаков и атаманов, Ермака Тимофе-

Ермака Тимофеева с товарищи, како на Волге, на перевозех, нагайцов и ардабазарцов громят и побивают, и зело гораздо по Волге храбруют. Послаша к ним людей своих с писанием и з дары многими, и велели их честно и доброволно к себе призывати, дабы шли к ним в Чюсовские городки и острожки на поможание им противу неверных супостат. Атаманы же и казаки вели сему возрадовашася, яко посланнии приидоша к ним от честных мужей с великою честью и з дары и зовут их к себе на помощь. Тогда атаманы и казаки, Ермак Тимофеев с товарищи: Иван Колцов, Яков Михайлов, Никита Пан, Матфей Мещеряк и со всеми их атаманы и казаки, собрався в круг, и начаша думати и советовати со единомысленою и предоблею своею дружиною — итти ли им на поможание к Строгановым или нет. И собрався на устье матки Самары реки, на крутом на красном на берегу, на желтом на сыпучем на песочку. Не ратная труба протрубила — говорил атаман Ермак Тимофеевич: «О есте, братцы, атаманы и ка́заки — донские, яицкие, волские и терские! Думайте думу, братцы, с цела ума, чтобы нам не продуматца: на Волге нам жить — ворами слыть, а на Дону нам жить — казаками слыть, а на Яик итти — переход велик, а се — добычи нет. Да нам же негораздо шуточка нашутилась, что розбили мы лотку коломенку и громили казну государеву; из тово мушкета немецково вылетала пулка свинцовая, из тово кафтана камчатого выносила бумагу хлопчатую, убила посла государева. А шел тот посол под Астрахань с ево государевою великою казною денежною и пороховою до Шевкал. И мы толко ныне не поидем таким честным человеком на поможание, и они на нас станут писать к Москве непослушание государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Росии, и государь на нас роскручинитца, велит нас переимать, и по городом розослать, и по темницам розсажать, а меня, Ермака, велит государь царь повесить, потому что большому человеку большая и честь бывает. А толко мы государю царю вину принесем, а таких честных людей послушаем и к ним на спомогание поидем, и они об нас станут писать милостивыя и благоприятныя словеса к государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Росии, и государь царь до нас умилилтца и отдаст нам пеню — великую вину».

ева с соратниками, которые на Волге, на переправах, ногайцев и ордобазарцев разбивают и грабят и очень удачно на Волге разбойничают. Послали к ним людей своих с письмом и с многочисленными подарками, а приказали их приглашать к себе честь по чести и на добровольных началах, чтобы шли к ним в Чусовские городки и крепости для защиты их от нечестивых врагов. Атаманы же и казаки очень обрадовались тому, что послы пришли к ним от благородных людей с великими почестями и с подарками и зовут их к себе на помощь. Тогда атаманы и казаки, Ермак Тимофеев с соратниками, Иван Кольцов, Яков Михайлов, Никита Пан, Матвей Мещеряк также со всеми своими атаманами и казаками, собравшись на совет, начали размышлять и советоваться с единоклюнной и доблестной своей дружиной — идти ли им на помощь к Строгановым или нет. И собрались (они) на устье матушки Самары-реки, на крутом на высоком на бережке, на желтом на чистом на песочке. Не боевая труба протрубила — заговорил атаман Ермак Тимофеевич: «О вы, собраты, атаманы и казаки — донские, яицкие, волжские и терские! Примите решение, собраты, здравым умом, чтоб нам не промахнуться: коль на Волге нам жить — разбойниками слыть, а на Дону нам жить — казаками быть, а на Яик уйти — путь далек (лежит), а здесь — добычи нет. Да не в шутку нами шуточка сыграна, как разбили мы лодку-коломенку и разграбили казну государеву: из того мушкета немецкого вылетала пулька свинцовая, из того кафтана камчатого вырывала вату хлопчатую — убила посла государева. А шел тот посол в Шевкалы под Астрахань с его, государевою, казною, денежною и пороховою. И коли мы ныне не пойдем к тем знатым людям в помощники, то они о нашем неповиновении будут писать в Москву государю царю и великому князю всея России Ивану Васильевичу, и государь на нас разгневается, велит нас перехватать и по городам разослать, да по тюрьмам рассажать, а меня, Ермака, велит государь царь повесить, потому что великому мужу и честь велика. А если мы государю царю повинную принесем, а этих знатных людей послушаем и к ним на помощь пойдем, то они напишут о нас снисходительные и благоприятные слова государю царю и великому князю всея России Ивану Васильевичу, и государь царь над нами смиростивится и вернет нам долг — вину великую».

И такие мудрые вымышленные словеса полюбили-ся многим атаманом и казаком. И взговорил атаман Иван Колцов: «Добро нам итти на помогание таким честным людям, а толко нас господь Богъ помилует и неверных нам Богъ покорит под нозе наши, и Сибирское государство возмем, и град поставим, и святые божия церкви воздвигнем, и соберем себе славу вечную, и укупим себе живота вечного и в предидущия веки. Аминь».

Глава 9.

**О приходе волских атаманов и казаков
Ермака Тимофеева с товарищи в Чюсовские городки,
и с ним 4-х атаманов,
а дружины их и собрания — 540 человек**

Того же году, июня в 28 день, на память святых чудотворцов Кира и Иоанна, приидоша с Волги атаманы и казаки, Ермак Поволской с товарищи, в Чюсовские городки. Они же, Семен, и Максим, и Никита Строгановы, прияша их с честью и с великим радением и даяху им и дары многия, брашны и питии наслаждаху их изобилно. Атаманы же и казаки обещашася им противу безбожных агарян стояти крепче и их оберегати от нашедших язык.

По некоем же времени вогульский князец собрався со многими остяки и прииде под Сылвенской острожек тайно, и побиша, и воеваша, и поплениша многих. Казаки же, послышав таковое дело, и погнаша во след их з живущими ту людьми в городках, и настигоша на степях, и сразишася, и бияхуся з безбожными агаряны сурово и немилостивно. И твердо стояху на неверных, пожиста же атаманы и казаки в городках 2 лета и месяца 2.

Глава 10.

**О втором приходе вогуличь
под Сылвенской острожек
и под и н н ы я городки войною**

В лето 7089, июля в 22 день, злокозненный же диавол, иже искони ненавидяй добра роду человеческому, поощряет злаго и безбожного вогулинскаго мурзу Бегбелия Ахтакова с своим вогульским и остяцким соб-

И эта мудрая продуманная речь понравилась многим атаманам и казакам. И начал говорить атаман Иван Кольцов: «Стоит нам пойти на помощь таким знатным людям, а если Господь Бог нас помилует и нечестивых нам Бог приведет к ногам нашим, да Сибирское царство возьмем, и город возведем, и святые Божие церкви воздвигнем и заслужим себе славу вечную и обеспечим себе жизнь вечную и на будущие века. Аминь».

Глава 9.

**О приходе волжских атаманов и казаков,
Ермака Тимофеева с соратниками, в Чусовские городки,
и с ним четырех атаманов,
а войско их и обоз — 540 человек**

В том же году, 28 июня, на память святых чудотворцев Кира и Иоанна, пришли в Чусовские городки с Волги атаманы и казаки, Ермак Повольский с соратниками. Те же, Семен, и Максим, и Никита Строгановы, приняли их по достоинству и с великим радушием и одарили их подарками разными, пищей и питием угощали их щедро. Атаманы же и казаки обещали им против безбожных агарян стоять неколебимо и охранять их от нашествия иноплеменных.

По прошествии какого-то времени вогульский князек, объединившись с разными остяцкими (племенами), пришел под Сылвенский острожек внезапно, разгромил и разорил, а многих в плен взял. Когда об этом деле услышали казаки, то вместе с людьми из укреплений погнались за ними вслед, и настигли их на перевале, и вступили в бой, и сразились с безбожными агарянами дерзко и без снисхождения. Так, мужественно противостоя нечестивым, прожили атаманы и казаки в острожках два года и два месяца.

Глава 10.

**О втором набеге вогулов
на Сылвенский острожек
и на другие крепости**

В 1581 году, 22 июля, коварный дьявол, который испокон века враждебен добру в роде человеческом, побуждает жестокого и нечестивого вогульского мурзу Бегбелия Ахтакова с его вогульским и остяцким вой-

ранием и со иными многими. Число же их окаянных собрания 680 человек. И приидоша под Чюсовские городки и под Сылвенской острожек безвестно, украдом, и ту окрест живущих села и деревни поплениша, и пожгоша, и в полон многих людей, жен и детей поимаша. Но преблагий господь Богъ не попусти окаянных — вскоре над ними, безбожными, рустии вои победу учинили из городков своих. И многих у городков поимаша. И по тем все ям, на переходах многих побиша, а иных многих переимаша, и мурзу их Бегбелия Ахтакова взяша жива. Они же, безбожнии, видяще свою погибель, что Богъ подал над ними победу, к государю об том добили челом и вину свою изменничью принесли: что быти им под государскою высокою рукою и впредь на рускую землю не ходить войною.

Глава 11.

**О послании волских атаманов и казаков
Ермака Тимофеева с товарищи
и ратных людей Строгановых в Сибирь
на сибирскаго салтана царя Кучюма
Муртазеева**

В лето 7090 году, сентября в 1 день, на память преподобнаго отца нашего Симеона Столпника, Семен и Максим, и Никита Строгановы послаша из городков своих в Сибирь на сибирскаго салтана атаманов и казаков Ермака Тимофеева с товарищи, и с ним собрав из городков своих ратных и охочих всяких людей: литвы, и татар, и русских, буйственных и храбрых, предобрых воинов 300 человек, и их с ними отпустиша, и все вместе заедино, и того их собрания учредиша всего 840 человек буйственных и храбрых. И отпевше соборне молебная пения все милостивому, в Троицы славному Богу, и пречистой его Богоматери, и всем небесным силам, и святым угодником его, и удоволиша их мздою и одеянием разным украсиша их, оружием — пушки, пищали и всяким оружием воинским и запасы многими и всеми сими довольно сподобиша их, и вожей, ведущих той сибирский путь, и толмачей бесурманского языка им даша, и отпустиша их в Сибирскую землю с миром. Они же, атаманы и казаки, с приборными их людьми прияша от них прощение, и о Христе друг другу даша последнее целование, и поидоша в струги своя с

ском и разными иными отрядами: количеством же их нечестивая рать — 680 человек. И пришли (они) под Чусовские городки и Сылвенский острожек тайно, крадучись, и здесь села и деревни живущих окрест захватили и сожгли, и в плен многих мирян с женами и детьми увели. Но провидец Господь не попустил нечестивых — вскоре над теми безбожниками русские воины из этих крепостей одержали победу: многих около острожков захватили да по тем селениям у бродов многих перебили, а других в плен увели, и мурзу их Бегбелия Ахтакова взяли в плен. А те безбожники, над которыми Бог даровал победу, видя свое поражение, признали свое вероломство и изъявили покорность государю: находиться-де им под государевой высокой рукою и впредь на русскую землю не совершать набегов.

Глава 11.

**Об отправке волжских атаманов и казаков,
Ермака Тимофеева с соратниками,
и служилых людей от Строгановых в Сибирь
на сибирского хана царя Кучума Муртазеева**

В 1582 году, 1 сентября, на память преподобного отца нашего Симеона Столпника, Семен, и Максим, и Никита Строгановы отправили из крепостей своих в Сибирь против сибирского султана атаманов и казаков, Ермака Тимофеева с соратниками, а с ними отпустили, собрав из крепостей, своих разных служилых вольных людей: литву, и татар, и русских, — отважных и смелых, достойных воинов 300 человек все вместе, сообща; и в том их войске собрались всего 840 человек, смелых и отважных. И отслужив соборные молебны все милостивому, в Троице восславляемому Богу, и пречистой его Богоматери, и всему небесному воинству, и святым его угодникам, и удоволили их вознаграждением и в различные доспехи облачили их, вооружением — пушками, и пищальми, и всяким оружием, и разными припасами, и всем остальным в достатке снабдили их, и проводников, знающих тот сибирский путь, и переводчиков с басурманского языка им дали и отпустили их в Сибирскую землю с миром. И те атаманы, и казаки вместе с наемными людьми приняли от них прощение, и Христа ради отдали друг другу последнее целование, и пошли в стругах своих

радостью на сибирского салтана, со учреждением полков, на очищение Сибирския земли: место очистити и отгнати безбожного варвара.

Атаманы же и казаки поидоша по Чюсовой реке вверх до усть Серебряные речки: шли 4 дни и доидоша до сибирския дороги до волоку. И тут, на волоку, земляной городок поставиша и назваша его Ермаков Кокуй городок. И с того места возились казаки за волок 25 поприщ на реку же, зовомую Жеравли. И по той реке поидоша вниз, и вышед на Тагил реку, и Тагилом вышли в Сибирскую землю, и оттоле старейшинство прият назватися Тура.

Чюдо ново промыслom всестроящаго Бога в Сибирской земли — вода камень тверд разкопа и разлома, и проиде сквозь его, яко трубою. И по камени растяху древие велие, высокое, красное, хорошее — кедри и певги ливания и всякое древие, творящее плод, ими же верхами досязати до облак небесных. В сих же лесах зверие всякия дивии овии же подобни в снeдение человеком, инии же — на украшение ризное. Да кия суть подобни на снeдение, сия суть чиста, еже есть сохатой, елень, изюбрь и подобная сим. А еже есть на украшение ризное, сии суть соболь, бобр, лисица и подобная. С сих же камней проходили великия реки и быстрыя, в них же воды светлыя и рыбы великия, сладчайшия множество.

В сей же Сибирской земли, около тех великих рек облегли поля широкия и дубравы зеленыя. В сих же полях и дубравах жителствуют мнози невернии языцы, Бога не знающе, ни закона его сведуще, но держаще закон Моаметов, покланяющееся идолом и жертву приносяще бесом. Разныя же многия языцы: татары, остяки, калмыки, самоеды. Пегая орда и ины многия незнаемыя языцы — кийждо собою властвоваху.

Глава 12.

О приходе пелымского князя по Пермския городки,
под Канкор, и под Кергеден,
и под Чюсовские городки,
и под Сылвинской, и под Яйвинской острожки

В то же время злочестивый и безбожный пелымский князь ярости многия наполнился, наипаки, же зверострастием объятся и умысли злохитрое коварство в сердца

против сибирского султана полк за полком на освобождение Сибирского царства: место просветить и изгнать варвара, не знающего Бога.

И вот атаманы и казаки пошли вверх по Чусовой-реке до устья речки Серебряной: шли (они) 4 дня и дошли до сибирской дороги через волок. И здесь, на волоке, земляное укрепление возвели и назвали его Ермаков Кокуй-городок. И от этого места казаки перебирались волоком 25 верст на реку же, называемую Жеравли. И по той реке пошли вниз, и когда вышли на реку Тагил, то Тагилом попали в Сибирскую землю, а от этого места (река), став великой, называется уже Турой.

Новое чудо промыслом Бога-создателя: в Сибирской земле вода горы неприступные размыла и разрушила, и прошла сквозь них, как по рукаву. А на горах растут деревья огромные, высокие, крепкие, полезные — сосны, и кедры ливанские, и разные плодоносящие деревья, своими вершинами касаются облаков небесных. А в этих лесах звери разные дивные: одни используются в пищу человеку, другие же — для украшения одежд. Те, которые годятся на еду, — чистые, такие, как лось, олень, изюбрь и подобные им, а которые идут на украшения одежд, те такие, как соболь, бобр, лисица и (им) подобные. С этих же гор берут начало большие и быстрые реки, в них вода прозрачная, и крупной, очень вкусной рыбы множество.

А в той Сибирской земле, вдоль тех больших рек, лежат долины широкие и дубравы зеленые. А по тем долинам и дубравам живут разные неверные племена, не знающие Бога, закона его не понимающие, но придерживающиеся закона Магомета, поклоняющиеся идолам и жертвы приносящие кумирам. А различные народы: татары, остяки, калмыки, самоеды, Пегая орда и другие многие неизвестные народы — каждый имел своего собственного правителя.

Глава 12.

О нападении пелымского князя на Пермские крепости Канкор и Кергеден, и на Чусовские городки, и на Сылвенский и на Яйвенский острожки

В то самое время вероломный и не знающий Бога пелымский князь сильным гневом исполнился, а сверх того звериной злобой оказался охвачен, и замыслил

своём, и нача леть с лукавством сшивати, и бысть ему, безбожному, к своей злой гибели. Тогда он, злостивый, собрав своя вои, число же их 700 человек, и подова з собою буйственных, и храбрых, и сильных мурз и улановей Сибирския земли со множеством вои. Он же злый взя и по неволе з собою сылвенских и косвенских, яренских, и нвенских и обдинских татар, остяков и вогуличь, и вотяков, и башкирцов, и прииде их множество с воинством на Пермския городки и на Чердынъ. И те места поплениша и пожгоша, дондеже и стенам града сурово и немилостивно коснушася, и граду едва не взяту бывшу. Но всемогий Богъ не попусти окаянных, и вскоре от того места поидоша под Канкор городок и тут великую пакость учиниша. И оттоле окаянии приидоша под Камское Усолъе, и тут села, и деревни, и посады пожгоша, и людей многих поплениша, и оттоле приидоша под Канкор и под Кергеден городки, и оттоле поидоша под Чюсовские городки. И внезапно окаянии нападоша на Чюсовские городки и около ту живущих христиан поплениша и посекоша, и окрест села и жилища их пожгоша, и добре много пакости учиниша, и полону многу взяту бывшу. Волских де атаманов и казаков не бе тогда во градах, егда прииде окаянный и безбожный пелымский князь с воинством, но отъидоша того же году на сибирскаго салтана, яко же выше речеся.

Оставшии же людие в городках и в острожках своих от окаянных и безбожных татар и от их злаго притужения едва от смерти избыша не силою своею, но Божию помощию, и оттоле многия скорби притужения приимаху от окаянных бесурман. Они же, Семен, и Максим, и Никита Строгановы, с мужественными своими и храбрыми людьми, призвавше к себе в помощ всемилостиваго в Троицы славимаго Бога и пречистую Богоматерь, и всех молебников и угодников его, устремишася мужественно и единомыслено на неверныя, стояху от окаянных в великом притужании и бияхуся с ними крепко и мужественно, и от обою стран падаху. Безбожнии же уведаша подлинно, что рустии вои поидоша войною в Сибирскую землю, и тогда велми устращишася, и тако Божию помощию они, окаянии варвари, побѣждени быша, и полон руский у них, окаянных, отъят бысть. Они же, безбожнии, отъидоша посрамлени, аки пси гладни.

коварное и злое дело в сердце своем, и начал зло с хитростью свивать, а была тому безбожному уготована мука вечная. Тогда этот вероломный, собрав свой отряд числом 700 человек, и призвал с собой отважных и смелых и мужественных мурз и уланов Сибирской земли с большими войсками. Он же, злобный, принудил (идти) с собой сылвенских и косвенских, яренских, инвенских и обдинских татар, остяков и вогулов, вотяков и башкир. И когда пришли они огромным войском к пермским крепостям и под Чердынь, то те поселения разорили и сожгли, да и на стены города беспощадно обрушились, и город едва не взяли. Но всемогущий Бог не попустил нечестивым, и (они) вскоре из тех мест ушли под крепость Канкор, и тому большой урон нанесли. А оттуда нечестивые пришли под Камское Усолье и здесь сёла, и деревни, и посады сожгли, а многих людей в плен взяли; а оттуда пришли к крепостям Канкору и Кергедену; а оттуда пошли к Чусовским городкам. И на Чусовские городки нечестивые напали внезапно и живущих вокруг них христиан в плен взяли и перебили, а окрестные поселения и обжитые места выжгли, и очень много натворили бед, и многих в плен увели. Волжских же атаманов и казаков не было тогда в городе, когда приходил вероломный и неверный пелымский князь с войском, так как отправились в том году против сибирского султана, как и говорилось выше.

Оставшиеся в живых жители в крепостях и в острожках после жестоких притеснений вероломных и неверных татар с трудом смерти избежали не своими усилиями, но с Божьей помощью и после того многие муки терпели от притеснений нечестивых. А те Семен, и Максим, и Никита Строгановы со своими неустрашимыми и доблестными людьми, призвав себе в помощь всемилостивого, в Троице славимого Бога и пречистую Богоматерь, и всех заступников перед Богом и праведников его, выступили отважно и единодушно против неверных, и стояли против нечестивых до изнеможения, и бились с ними твердо и отважно, и те и другие погибали. Когда безбожные узнали достоверно, что русский отряд пошел войной на Сибирское царство, то сильно испугались, и так с Божьей помощью эти нечестивые варвары оказались побеждены: пленников русских у этих нечестивых отбили всех, а сами нечестивые отступили с позором, словно голодные псы.

И об том пелымского князя приходе писал к государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Росии из Чердыни воевода Василей Пелепелицын: что приходил пелымский князь с великим собранием и Пермскую землю попленил и повоевал, села, и деревни, и посады пожег, а Семен, и Максим, и Никита Строгановы ево, государевым, городом не помогли, и людей от сеюя на помощь не посылали, и волских атаманов и казаков Ермака Тимофеева с товарищи не отпустили, и ни в чем им не пособили.

И о том прислана с Москвы государева царева грамота в Чюсовской городок за приписью <...> дьяка Андрея Щелкалова 7091 году ноября в 6 день, писано к ним, Семену, и Максиму, и Никите Строгановым.

А в государеве грамоте пишет: «Писал к нам из Перми воевода наш Василей Пелепелицын, что послали вы из острожков своих волских атаманов и казаков Ермака Тимофеева с товарищи воевать вотяки, вогуличи, и татар, и пелымские и сибирские места 91 году сентября в 1 день. А уведает пелымский князь, что отпускают Строгановы войско в сибирския города, и уведав отпуск и день и час, и собрався пелымский князь с сибирскими людьми, и с вогуличи, и остяки, и приходили войною на наши пермские места и к городу Чердыни, и к острогу приступали, и наших людей побиди, и в полон побрали, и многие убытки и пакости нашим людям учинили.

И то зделалось вашею изменою — вы вогуличь, и вотяков, и пелымцов от нашего жалования отозвали и их сами задрали и войною на них приходили, да тем задором и з сибирским салтаном нас ссорили. А волских атаманов и казаков к себе призвали, воров наняли в свои острожки без нашего указу. А они, атаманы и казаки, преж сего на Волге воровали и ссорили нас с Нагайскою ордою, послов нагайских на Волге на перевозех побивали и ардабазарцов на дорогах грабили и побивали, и нашим людям многие грабежи и убытки чинили, и нашу государеву казну громили, и посла убили. И им было своей вины покрыть нечем, и они к вам в Пермскую землю перешли и тако же хотят воровать и розбивать, как и на Волге. И вам было не надобе воровать, но наши заочные далния украины от наших супостатов и от недругов во всем оберегать. И они зделали с вами вместе; в которой день к Перми и к

И об этом нападении пелымского князя писал государю царю и великому князю всея России Ивану Васильевичу воевода Василий Пелепелицын из Чердыни: дескать, приходил пелымский князь с большим войском и Пермскую землю опустошил и разорил, села, деревни и посады пожег, а Семен, Максим и Никита Строгановы, государевым, его городам не помогли, и людей своих на помощь не присылали, и волжских атаманов и казаков, Ермака Тимофеева с соратниками, не отпустили, ни в чем им не помогли.

И по этому поводу пришла из Москвы грамота государя царя в Чусовской городок за приписью <...> дьяка Андрея Щелкалова 6 ноября 1582 года, послана к тем Семену, Максиму и Никите Строгановым.

А в государевой грамоте написано: «Писал к нам из Перми воевода наш Василий Пелепелицын, дескать, послали вы из острожков своих волжских атаманов и казаков Ермака Тимофеева с соратниками войной на вотяков, вогулов и татар в пелымские и сибирские земли 1 сентября 1582 года. А пелымский князь узнает, что Строгановы отправляют войско на сибирские города, и, узнав день и час ухода, пелымский князь поднялся с сибирскими отрядами да с вогулами и остяками, и напал на наши пермские земли и к городу к Чердыни, да под крепостные стены подступали, и наших людей поубивали и в плен увели, и большие убытки и беды принесли нашим людям.

А это случилось из-за вашего вероломства — вы вогулов, и вотяков, и пелымцев от наших льгот предложили отлучить, а сами задирали их и нападали на них, да из-за той горячности с сибирским султаном нас и посорили. Да волжских атаманов и казаков к себе пригласили, наняли разбойников в свои острожки без нашего приказа, ведь те атаманы и казаки прежде на Волге разбойничали и ссорили нас с Ногайской ордой: послов ногайских на Волге, на перекатах, громили, и ордобазарцев по дорогам грабили и убивали, и нашим людям огромный вред и ущерб причинили, и нашу государеву казну захватили и посла убили. И вот им своей вины искупить было нечем, они и перешли к вам в Пермскую землю, но и здесь хотят разбойничать и грабить, как на Волге. Да и вам не было необходимости самовольничать, но наши далекие окраинные уделы от всех наших врагов и недругов защищать. А те (казаки) задумали вместе с вами: в то время, когда к Перми и Черды-

Чердыни приходили вогуличи, а в тот же день от вас из острожков Ермак с товарищи пошли воевать в Сибирь остяков и татар, а мочно было в Сибирь и по вестям смотря посылать.

И мы послали в Пермь Воина Аничкова, а велели тех казаков, Ермака с товарищи, взять и отвести в Пермь, в Камское Усолъе, и тут им велели стоять разделяся, а однолично бы вам казаков у себя не держать. А буде вам для приходу в остроге быти нелзя, и вы бы у себя оставили немногих людей с которым атаманом, человек до 100, а досталных всех вон высылайте в Чердынь однолично тотчас, не мешкав. А не вышлете из острожков своих волских казаков и атаманов Ермака Тимофеева с товарищи и учнете их у себя держать, а пермских мест не учнете оберегати, и такую вашею изменою, что над пермскими людьми учинитца от вогуличь и от сибирскаго салтана, и от пелымцов, и от всяких людей, и впредь нам о том положить на вас великий гнев и опала большая. И атаманов и казаков, которые слушали вас и вам служили, а нашу землю выдали и не оберегали, и за то их велел перевешать. И вы б тех казаков однолично от себя отпустили в Пермь.

Писано на Москве лета 7091 году ноября в 16 день».

И о сем Никита, и Максим, и Семен в те поры в велицей быша печали для того, что преж сего его государево царевое повеление бысть, и по прежним его государевым грамотам велено городки ставить, и людей прибирати, и на сибирскаго салтана итти, а ныне его же, государев, указ, что не велено отпущати волских атаманов и казаков, а у них уже в Сибирь отпущены атаман Ермак Тимофеев с товарищи.

Глава 13.

О приходе волских атаманов и казаков Ермака Тимофеева с товарищи в Сибирскую землю на Тавду реку, и Тавдою — в Туру

В лето 7091 году, сентября в 9 день, приидоша сии воины в Сибирскую землю без страсти. И плувучи вниз по Тавде реке многия татарския улусы и городки повоеваша. И доидоша до Туры реки, и поймаша татарина, ему же имя — Таузак, царя Кучюмова двора. И поведат

ни приходили вогулы, в тот же день из ваших острожков Ермак с соратниками пошел войной в Сибирь на остяков и татар, а ведь можно было в Сибирь смотря по донесениям посылать.

И мы послали в Пермь Воина Аничкова, а приказали тех казаков, Ермака с соратниками, взять и отвести в Пермь, в Камское Усолъе, а приказали им здесь стоять, разделившись, и ни в коем случае казаков у себя не задерживать. А если вам из-за (угрозы) нападения в остроге (без них) обойтись невозможно, то вы у себя оставили бы немногих людей с каким-нибудь из атаманов, человек до 100, а остальных всех отсылайте вон непременно в Чердынь сразу, без проволочек. А если не отошлете из своих острожков волжских казаков и атаманов Ермака Тимофеева с соратниками, а станете их при себе держать, Пермские же земли не станете охранять и если из-за этого вашего вероломства как-нибудь пермские люди и острожки пострадают от вогулов, сибирского султана, пелымцев и от других отрядов, то впредь мы обратим на вас страшный гнев и немилость великую. А атаманов и казаков которые вас слушали и вам служили, а нашу землю оставили без охраны и не защитили, за то приказал перевешать. И вы бы тех казаков обязательно отправили в Пермь.

Написано в Москве 16 ноября 1582 года».

И Никита, Максим и Семен тогда в глубокую печаль впали потому, что по прежнему цареву, государеву, указу и по прежним его, государевым, грамотам приказано острожки строить, и людей подбирать, да против сибирского султана идти воевать, а ныне его же, государевым, указом не велено отпускать волжских атаманов и казаков, а у них уже отпущены в Сибирь атаман Ермак Тимофеев с соратниками.

Глава 13.

**О приходе волжских атаманов и казаков,
Ермака Тимофеева с соратниками, в Сибирскую землю
на реку Тавду, а Тавдою — на Туру**

В 1582 году, 9 сентября, эти воины бесстрашно пришли в Сибирскую землю. И, сплаваясь вниз по Тавде-реке, многие татарские улусы и крепости захватили. А когда подошли к Туре-реке, то взяли в плен татарина по имени Таузак, дворецкого царя Кучума. И расска-

им все по ряду про царя Кучюма, и про сибирские князи, и про мурз, и про уланов, и про их житье и кочевное пребывание, и про их улусы и многолюдство.

Казаки же уведавше про все то допряма, и отпустиша его, да скажет салтану Кучюму о пришествии русских воинов и всю их храбрость и мужество, и мочь, и силу.

И слыша царь Кучюм от Таузака пришествие русских воинов и их мужество и храбрость. Поведаша же ему и сице, яко: «Такови суть силни, егда из луков своих стреляют, тогда огонь пышет и дым велик исходит, и громко блескнет, аки гром на небеси. А как стрелы из луков исходят, ино их не видять, а уязвляют и смертно побивают, а ущитится от нея никакими мерами ни ратными збруями невозможно — куяки и бахтерцы, и пансыри, и колчюги наши наскрозь пробивают, и ничто же их не держитца».

Царь же Кучюм, слышав от Таузака о сем, велими оскорбися и опечалися, и о сем в недоумении быв мнозе. И посылает во всю свою державу, по градом и по улусом, дабы ему на спомогание против русских воинов ополчилися. В мале же времени собращася к нему мнози татаровя и со князи своими, и мурзы, и улановы, и остяки, и вогуличи, и прочии языцы, иже под его властью вси живущии.

Глава 14.

**Сказание Сибирския земли о царех и князех,
како и откуду начашася
и чесо ради Сибирь именуется**

Писано о том довольно в первом переводе, в главе 2.

Глава 15.

**О послании царя Кучюма
сына своего Маметкула на русские полки ратью**

Злочестивый же царь Кучюм посла сына своего Маметкула со множеством воинства своего, повеле им противно русских воинских людей ополчитися. Сам же Кучюм повеле себе учинити засеку подле реки. Ир-тиша, под Чювашевым, и засыпати землею и многими крепостми утвердиша.

зал (он) им все по порядку про царя Кучума, и про сибирских князей, и про мурз, и про уланов, и про их кочевой образ жизни, и про уделы их, и про количество войска. Казаки же, узнав с достоверностью обо всем, отпустили его (Таузака), да расскажет султану Кучуму о приходе русских воинов и о их доблести, и отваге, и могуществе, и силе.

И услышал царь Кучум от Таузака о приходе русского отряда и о их отваге и доблести. А рассказал ему об этом так: «Настолько те (воины) сильны, что когда из луков своих стреляют, то огонь вспыхивает и дым обильный идет, и сильно сверкнет, словно гроза в небесах, а как стрелы отделяются от луков, то их не видно, но ранят и убивают, а защититься от нее (стрелы) никакими способами или воинскими доспехами невозможно — куяки, и бахтерцы, и панцири, и кольчуги наши насквозь пробивают, и ничего их (стрелы) не задерживают».

Царь же Кучум, услышав такое от Таузака, был весьма огорчен и озабочен и долго не мог этого постичь, но рассылает по всей своей державе, по городам и улусам (указ), чтобы вскоре собралось к нему множество татар с князьями своими, и с мурзами, и уланами, и остяки, и вогулы и другие народы, которые были у него в подданстве.

Глава 14. **Сказание о царях и князьях Сибирского царства,** **как и от кого происходит** **и чего ради называется Сибирью**

Написано об этом подробно в предыдущем сочинении, в главе 2.

Глава 15. **О снаряжении царем Кучумом сына своего** **Маметкула на бой против русского отряда**

Нечестивый же царь Кучум послал сына своего Маметкула со своим большим войском, приказав им выйти на бой против русских людей. А сам Кучум велел для себя устроить засеку около реки Иртыша под Чувашевым, и насыпать землю, и разными военными приспособлениями укрепить.

Маметкул же со множеством войска доиде до некоего урочища, иже именуется Б а б а с а н. Рустии же вои, атаманы и казаки, видевшие поганых готового собрания, того нимало устрашишася, но возложиша упование свое на Господа тверда, и поплыша в стругах своих вниз Тобола реки. Татаровя же начаша з берегу на струги их стреляти тмочисленными стрелами — аки великий дождь пущахуся стрелы. Ермак же казаком токмо веляше грести в стругах, а сам молитву творяше ко всемирлоситивому Богу, имяше бо на нечестивыя поборника Бога: и стрелы около их падаху, а никого не уязвляху. А своим казаком нимало не веле на них стрелять, и поидоша под гору. Погании же начаша из-за гор стреляти, и стрелы падаху, аки дождь, и та места проидоша, ничим не вреждени от татар.

Глава 16.
О пришествии русских вои
под Карачин улус,
Карача же думчей бе царя Кучюма

Приидоша атаманы и казаки Ермак Тимофеев с товарищи под Карачин улус. И ту второе брань составиша с Карачею, думчим царевым. И Божиею помощию взяша к казаки улус его, и в нем много богатства обретоша, и царева меду взяша, и в струги своя отнесоша.

Погании же постигоша их у реки Иртиша, овии на конех, овии пеши. Атаманы же и казаки ту вылезли из стругов своих, и на берегу брань с ними составиша, и мужески на поганых наступиша. И бысть обоим сражение велие до смертнаго посечения. Тогда видевше погании велие своих падение пред рускими вои, и вдашася невозвратному бегству. И на том бою рускаго воинства от Ермаковы дружины мало убиени быша, токмо израненых бысть немало.

Царь же Кучюм, виде своих воинов велие падение, яко от рускова полка побеждени быша, изыде со множеством своих людей и ста на высоце месте, на горе Чювашеве, у засеки, а сын его Маметкул со многими своими людьми бияхуся с казаки крепко, и изнемогше.

Когда Маметкул с большим своим войском подошел к некоему урочищу, которое называется Бабасан, то русские воины, атаманы и казаки, увидев войско неверных в полной готовности, нисколько этого не испугались, но возложили надежду свою на силу Господню и поплыли в своих стругах вниз по Тоболу-реке. Татары же начали с берега по стругам их стрелять бесчисленными стрелами — словно дождь частый сыплется стрелы. Но Ермак казаков просит лишь грести, а сам молитву возносит ко всемилостивому Богу, уповая на помощь Божию против нечестивых: а стрелы около них (казаков) падают и никого не ранят. Тогда своим казакам (Ермак) приказал совсем не стрелять в тех (татар), и двинулись вдоль высокого берега. Нечестивые же стали с высоты стрелять, и стрелы падали, словно дождь, но то место (казаки) прошли, нисколько не пострадав от татар.

Глава 16.

О приходе русского отряда к улусу Карачи.

Карача же думным боярином был у царя Кучума

Пришли атаманы и казаки, Ермак Тимофеев с соратниками, к улусу Карачи. И здесь еще один бой был с Карачей, думным боярином царя. И с Божьей помощью завладели казаки его улусом, а в нем большую добычу захватили и царский мед нашли и в струги свои отнесли.

Нечестивые, одни на конях, другие пешком, настигли их у реки Иртыша. Тогда атаманы и казаки выбрались из стругов своих и на берегу начали с ними бой и мужественно напали на неверных. И стояли обе стороны в битве великой до смертной гибели. Когда увидели нечестивые, что своих гибнет больше, чем русских, то ударились в невозвратное бегство. И в том бою русских воинов из дружины Ермака было мало убито, но раненых было немало.

А царь Кучум, видя гибель множества своих воинов, которые русским отрядом перебиты были, вышел со своим большим войском и встал на высоком месте, на Чувашевой горе, около засеки, а сын его Маметкул со своим большим войском, бился с казаками мужественно, но обессилел.

Глава 17. О взятии городка Атик мурзы

Рустии же вои поидоша по реке Иртишу вверх в стругах своих. И приидоша под городок Атик мурзы, и взяша городок, и седоша в нем.

Нощи бо наставши, и пришедши тме, видевше же казаки у засеки толикое поганных собрание, и устрашишася, и рекоша к себе: «Како можем стати противо толикаго собрания?» И начаша размышляти в себе, глаголюще: «Учиним круг и совет благь сотворим о сем — отъитти ли нам от места сего, или стояти единодушно». И инии начаша глаголати: «Лучше бы было, аще от места сего отъидем отходом, невозможно бо нам битися единому з десятью или з дватцатми, или и болши — да не сами себе убийцы будем».

Инии же сопротивно глаголаху з жестостию: «О, братия наша, единомысленая дружина! Камо нам бежати? Уже бо осени достигши, и в реках ледове смерзаютца. Не дадим себе, братие, худые славы, ни положим на себе укоризны и не будем в поругание поганым и безбожным бесурманом и в посмешище своей братии, но возложим упование на Господа Бога — не от многих бо вои победа бывает, но от Бога свыше помощь дается. Может бо Богъ и беспомощным подати руку помощи. Слышали есми, братие, сами, колика зла сотвори безбожный и окаянный агарянин, Сибирския земли салтан Кучюм Муртазелеев с татаровями нашей рустей Пермской земли, и государевым городом запустение, и православным христианом посечение и пленение велие, и Строгановых острожкам колико зла учиниша. Того ради всемогий Господь Богъ им отмстит окаянным за кровь христианскую. Воспомянем, братие, обещание свое, како честным людям пред Богом обеты и слово свое даша на крестном целовании. Но елико всемогий Господь Богъ нам помощи подаст, потщимся и потрудимся, а о бежании отнюдь не помыслим — хотя всем умерети, а вспять не обратитися, но и срама ради всего и клятвы, ею же обещахомся. И аще всемогий Богъ в Троицы славимый, поможет нам дело совершити и окаяных бесурман православным христианом покорити, то и по смерти память наша не оскудеет в тех странах и везде, и слава наша вечна будет с великою похвалою».

Глава 17.

О захвате крепости мурзы Атика

Русские же воины пошли в стругах своих по реке Иртышу вверх. И подошли к крепости мурзы Атика, и взяли крепость, и засели в ней.

Когда же настала ночь и опустилась тьма, казаки, видевшие у засеки такое сборище нечестивых, испугались и говорили один другому: «Можем ли выступить против такого сборища?» И начали между собой это обсуждать, говоря: «Соберем круг и по-доброму посоветуемся о том — уйти ли нам отсюда или выйти (на бой) единодушно». А другие стали говорить: «Было бы лучше, если бы мы из этого места ушли, ведь невозможно будет нам сражаться одному с десятью или двадцатью, а то и больше — неужели сами себе убийцами станем?»

Другие же противоположное говорили с твердостью: «О собратья наши, единодушные друзья! Куда нам бежать, ведь уже осень настает, а реки покрываются льдом. Не покроем себя, собратья, дурной славой, не обратим к себе упреки и не отдадим на поругание и на посмешище неверным и нечестивым басурманам своих братьев, но возложим упование на Господа Бога — не многими воинами добывается победа, но от Бога свыше помощь дается, может Бог и беспомощным подать руку помощи. Ведь слышали, собратья, сами, сколько зла причинил нечестивый и вероломный агарянин, Сибирского царства султан Кучум Муртазеев с татарами нашей русской Пермской земли, государевы города разорил, а многих православных христиан перебил и в плен взял и острожкам Строгановых сколько бед причинил. Того ради всемогущий Господь Бог воздаст им, нечестивым, за кровь христианскую. Вспомним, собратья, свое обещание, как честным людям перед Богом на крестном целовании обеты дали и обязательства (взяли). И если всемогущий Бог нам помощь подаст, поусердствуем и потрудимся, а о бегстве ни в коем случае помышлять не будем — даже если все погибнем и тогда не отступим из-за позора и клятвы, которой поклялись. И если всемогущий Бог, в Троице восславляемый, поможет нам поход завершить и нечестивых басурман православным христианам победить, то и после смерти память о нас не оскудеет и в тех землях и повсюду, а вечная слава наша будет с великой похвалой».

Атаманы же и казаки вси утвердишася единомушно, и укрепишася мужественно, и уверишася до единого вси, и глаголаху вкупе: «Готови умрети за святыя Божия церкви и за православную христианскую веру пострадати, и благочестивому царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа России послужити, и стояти против поганых до крови и до самыя смерти. Того ради, братие, не пременим обета своего, и вси единомушно на том слове станем». И всем совет сей благ бысть.

И уже нощи прешедши, свитающу же дневи и солнцу просиявшу, просветися облак светлым блистанием, Ермак же о деле сем велми печашеся. И рече дружине своей со слезами: «О, друзи и братия, помолимся Богу и пречистой его Богоматери, и всем небесным силам и угодником его, дабы сохранени быша от нечестивых и окаянных врагов нашествия». И изыдоша из городка на бой месяца октября в 23 день, на память святаго апостола Иакова, брата господня по плоти, глаголюще вси вкупе, яко единеми усты: «С нами Богъ! Разумейте, языцы, и покарайтесь, яко с нами Богъ!» И прирекше: «Помози нам, господи, рабом своим!» И вылезше из городков своих, начаша приступати к засеке мужественно и сурово зело, и бысть с погаными брань велия.

Погании же пустиша тмочисленныя стрелы с верху засеки из бойниц и мнозех от Ермаковы дружины овех уязвиша, а иных и смерти предаша. Погании же, видевше сие, разломиша засеку в трех местах, изыдоша вси на выласку, надеяхуся к а з а к о в невозвратному бегству предати. И в то время на выласке бысть брань велия, крепко биющеся, дондеже другъ друга за руки емлюще бияхуся. Казацы же на поганых вси единомушно устремишася и показаша храбрость свою и жесточь пред нечестивыми и безбожными агараны.

По малу же времени погании начаша оскудевати в силе своей, Богъ же казаком на поганых победу дая. Казацы же поле приобредают и одолевают их. И безчислено побиша поганых, и от засеки отбиша, и знамена своя на засеку поставиша. И царевича Маметкула уязвиша, но свои его вои увезоша в малой лодийце за реку Иртиш.

Царь же Кучюм, стоя на высоте месте, виде своих татар падение велие и сына своего Маметкула уязвленна, и повеле царь м у л л а м своим кликати скверную

Атаманы же и казаки все друг друга ободрили, и исполнились мужества, и в вере окрепли, и говорили единодушно: «Готовы умереть за святые Божьи церкви, и за православную христианскую веру пострадать, и благочестивому государю царю и великому князю всея России Ивану Васильевичу послужить, а биться с неверными до крови и до самой смерти. Того ради, братья, не изменим клятве своей, но все единодушно ради того обещания встанем». И для всех этот совет во благо был.

И вот ночь уходит, рассвет настает, и солнце начинает сиять, засветились облака светлым сиянием, а Ермак все еще беспокоился о предстоящем деле. И обратился к дружине своей со слезами: «О друзья и братья, помолимся Богу, и пречистой его Богоматери, и всем небесным силам, и угодникам его, чтобы хранил нас от внезапного нападения нечестивых и безбожных врагов». И вышли из городка на бой 23 октября, на память святого апостола Иакова, брата Господня по плоти, повторяя единодушно, словно едиными устами: «С нами Бог! Убеждайтесь, язычники, что с нами Бог, и покоряйтесь!» И прибавляли: «Помоги нам, Господи, рабам своим!» И, выступив из крепости своей смело и очень твердо, пошли приступом на засеку, начался тяжелый бой с нечестивыми.

Нечестивые выпустили бесчисленные стрелы с верха засеки из бойниц и сразу из дружины Ермака одних ранили, а других и убили. Увидев это, нечестивые разобрали засеку в трех местах, вышли все на вылазку, надеясь, что казаки бросятся бежать. И во время той вылазки был тяжелый бой, крепко стояли, пока не начали биться врукопашную. Казаки на нечестивых все разом устремились и проявили смелость и твердость перед нечестивыми и неверными агарянами.

Вскоре неверные начали терять силу свою, казакам же Бог над нечестивыми победу дарит. Казаки подем боя овладевают и побеждают их. И множество неверных перебили, а из засеки выбили, и знамена свои на засеку водрузили, и царевича Маметкула ранили. Но его свои люди вывезли в небольшом суденышке на другой берег Иртыша.

Когда царь Кучум стоял на высокой горе, видя своих татар поражение и ранение сына своего Маметкула, тогда и приказал мурзам своим произносить свою несправедливую басурманскую молитву и призывать на

свою и бесурманскую молитву и призывати на помощ скверныя своя боги. И не бысть им помощи.

И в то время князи остяцкии отидоша с людьми своими кждо восвоеся. Царь же Кучюм, виде свою погибель и царства своего и богатства лишение и рече к себе з горким плачем: «Несть радость, еже не предложится на плачь! О, мурзы и уланы, побежим немедленно, сами бо видим царства своего лишение. Прииде бо ни царска повеления, ни княжеска роду, но самозван от простых людей воровских, атаманишко волских казакишков Ермак Тимофеев с товарищи, всего их 800 человек. Той из царства мя изгна и градом завладе, и сильных и храбрых наших воинов погуби. О, горе мне! Что сотворю или камо бежю? Покры срамота лицо мое! Кто бо мя победи и царства моего лиши? Строгановы из своих острошков послаша на мя простых людей, наемных воришков, своей обиды отмщати. И тии, на нас нашедше, победиша и толика нам зла сотвориша: воинство мое избиша, и сына моего уязвиша, и мене самого посрамиша, и от царства моего изгнаша! Обратися болезнь моя на главу мою, и неправда моя сниде на мя — аз бо чуждая с радостью приимах, Рускую землю, и Пермь Великую, и Строгановых многажды воевах, острожки, села и деревни пустоших, и много им пакости чиних. А ныне всего своего лишен бых и сам побежден бысть».

И прибеже окаянный во град Сибирь, и взя нечто мало от сокровищ своих, и владесе сам и прочии его невозвратному бегству, а град Сибирь оставиша пуст.

Храбрый же Ермак и з дружиною своею приидоша ко граду, и не бе во граде ни гласа, ни послушания. Мнеша же козацы, яко погании скрышася и утаишася, но не бысть се, понеже нощию вси изыдоша. Ермак же и прочии обозрешася прилежно и отворише врата граду, внидоша во град Сибирь, иже последи наречен бысть Тоболеск, месяца октября в 26 день, на память святого великомученика Христова Димитрия Селунскаго. И прославиша Бога, давшего им победу на поганных бесурман, радуящеся радостью великою. Богатство же от золота, и серебра, и паволоки златых, и камение многоценное, и драгие куны, и соболи, и бобры, и лисы драгоценныя велми множество взяша и по себе разделиша.

Дивно бо бе слышати и ужаса достойно воистинну, како бысть победа на поганыя супостаты и на прегор-

помощь неправедных своих богов. Но не было им помощи.

В то время князья остяцкие со своими подданными разошлись по домам. А царь Кучум, видя свое поражение, а царству своему и владычеству конец, обратился к своим с горестными стенаниями: «Нет радости, которая не обратилась бы в печаль. О мурзы и уланы, бежим немедля, ибо все видим царства нашего падение. Вот пришел не по царскому указу, не из княжеского рода, но самозванец из обычных разбойников, атаманишка волжских казачишек, Ермак Тимофеев с соратниками, всего-то 800 человек. И этот из царства меня изгнал и столицей овладел, а сильных и доблестных наших воинов перебил! О, горе мне! Что сделаю и куда побегу? Покрыл себя позором! Ибо кто меня победил и царства лишил? Строгановы из своих острожков послали против меня простых людей, наемных разбойников, свою обиду отместить, и те, на нас напав, победили и столько нам бед принесли: войско мое разбили и сына моего ранили, а меня самого опозорили и из царства моего изгнали! Возвратилась злоба моя на мою главу, и злодейство мое обратилось против меня! Я ведь чужое (горе) с радостью воспринимал, на Русскую землю и Пермь Великую и Строгановых не раз нападаю, острожки, села и деревни опустошал и много им зла приносил, а ныне всего своего лишен и сам побежден.»

И прибежал, нечестивый, в город Сибирь и взял кое-что из сокровищ своих, а сам с приближенными бросился бежать без оглядки, а город Сибирь покинул.

Бесстрашный же Ермак с дружиной своей подошли к городу, и не слышно было в городе ни звука. Казаки же подумали, что нечестивые спрятались и затаились, но не было этого, так как ночью все ушли. Ермак же и все прочие огляделись внимательно, отворили ворота города и вошли в город Сибирь, который после был назван Тобольском, 26 октября, на память святого великомученика Христова Димитрия Солунского. И восславили Бога, давшего им победу над нечестивыми басурманами, радуясь великой радостью. Добычу же огромную, золото, и серебро, и ткани драгоценные, и камни самоцветные, и дорогих куниц, и соболей, и бобров, и лис драгоценных, взяли и между собой разделили.

Поразительно то было, но воистину очень справедливо, что победа одержана над нечестивыми врагами и

даго царя Кучюма немногими вои, и таковое сильное, и грозное, и богатое, и славное царство взято бысть воистинну свыше помощью всесилнаго Бога, молением же и счастьем государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа России, радением же и труды атамана Ермака Тимофеева с товарищи. Царь же Кучюм нача пребывати во своих улусах, бегая от места на место, рняся и зело дыша, аки ехидна. Но господь гордым противится, смиренным же дает благодать.

По взятии же града Сибири, в 4 день прииде во град к Ермаку с товарищи остяцкий князь именем Бояр со многими своими остяки и привезе с собою многия дары и запасы. Ермак же с товарищи се все прияша, зла же им никакова не учиниша. Видев же се, начаша приходити и инныя многия татаровя з женами и з детьми и учили жить в прежних своих домех.

Глава 18.

О убиении казаков на рыбной ловле под Ябалаком

Тоя же зимы, декабря в 10 день, Ермакове дружине волским казаком, идущим к рыбной ловле без всякаго опасения к некоему урочищу, иже именуется Ябалак, и быша на стану спяще, стражи не поставиша. Царевичь же Маметкул нощию пришед на стан и внезапно всех поби.

Слышано же бысть во граде о убиении сем. Ермак же о сем оскорбися зело, и подвижеся на гнев, и велми възъярися сердцем, и повеле дружине своей препоясаться оружием, и погнаша вслед их, и постигоша их на станех под Ябалаком. И мужески воины по повелению Ермакову на поганных нападоша, и брань сотвориша велию, и от обою стран трупии мертвых паде немало. И уже нощи нашедши, и брань преста, а погании побегоша, Ермак же з дружиною своею возвратися во град.

Глава 19.

О взятии царевича Маметкула жива

Того же году, апреля в 5 день, пришед во град к Ермаку с товарищи татарин именем Сенбахта и сказал, что царевич Маметкул стоит на реце Вагае. И

над жестоким царем Кучумом небольшим отрядом, а такое сильное, и могущественное, и богатое, и прославленное царство воистину взято было всесильного Бога помощью свыше, молением же и счастьем государя царя и великого князя всея России Ивана Васильевича, усердием и ратными подвигами атамана Ермака Тимофеева с соратниками. Царь же Кучум стал по своим кочевьям скитаться, переходя от одного к другому, сердясь и дыша злобой, словно ехидна. Но Господь гордым противится, кротким же благоволит.

После взятия города Сибири, на 4 день, пришел в город к Ермаку с соратниками остяцкий князь по имени Бояр с многочисленными его подданными и привез с собой подарки и припасы. Ермак же с соратниками все принял, а зла им никакого не причинил. Увидев же это, начали приходить другие многие татары с женами и с детьми и поселились в прежних своих домах.

Глава 18.

Об убийстве казаков на рыбной ловле под Абалаком

В ту же зиму, 10 декабря, волжские казаки из дружины Ермака, которые ушли на рыбную ловлю без всякой охраны к некоему урочищу, именуемому Абалак, уснули в лагере, а караул не поставили. Царевич же Маметкул напал на лагерь и разом всех перебил.

И вот услышали об этой расправе в городе. Ермак же сильно огорчился и разгневался и так распалился сердцем, что, приказав дружине своей быстро вооружиться, бросился вслед за теми (татарами) и настиг их в лагере под Абалаком. И воины по приказу Ермака смело выступили против нечестивых, и начался тяжелый бой, и с обеих сторон было немало убитых. И только когда сгустилась тьма, закончился бой, а неверные отступили, Ермак с дружиной своей возвратился в город.

Глава 19.

О взятии в плен царевича Маметкула

В том же году, 5 апреля, пришел в город к Ермаку с соратниками татарин по имени Сенбахта и сказал, что царевич Маметкул расположился на Вагае. И не-

нецыи от Ермаковы дружины поидоша на реку Вагай тайно. И дошедше места того, и нападоша на стан царевичев нощию, и много поганных побиша, и царевича Маметкула жива яшѣ, и во град к Ермаку с товарищи приведоша.

Царь же Кучюм, ожидая сына своего к себе, и поведано бысть ему вся збывшаяся над людьми его, и яко сына его, царевича Маметкула, в полон взяша. Слышав же се, царь Кучюм ужасеся и воскорбе болезнию великою по сыне своем, царевиче Маметкуле, и о убиении своих татар, и о всех збывшихся над ним.

Глава 20. О приходе князя Сейдяка Бекбулатова сына на царя Кучюма

По мале же времени приидоша к царю Кучюму вестницы и поведаша ему, яко идет на него князь Сейдяк Бекбулатов сын со многими воинскими людьми и хочет его разорити и пленити. Царь же Кучюм, слышав то, велми опечалися и устрашися. И по сем малу времени минувшу, думчей его Карача, видево царевое изнеможение, и собрав татаровя и вогуличи, и отъиде от него прочь.

Царь же Кучюм, видево своих си изменение и лишение, и восплакася о сем горко, и рече к себе: «Его же бог не милует, того и любимии друзи оставляют и честь ему на безчестие приходит». Карача же пришед в Пелымскую землю, и нача жити на болшем озере, выше реки Тары, близ реки Оми.

Глава 21. О взятии Назыма града и о убиении Никиты Пана со иными

Того же лета, храбрствующу Ермаку со дружиною своею по всей Сибирстей земли, обнажища бо мечь свой на нечестивыя агаряны, и в крепости меча своего многия городки и улусы татарския поплениша по реке Тоболу и по великой Оби, и Назым городок остяцкой взяша и со князем их. И в том хождении погании убиша под городками своими на приступе Ермаковы дружины

сколько воинов из дружины Ермака тайно отправились на реку Вагай. И когда дошли до того места, то напали на лагерь царевича в темноте и многих нечестивых перебили, а царевича Маметкула живым взяли и привели в город к Ермаку и его соратникам.

Пока царь Кучум ожидал сына своего к себе, сказано было ему обо всем случившемся с его людьми и о том, что сына его, царевича Маметкула, в плен взяли. Услышав же об этом, царь Кучум был поражен и сильно страдал о своем сыне, царевиче Маметкуле, и о гибели своих близких, и обо всем, что случилось с ним.

Глава 20. О нападении князя Сейдяка Бекбулатова сына на царя Кучума

Вскоре пришли к царю Кучумы гонцы и сообщили ему, что идет против него князь Сейдяк Бекбулатов сын с большим войском и хочет его разгромить и в плен взять. Царь же Кучум, услышав об этом, огорчился и испугался. А после того вскоре думный боярин его Карача, видя, что царь теряет власть, собрал татар и вогулов и покинул его.

Царь же Кучум, видя перемену близких к себе и их уход, горько сожалел об этом, говоря себе: «Кому Бог не оказывает снисхождения, того и любимые друзья оставляют, и честь его в бесчестие обращается». А Карача, придя в Пелымскую землю, обосновался на большом озере, выше Тары, около реки Омн.

Глава 21. О захвате города Назыма и о гибели Никиты Пана и других

В том же году Ермак со своей дружиной, доблестно сражающийся по всей Сибирской земле, обнажил свой меч против нечестивых агарян, и силой меча своего многими крепостями и улусами татарскими завладел по реке Тоболу и по Великой Оби, и остяцкую крепость Назым захватил вместе с правителем. В том походе нечестивые убили во время осады их крепостей атамана

атамана Никиту Пана и иных с ним. Ермак же возвратился во град свой Сибирь.

По сем же атаман Ермак Тимофеев с товарищи совет сотвориша и отпустиша послов своих к честным людям к Семену и Максиму и Никите Строгановым, поведаяще им, яко господь, в Троице славимый Бог поможет им одолети безбожного и скверного царя Кучюма: и град его столный, Сибирь, очистиша, и сына его, царевича Маметкула, яша жива, и всю Сибирскую страну повоеваша и под мечь свой подклониша.

И слышаша то, Семен, и Максим, и Никита Строгановы возрадовашася радостию великою и прославиша Бога, давшего победу на поганых. Присланных же учредиша гощением немалым. И о том о всем писаша к Москве ко благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа России — о пленении и о одолении всеа Сибирския земли, и о взятии в полон царевича Маметкула.

Мало же минувшее, и сами они Строгановы приехали к Москве, и государю царю о всем о том известиша вся по ряду, како они из острожков своих волских казаков, атамана Ермака с товарищи и со своими людьми в Сибирь отпустиша войною на сибирскаго царя Кучюма, и что у них ни учинися, то все ему, государю, сказаша. И государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа России, слышав сия, рад бысть, и за их радение и верныя службы пожаловал их двумя городами — Солью Большою да Солью Малою, иже есть на Волге.

И грамоту свою царскую на те места пожаловал, велел дать за красною печатью и за приписью посольскаго дьяка Андрея Щелкалова, почему им теми городами владеть. Да их же государь пожаловал в городех их и в острожках всяким людям торговать безданно и безпошлинно.

Глава 22.

О послании казаков к государю царю к Москве с отписками, поведаяще свою службу

По сем атаманы и казаки, Ермак Тимофеев с товарищи, послаша из Сибири к Москве к государю царю и великому князю Иоанну Васильевичу всеа России с отписками, поведаяще ему, государю, о взятии

Никиту Пана и еще некоторых из Ермаковой дружины. Ермак же вернулся в город Сибирь.

После того атаман Ермак Тимофеев с соратниками приняли решение и отправили послов своих к знатым людям к Семену, и Максиму, и Никите Строгановым, сообщая им, что Господь, в Троице славимый Бог, помог им одолеть неверного и вероломного царя Кучума: столицу его Сибирь очистили, а сына его, царевича Маметкула, взяли в плен и все Сибирское царство завоевали и привели под меч свой.

И, услышав об этом, Семен, и Максим, и Никита Строгановы возликовали от радости великой и прославили Бога, даровавшего победу над неверными. Посланников же потчевали обильным угощением. И об этом обо всем написали в Москву к благочестивому государю царю и великому князю всея России Ивану Васильевичу — о завоевании и покорении всего Сибирского царства и о захвате в плен царевича Маметкула.

Вскоре после того и сами те Строгановы приехали в Москву и государю царю обо всем том рассказали по порядку, как они из острожков своих волжских казаков, атамана Ермака с соратниками, со своими людьми отпустили в поход против сибирского царя Кучума, и обо всем, что с ними случилось, ему, государю, рассказали. И государь царь и великий князь всея России Иван Васильевич, услышав об этом, доволен был, а за усердие и верную службу пожаловал тех (Строгановых) двумя городами — Солью Большой да Солью Малой, которая на Волге.

И на те места велел дать свою царскую жалованную грамоту, согласно которой им теми городами владеть, приказав скрепить красной печатью и подписать по-сольскому дьяку Андрею Щелкалову. Да им же государь разрешил, чтобы в их городах и острожках торговали разные люди без пошлины и без налогов.

Глава 22.

Об отправке казаков к государю в Москву с донесениями об исполнении долга

После того атаманы и казаки, Ермак Тимофеев с соратниками, послали из Сибири в Москву к государю царю и великому князю всея России Ивану Васильевичу донесения, сообщив ему, государю, о захвате столь-

столнаго града Сибири, и о победе царя Кучюма, и о ятии сына его, царевича Маметкула, и о пленении всеа Сибирския земли.

И слышав то, государь прослави Бога о всех содеянных, и казаков пожаловал своим государевым великим жалованием: денгами, и сукнами, и камками. А кои в Сибири атаманы и казаки, и тех государь пожаловал заочно и велел к ним послати свое государево большое полное же жалование, и воевод велел отпустить с служивыми людьми в те города, которые <...> Господь Богъ ему, государю, поручил. А царевича Маметкула указал государь прислати к Москве тотчас.

Атаманы же и казаки немного на Москве поживше, паки поехала в Сибирь. И как они приехали в Сибирь к Ермаку Тимофеевичю с товарищи и милость государскую сказаха и слово похвальное возвестиша, и что им государь великую пеню отпустил и вину отдал, и присланное государево жалование — денги и сукна, и камки ему, Ермаку, и прочим всем отдаха все в целости.

Глава 23.

О послании государевых воевод с Москвы в Сибирь

Во второе лето по взятии Сибирския земли по указу государя царя послан бысть с Москвы в Сибирь воеводою князь Семен Болховской да Иван Глухов со множеством воинскими людьми. Атаманы же и казаки сretoша их с великою честью, воеводы же милость великого государя им, атаманом и казаком, возвестиша и посланное государево жалование им по росписи раздаха. Тако же и казаки государевых воевод дарствоваха соболями, лисицами, бобрами и всякими иными узорочьи дорогими, кто что можаше. И вси радости наполнишася и веселяхуся, благодаряще Бога, давшего им такую победу на поганных бесурман.

Глава 24.

О бывшем гладе во граде Тоболске

Тоя же зимы, егда приидоша в Сибирь с Москвы вои з казаком и кои запасы с собою привезоша, и то все изъядоша, а казацы запасы готовиша, сметая по

ного города Сибири, и о победе над царем Кучумом, и о взятии в плен сына его царевича Маметкула, и о покорении всего Сибирского царства.

И услышав об этом, государь восславил Бога за все содеянное, а казаков одарил своими государевыми богатыми подарками: деньгами, и одеждами, и шелками. А тех атаманов и казаков, которые (остались) в Сибири, государь наградил заочно, и велел к ним послать свои государевы богатые подарки сполна, и воевод приказал отправить с воинским отрядом в те города, которые <...> Господь Бог ему, государю, верил. А царевича Маметкула государь велел прислать тотчас в Москву.

Атаманы же и казаки, побывши немного в Москве, снова отправились в Сибирь. А когда они вернулись в Сибирь к Ермаку Тимофеевичу с соратниками, то объявили о государевом милосердии и слова одобрения передали, и что государь от великого наказания их избавил и вину простил, и посланные государем подарки — деньги, одежду и шелка — тому Ермаку и всем остальным отдали все сполна.

Глава 23.

Об отправке государевых воевод из Москвы в Сибирь

На другой год после покорения Сибирского царства по указу государя царя были посланы из Москвы в Сибирь воевода князь Семен Болховской да Иван Глухов с большим воинским отрядом. Атаманы же и казаки встретили их с великими почестями, воеводы же о прощении их, атаманов и казаков, великим государем объявили и посланные государевы дары им по списку передали. Также и казаки государевых воевод одаривали соболями, лисицами, бобрами и всякими разными дорогими вещами, чем кто мог. И все были довольны и веселы, благодаря Бога, даровавшего им такую победу над неверными басурманами.

Глава 24.

О голоде, случившемся в городе Тобольске.

В ту же зиму, когда пришедшие в Сибирь из Москвы к казакам воины все припасы, которые привезли с собой, съели, а казаки припасов заготовили, посчитав

своим людем, а московских людей приходу не ведуще, и того ради во граде бысть велие оскудение брашну и прочим запасом, и мнози от глада изомроша, и воевода князь Семен Болховской тут же умре и погребен в Тоболске.

И по сем убо зимная година проиде, мраз и студени от солнечных теплоты облегчившуся и настом наставшим, и звериной ловли почавшись, и от того люди начаша питаться, и гладу обলেখчевающуся.

Егда же весна прииде и от теплоты воздуха лед и снег растаяша, и твари ботеючи, и древесам и траве проращши, и воды разлиашася, и тогда бысть рыболовство велие, и множеству птицам в те места прилетевшим. И теми птицами и рыбою сущим во граде бысть велие изобилие. И гладу уже не бысть, яко мнози языцы, окрест живущии: татаровя, и остяки, и вогуличи, приношаху к ним многия запасы и от ловитв своих, от зверей и от птиц и от рыб — со всякое доволство изобилно, тако же и от товаров драгих и от всякия мяхкия рухледи. И тогда вси московстии людие и казацы, милостию Божиею, всякими брашны изобилны быша и богатства приобретаху множество от торгу мяхкия рухледи. И пребывающе во всякой радости и в веселии, — благодаряще в Троицы всемогущаго Бога о даровании таковыя благодати и о обладании таковыя богатая земли.

Глава 25.

О послании к Москве царевича Маметкула, Кучюмова сына

По повелению государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа России воевода Иван Глухов и вси атаманы и казаки послаша из Сибири к нему, государю, сибирскаго царя Кучюма сына его, царевича Маметкула, со многими его людьми. И бысть им на пути, и не дошедшим еще царствующаго града Москвы яко полупути, изволением всеилнаго Бога царь и великий князь Иван Васильевичь всеа России от сего маловременнаго жития преселися на оный, будущий и нескончаемый век.

только своих людей, не зная о приходе московского отряда, то была в городе сильная нехватка съестных и прочих припасов, и многие от голода поумирали, и воевода князь Семен Болховской в то время умер и погребен в Тобольске.

Когда же зимняя пора прошла, морозы и стужи от солнечного тепла ослабели, появился наст, и охота началась, а ею стали люди кормиться, тогда и голод отступил.

Едва весна пришла и от тепла лед и снег растаяли, животные стали тучнеть, а деревья и травы зазеленели, и реки разлились, начался рыбный промысел, да и множество птиц в те места прилетели. И той птицы и рыбы жившие в городе получили в преизбытке. И голод уже перестал, когда многие народы, живущие окрест: татары, остяки, вогулы, принесли к ним разнообразные припасы и со своей охоты животных, птиц и рыб, всего в достаточном количестве, а также и товары дорогие и всевозможные меха. И тогда московские воины и казаки, милостью Божией, все разными съестными припасами запаслись и разбогатели от покупки пушнины. И жили во всяком довольстве и радости, превознося всемогущего Бога в Троице о дарованной свыше помощи о покорении такой богатой земли.

Глава 25.

Об отправке в Москву царевича Маметкула, Кучумова сына

По указу государя царя и великого князя всея России Ивана Васильевича воевода Иван Глухов и все атаманы и казаки отправили к нему, государю, сына того сибирского царя Кучума царевича Маметкула с многочисленными его приближенными. И когда они были в дороге, не дойдя еще до царствующего града Москвы почти полпути, тогда волей всеильного Бога царь и великий князь всея России Иван Васильевич из этого кратковременного бытия переселился в иное, будущую и бесконечную жизнь.

Глава 26.

О убиении атаманов Ивана Колцова, Якова Михайлова и дружины их

Того же лета приидоша во град Сибирь к Ермаку Тимофееву с товарищи от думнаго царевы Карачи послы просити у них людей оборонити их от Нагайской орды. А сказали они, безвернии, что идут к ним в Сибирь бухарцы, торговые люди, для ради торговых своих промыслов торговати, и не пропустит-де их царь Кучюм с нагайскими людьми вместе, а стоит-де на пути, на реце Вагае.

Ермак же с товарищи своими, посоветовав и подумав, повериша их безбожному шертванью, понеже они, окаяннии, на том им шертвали, что было над рускими людьми никакой порухи не чинить и лиха не думать, но се сотвориша, а на сердцах своих злии агаряне крыяху совет зол, мысляху бо, как бы им православных христиан своим злохитрством погубити. Казацы же ослабеша умом и не помянуша реченнаго яко: «Не всякому духу веруйте, но искушайте их», — отпустиша с ними, погаными, атамана Ивана Колцова да с ним же отпустиша дружины своей казаков 40 человек. И тии вси сами предашася в руки окаянных и нечестивых агарян и тамо вси сии избиени быша от безбожнаго варвара Карачи.

Слышано же бысть во граде атаманом и казаком, что атаман Иван Колцов и с прочими своими побиени быша, и рыдаху по них, горко плачюще из глубины сердца своего. Вниде же во уши поганым агаряном, котории живяху близ града, яко атаман Колцов со дружиною своею убиен бысть, а атаман Яков ж Михайлов, хотя мстити кровь друзей своих, поиде на них тайно в подсмотр, они же, окаяннии, яша того и убиша. И тако сии атаманы добрии и храбрии со многою своею дружиною скончашася.

Глава 27.

О победе и о убиении царя Кучюма

Некогда же Карача собрався со многими своими татарами и остяки, и вогуличи, и поиде противу царя Кучюма. Царь же, уздав о сем подлинно, восплакася горко: «О Кучюме! На се ли ты родихся на, такое без-

Глава 26.

Об убийстве атаманов Ивана Кольцова, Якова Михайлова с дружиной их

В том же году пришли в город Сибирь к Ермаку Тимофееву с соратниками послы от царского думного боярина Карачи просить у них людей для обороны от Ногайской орды. А сказали те неверные, что идут к ним в Сибирь бухарские купцы со своими товарами для торговли, но не пустит, дескать, их царь Кучум с ногайским отрядом, а встал, дескать, на пути, на реке Вагае.

Ермак же с соратниками своими, посоветовавшись и обдумав, поверили их бессовестной клятве, поскольку те, вероломные, также им обещание дали, что русским людям не причинят никакого вреда и зла не станут замышлять, но так пообещали, а в сердцах своих жестокие агаряне скрыли мысль дурную, ибо задумали, как бы им православных христиан обманом погубить. Казаки же ослабели умом и не вспомнили сказанного: «Не всякому духу веруйте, но испытайте их», — отпустили с теми нечестивыми атамана Ивана Кольцова да с ним же отпустили из дружины своей казаков 40 человек. И те все сами предались в руки безбожных и нечестивых агарян, и на том месте все они убиты были безбожным варваром Карачей.

Когда услышали в городе атаманы и казаки о том, что атаман Иван Кольцов и с ним все остальные перебиты, то оплакивали их, горько плакали из глубины сердца своего. Дошло до ушей нечестивых агарян, которые жили около города, что атаман Кольцов с дружиной убит, а атаман Яков Михайлов, желая отомстить за кровь друзей своих, вышел в ночной дозор, и те нечестивые схватили его и убили. И так атаманы доблестные и храбрые с многими своими друзьями погибли.

Глава 27.

О захвате и гибели царя Кучума

Однажды Карача собрался с многочисленными своими татарами, остяками и вогулами и выступил против царя Кучума. Царь же, узнав об этом правду, с горечью причитал: «О Кучум! Неужели для бесчестья и

честие и срам, яко не токмо царства моего лишихся, но и любимый мой раб и присный властелин и той на мя немилостивно востал».

И плакався горко, собра многия своя оставшия татаришки и поиде на Карачю нощию тайно. И нападоша на станы его; онем же спящим без всякаго опасения. Царь же Кучюм с своими побил их многих. Карача же ощутився, и исправися, и погна вслед его; он же со оставшими людьми едва утече от него за некоторый малый источек.

Видев же царь Кучюм свое изнеможение, и в злобе и в горести своей нача сам своих татар пленити, и остяцкия и вогулския улусы громити. Они же, видяще се, яко иже бысть им царь и владыка обратися в люта волка, и собращася на него и начаша его гоняти. Он же не веде, где от них деться, и побеже в колмацкия улусы и, бегая, подсмотри тамо конския стада, и отгна. И уже бо к тому бысть не яко царь, но яко тать и разбойник и бегун. Колмаки же ощутиша его и погнаша вслед его, и кони свои отполониша. Он же едва у них утече и оттоле бежав в Нагайскую землю и тамо зле окаянную свою душу изверже.

Глава 28.

О приходе Карачине под град Тоболеск и о убиении дву сынов его

Того же году, во время святаго и Великаго поста, в марте месяце, прииде Карача со многими своими людьми под град Тоболеск в силе и в мочи своей и облегоша град обозами. Сам же Карача ста в некоем сокровенном месте, от града поприща за три. Казацы же бывшу во осаде немало время. И уже весне прешедши, и лету наставшу, Карача же нимало отступи от града, хотя их уморити, дыхая, аки ехидна злая, и стояше под градом многое время.

И егда месяц июнь наста, и приспевшу дню второму на десять в поврат солнца, и в то время во едину ночь казацы, атаман Матфей Мещеряк с товарищи изыдоша из града отай: гласу же, ни звуку ни от единого кого бысть — тако бо совет положиша. И приидоша под Карачю в науреченное место, в Саускан. Поганым же спящим без всякаго опасения. Казацы же, зело желающе во еже бы отмстити ему, окаянному, наносимыя

позора ты рожден, что не только царства своего лишился, но и любимый твой подданный и приближенный боярин и тот на тебя безжалостно поднял руку».

И, причитая горько, собрал всех своих оставшихся татарашек и вышел против Карачи тайно ночью. И напал на лагерь его, когда все спали без всякой охраны. Царь же Кучум со своими многих из них перебил. Но Карача пришел в себя, собрал силы и погнался за ним, тот же с оставшимися людьми едва успел скрыться от него за какое-то небольшое озерко.

Почувствовав же свое бессилие, царь Кучум в гневе и в горе начал сам своих татар в плен брать, а остяцкие и вогульские улусы громить. Те же, видя, что тот, который был для них царем и властелином, превратился в лютого волка, выступили против него и начали его преследовать. Тот же, не зная, куда деться, побежал в калмыцкие улусы да мимоходом, приглядев там конский табун, угнал его. Ибо уже тогда был не царем, а вором, и разбойником, и беглым. Калмыки же узнали его, и погнались вслед за ним, и коней своих отбили. Тот же едва от них ускакал, и оттуда бежал в Ногайскую орду, и там злополучной души своей лишился.

Глава 28.

О приходе Карачи под город Тобольск и о гибели двух его сыновей

В том же году, во время святого и Великого поста, в марте месяце, пришел Карача с большим войском под город Тобольск в силе и могуществе и окружил город обозами. Сам же Карача остановился в одном тайном урочище, от города версты за три. Казаки же провели в осаде немалое время: уже весна прошла, и лето настало, а Карача никак не отступал от города, но все время стоял под городом, думая их уморить, шипя, как злобная змея.

И когда настал июнь месяц и подошел день летнего солнцестояния — двадцать второй, только в то время, в одну из ночей, казаки, атаман Матвей Мещеряк с соратниками, вышли из города с предосторожностями: не слышно не было ни голоса, ни единого звука — так между собой договорились. И дошли до Карачи в названное урочище, в Саускан. Нечестивые же спали без всякой охраны. Казаки же, желающие во что бы то ни

им от него тяжкия обиды и вооружившеся силою крестною, внезапно нападоша на них, и посекоша многое множество, Богу бо помогающе. И доидоша близ Карачина стану, секуще, и ту дву сынов его убиша. Погании же бегаяще от казаков сѣмо и овамо, Ангел бо Господень смяте их. Сам же Карача с малыми едва утекоша за озеро.

И уже нощи прешедши, свитающе же днєви, и погании вси побегоша от града в Саускан, надехуся казаков смерти предати, и доидоша до них. И составися брань. Казацы же нимало устрашишася, но паче укрепишася. Погании же на них жестоко наступающе, тако же и казацы от них не худе защищахуся. И бысть брань до полудни, и преста — погании же отступиша от них, казацы ж возвратишася во град свой Тоболеск, благодаряще Бога. Видев же Карача, яко казаков одолети не возможе, и отъиде во свои улусы с срамом.

Глава 29.

О убиении храбраго атамана Ермака Тимофеевича с товарищи

Того же году, месяца августа в 5 день, приидоша нецыи вестницы от бухарцов, торговых людей, ко атаманом и казаком, к Ермаку Тимофееву с товарищи, и сказаша им, что идут к ним многие торговые люди бухарцы со многими своими бухарскими товары, а не пропустит де их царевичъ Алей, Кучюмов сын.

Ермак же, подумав и посоветовав со своими атаманы и казаки, поиде не со многими людьми на встречу по реке Иртишу вверх, и пришед на Вагай, и бухарцов не обрете. И приидоша до места, зовомаго Атбаш, и оттоле возвратишася.

Уже бо дню прешедшу и нощи, и тме наставши, казацы ж зело утрудишася от многаго пути. И дошедше до некоего места, до Перекопи, и ту обначеваша. И тако бысть Божиим повелением: прииде время, уготовися час, приспе на воинов внезапно смерть. Яко же и на многих послание от Бога бывает не на чаяние и не ведение, и мудрости, и ума их отступление, и в размышлении ослабление, и совету их недомышление, тако же и у сего велеумнаго и храбраго атамана Ермака Тимофеевича с товарищи бысть в то время ума их оску-

стало отомстить тому безбожнику за наносимые им тяжкие обиды, вооружась крестною силой, внезапно напали на них и перебили с Божьей помощью (их) бесконечное множество. И, сражаясь, подошли почти до шатра Карачи и здесь двух его сыновей убили. Нечестивые же разбежались от казаков в разные стороны — то Ангел Господень поразил их. А сам Карача с немногими (людьми) едва ускакал за озеро.

И когда ночь прошла, рассвет наступил, то нечестивые все бросились из города в Саускан, надеясь перебить казаков, и напали на них. И начался бой. Казаки же нисколько не испугались, но еще более вооружились. Нечестивые же крепко теснят, казаки же от них также неплохо обороняются. И был бой до полудня, и закончился — нечестивые отступили, а казаки возвратились в город свой Тобольск, прославляя Бога. Карача же, видя, что казаков одолеть не может, ушел в свои улусы с позором.

Глава 29.

О гибели храброго атамана Ермака Тимофеевича с соратниками

В том же году, 5 августа, пришли какие-то гонцы от бухарских купцов к атаману и казакам, к Ермаку Тимофееву с соратниками, и сообщили им, что идут к ним купцы бухарские с разными бухарскими товарами, а царевич Алей, Кучумов сын, дескать, их не пропустит.

Ермак же, обдумав и посоветовавшись со своими атаманами и казаками, пошел с небольшим отрядом навстречу вверх по реке Иртышу и, дойдя до Вагая, бухарцев не обнаружил. Но прошел к урочищу, называемому Атбаш, и возвратился оттуда.

Уже день проходит; спустилась ночная тьма, казаки же сильно устали от долгого пути и, дойдя до одного урочища, до Перекопа, тут остановились на ночлег. И это совершилось Божьим провидением: время пришло, приблизился час, пришла к воинам внезапно смерть. Как и за многими Господь посылает не в надежде, не в разуме и мудрости, но в их безумии, и безрассудстве, и недомыслии, так и этому рассудительному и доблестному атаману Ермаку Тимофеевичу с соратниками не хватило в тот момент разума — сами на Перекопе остановились на ночлег, и шатры свой поставили, и спать

дение — сами на Перекопи обначеваша, и положи своя поставиша, и спать полегоша вси, а стражей крепких не поставиша, татар же близ себе в скопе не ведуще, и вси безнадежно уснуша крепко.

Царевич же Алей посла подсмотрщики и повеле твердо стрещи их. Сия же ночь бысть темна, и мрачна, и дождлива. Погании же, аки зверие дивии, дышуще на них и мечи свои готовляху. И бысть яко в полунощи, Ермаку ж со дружиною своею спящим без всякаго опасения.

Погании же видевше, яко время есть хотение свое исполнити, и скоро оружия своя извлекоша, и на стан их нападоша, и обнаженными мечи сонных казаков начаша избивати. Ермак же, воспрянув от сна своего, и виде дружину свою аки снопие пожинаему и смерти предаваемо, а помощи ниоткуды не получаемо, и побеже в струг свой, и не може в него скочити. Тягости ради сущия на нем — бе бо одян железом. И вступи на край струга, струг опровержеся, и испаде Ермак из струга в воду, и утопе в реце.

И тако Божиими судьбами прииде на воинов храбрых и крепких и удалых казаков внезапная смерть. Никто же бо бессмертен — аще кто и много поживет, а смерти не избудет. Воини же сии живот свой скончаша и головы своя положиша за святых Божия церкви и за православную христианскую веру.

Слышано же бысть во граде Тоболске атаману Матфею Мещеряку со дружиною его, яко начальника их и наставника и вожда храбраго и велеумнаго Ермака со дружиною его безбожнии татаровя побиша, и бысть плачь неутешим и рыдание горкое, яко лишени быша такового вожда, тако же и дружины своей казаков. И сотвориша по них помяновение велие.

Глава 30.

О походе атамана и казаков на Русь

Не по мнозех днех после убиения прехрабраго атамана Ермака Тимофеева с товарищи атаман Матфей Мещеряк со оставшими казаки начаша думати, глаголюще к себе: «О, любезная наша братия! Как нам быти и что сотворити? Здеся ль нам сидети и град Тоболск держати или оставше прочь отъити, понеже правосудие Божие тако бысть — вожди наши крепцыи, и дру-

легли все, а караулов надежных не поставили, и, о скопище татар возле себя не ведая, все безнадежно крепко уснули.

И вот царевич Алей послал лазутчиков и приказал неотступно следить за ними. А та ночь была темна, и мрачна, и дождлива. Нечестивые же, словно звери дикие, пыхая злобой, мечи свои держали наготове. И было это около полуночи, Ермак же с дружиной своей спал без всякой охраны.

Нечестивые же, видя, что настало время желание свое осуществить, быстро оружие из ножен выхватили и на лагерь их (казаков) напали, и обнаженными мечами начали сонных казаков убивать. Ермак же воспрянул ото сна и, видя дружину свою, словно снопы, поссекаемую и смерти предаваемую и помощи ни от кого не ожидая, бросился к стругу своему, но не мог на него перескочить из-за бывшей на нем тяжести — ведь одет он был в железо. И встал на борт струга, струг накрепился, и упал Ермак со струга в воду, и утонул в реке.

И так Божьим судом пришла к воинам доблестным и сильным и удалым казакам внезапная смерть. Ибо никто не бессмертен — если кто и долго проживет, а смерти не минует. А эти воины жизнь свою отдали и головы свои сложили за святые Божие церкви и за православную веру.

Когда атаман Матвей Мещеряк и дружина его услышали в городе Тобольске, что их предводителя, и наставника, и вождя, доблестного и мудрого Ермака и его дружину нечестивые татары перебили, то плакали безутешно и рыдали горько, что лишились такого вождя да и друзей своих, казаков. И совершили по ним великую панихиду.

Глава 30.

Об уходе атамана и казаков в Русь

Вскоре после гибели неустрашимого Ермака Тимофеева с соратниками атаман Матвей Мещеряк и остальные казаки начали размышлять, говоря друг другу: «О достойные наши собратья! Как нам поступить и что сделать? Здесь ли остаться и город Тобольск сохранять или, бросив (его), прочь пойти, поскольку таков был суд Божий — атаманы наши мужественные с дружиной

жина наша храбрая вси избиени быша, нас же остася малое число, и град нам держати не в силу, и противу поганых супостат и безбожных агарян стояти и битися не с кем. Аще же нам на се и поступити и во граде и се-дети, а татарских поганых рук не избыть. Когда уже су-ду Божию нашедшу, тако же и градом, видится по все-мѹ, что не владети. Но лутче нам, братие, от града сего изыти и итти паки на Русь, отнюду же и приидохом; которые честные мужи Строгановы в сие место нас от-пускали и всякими заводы и запасы нас ссужали, и им про все збывшееся возвестим подлинно, и они о том о всем будут писать к государю царю к Москве, и о том, что он, государь, изволит».

И сия словеса атамана Матфея Мещеряка всем полю-бися, и поидоша вси на Русь, а град Тоболеск оставиша пуст.

Глава 31. О приходе царевича Алея Кучюмова во град Тоболеск

Егда же они, атаман Матфей Мещеряк с товарищи, изыдоша из града Тоболска и поидоша на Русь, тогда услышав царевичь Алей Кучюмов сын о сем подлинно и пришед со своими людьми во град Тоболеск. И начаша жити весело, не надеяху бо ся, яко уже к тому казаки не возвратятся вспять. По сем начаша приходити к нему многия татаровя, и остяки, и инии мнози языцы, и нача-ша жити в первых своих домех.

Вниде же сие во уши князю Сейдяку Бекбулатову сыну, яко вожда, и наставника, и храброго воина атама-на Ермака Тимофеева не стало, и мнози побиени быша, а прочии казаки из града поидоша на Русь, и яко царе-вичь Алей градом Тоболским ѿблада и богатество их взя. И собра Сейдяк многих своих улусных татар, и прииде во град Тоболеск небѡязнено, и царевича Алея победи, и градом Тоболским облада.

нашей доблестной все перебиты были, а нас немного осталось, и город сохранять нам не по силе, а против нечестивых врагов и неверных агарян обороняться и сражаться некому. Если нам не так поступить, а в городе сидеть (в осаде), то от татарских нечестивых рук не уцелеть. Когда уж на то Божья воля, то и город, по всей видимости, не удержать. Не лучше ли нам, собратья, из того города уйти и вернуться в Русь, откуда и пришли; а тем знатым людям Строгановым, которые в это место нас отправляли и всяким оружием и припасами нас ссужали, про все случившееся расскажем честно, и они об этом обо всем напишут государю царю в Москву, да и о том, что сам, государь, пожелает».

И эти слова атамана Матвея Мещеряка всем были по душе, и пошли все в Русь, а город Тобольск покинули.

Глава 31. О приходе царевича Алея Кучумова в город Тобольск

Как только атаман Матвей Мещеряк и его соратники ушли из города Тобольска и двинулись в Русь, так разузнал об этом доподлинно Алей Кучумов сын и пришел со своими приближенными в город Тобольск. И стал жить безмятежно, не считаясь с тем, что казаки могут возвратиться. Потом начали к нему приходить многие татары, и остяки, и другие разные иноземцы и начали жить в прежних своих жилищах.

Дошло до слуха князя Сейдяка Бекбулатова сына то, что вождя, и предводителя, и доблестного война атамана Ермака Тимофеева не стало, и многие убиты а остальные казаки из города ушли в Русь, и что царевич Алей городом Тобольском завладел и добычу их захватил. И собрал Сейдяк многих из своих улусных татар и пришел под город Тобольск без страха, и царевича Алея победил, и городом Тобольском стал владеть.

Глава 32.
О втором приходе с Москвы
воевод Ивана Мансурова
и о возвращении волских атаманов и казаков,
Матфея Мещеряка с товарищи,
во град Тоболеск

Во второе лето по Ермакове убиении, в лето 7094, сентября в 18 день, посла государь царь с Москвы в Сибирь воеводу Ивана Мансурова со многими воинскими людьми. И по многом далнем путишествии доидоша до реки Туры, уже в Сибирстей земли, и встретиша их тут атаман Матфей Мещеряк с товарищи, и радовахуся, веселящеся о пришествии воеводы. И оттоле казаки возвратишася с воеводою вкупе единомушно, и поидоша в путь свой, поплывше в стругах вниз по реке Туре, и по Иртишу, и по Тоболу. И доплыша до места, идеже ныне богоспасаемый град Тоболеск.

Погании же, собравшеся во уреченное место у реки Иртиша на берегу, овии пеши, инии на конех, и со берегу стреляюще на струги их, и не дадуще им ко берегу пристати. Воеводы же, видевше таковое собрание поганых, устрашишася велми, и не присташа ко берегу, и паки поплыша вниз по Иртишу, даже и до великия реки Оби.

И бе тогда уже осень, и наста година зимняя, и воздух небесный пременися на студень, и бысть снег, и лед в реце смерзатися нача. Воевода же, он виде настоящее зимнее время, и ту озимевше. И поставиша себе городок над рекою Обью, на усть Иртиша реки, и седше в нем зимовать воевода со всею силою своею, с ними же и волский атаман Матфей Мещеряк со оставшими своими казаки, и живше тут в городке многое время.

Глава 33.
О пришествии остяков под городок
и о их кумире

По неколицех же днех собрашася множество остяков и приидоша войною под городок, и начаша приступати к городку со всех стран. Людие же из городка противу нашедших противляхуся, стреляюще. И дни уж прешедшу, нощи же наставши, погании же от городка отступи-

Глава 32.
О втором воеводе из Москвы —
Иване Мансурове и о возвращении
волжских атаманов и казаков,
Матвея Мещеряка с соратниками,
в город Тобольск

На другой год после гибели Ермака, в 1585 году, 18 сентября, послал государь царь из Москвы в Сибирь воеводу Ивана Мансурова с большим воинским отрядом. И после очень долгой дороги подошли (они) к реке Туре, уже в Сибирской земле, и встретили их здесь атаман Матвей Мещеряк и его соратники, и утешились, радуясь приходу воеводы. И оттуда казаки возвратились все целиком одновременно с воеводой, а отправились в обратный путь, сплавляясь в стругах вниз по рекам Туре, и по Иртышу, и по Тоболу. И подплыли к тому урочищу, где ныне богохранимый город Тобольск.

Нечестивые же, собравшись в упомянутом урочище на берегу реки Иртыша, одни пешие, другие на конях и, с берега стреляя по их стругам, не дали им к берегу пристать. А воеводы, увидев такое сборище нечестивых, очень испугались и не пристали к берегу, а дальше поплыли вниз по Иртышу, до самой великой реки Оби.

Кончалась уже осень, и пришла пора зимы, и воздух небесный стал холоден, и начал (падать) снег, и река начала покрываться льдом. Воевода же тот, увидя настоящие холода, остался здесь зимовать, поставив себе крепость над рекой Обью, на устье реки Иртыша, воевода и все его войско, а с ними и волжский атаман Матвей Мещеряк с оставшимися своими казаками, засели в ней на зиму и жили в этой крепости долгое время.

Глава 33.
О приходе остяков под крепость
и об их кумире

А через несколько дней подошли многие остяки, и осадили крепость, и начали подступать к крепости со всех сторон. А люди из городка сопротивлялись наступающим, стреляя. И когда уже день прошел и тьма упала, то нечестивые от крепости отступили, но утром

ша, и на утрии паки приидоша к городку и начаша приступати. И принесоша с собою кумира своего, его же чтяху, и ему жертвы многи приношаху, и поставиша его близ городка под неким древом, и начаша пред ним жрети, чающе себе помощи от него, чтобы христиан одолети и мечю их предати. Той же кумир у них, безбожных, нарочит и славен, и приношаху ему многия дары из далних городков и улусов. Им же, окаянным, жрущим требы и мольбы приносящим по вся дни, и в то время казаки стрелища из городка ис пушки, и древо оно, под ним же стоял бесурманский кумир, разбиша на многия части, и кумир их сокрушиша.

И видевше се, погани агаряне устрашишася, неведуще и незнающе болшаго огненнаго снаряду, и мняху, яко некто силен ис крепка лука стрели. И нецыи от них рекоша к себе: «Силни убо рустии вои стреляти, яко таковое великое древо рѣзбиша и бога нашего сокрушиша». И по мале времени тии окаяннии от городка прочь отступиша и к тому уже не приидоша.

Глава 34.

О третьем приходе с Москвы государевых воевод Данило Чюлкова с рускими воинскими людьми в Сибирь

По некоем же времени благочестивый государь царь и великий князь Феодор Иоаннович всеа Росии послал с Москвы своих государевых воевод — Данило Чюлкова со многими воинскими людьми и со огненным болшим снарядом. Слышано же бысть бесурманским языком в Сибири приход их, татаровя же, сего убоявшеся, избегоша вон из града Тоболска в те места, идеже преж сего живяху, по своих улусах, град же Тоболск оставиша пуст.

Воевода же Данило Чюлков прииде ко граду и мняху, яко окаяннии во граде скрышася и хотят им велику беду учинити. И пришедше ко вратом града, и отворивше, и обозревшеся, внидоша во град, радуящеся и славяще святую Троицу: И начаша во граде Тоболске жить и веселиться.

И по мале времени возвратися, и той воевода Иван Мансуров, и атаман Матфей Мещеряк со всеми воински-

снова подошли к крепости и осадили (ее). А принесли с собой идола своего, которому поклонялись и которому жертвы многочисленные приносили, да поставили его около крепости под одним деревом, и начали кланяться ему, ожидая от него для себя помощи, чтобы христиан победить и предать их мечу. И этот идол у тех безбожников особо чтимый и прославленный, а приносят ему многочисленные дары из дальних городков и улусов. И вот те безбожники каждый день совершали жертвоприношения и молились ему. Казаки как-то раз выстрелили из пушки и дерево то, под которым стоял басурманский идол, раздробили на мелкие куски, а кумира их сокрушили.

И, увидев это, нечестивые агаряне испугались. Не имея никакого понятия о тяжелом огнестрельном оружии, они думали, что кто-то могучий из мощного лука выстрелил. А некоторые из них говорили друг другу: «Сильны русские войны в стрельбе, ведь такое огромное дерево раздробили и бога нашего сокрушили». И вскоре те нечестивые отошли от городка прочь и больше к нему уже не приходили.

Глава 34.

О третьем приходе государевых воевод — Данилы Чулкова с русским отрядом — из Москвы в Сибирь

По прошествии какого-то времени благочестивый государь царь и великий князь всея России Федор Иоаннович послал из Москвы своих государевых воевод — Данилу Чулкова с большим отрядом и с тяжелым огнестрельным оружием. Когда услышали об их приходе в Сибирь басурманские народы, то татары, испугавшись этого, убежали из города Тобольска в те места, где раньше жили, по своим улусам, город же Тобольск покинули.

Воевода же Данила Чулков подошел к городу и подумал, что нечестивые в городе спрятались и желают им причинить большое зло. И, придя к воротам, отворив их и оглядевшись, вошли в город, радуясь и славя святую Троицу. И стали в городе Тобольске жить и радоваться.

А через какое-то время возвратился и тот воевода Иван Мансуров с атаманом Матвеем Мещеряком вмес-

ми людьми и казаки. И начаша оба воеводы, и атаман, и казаки во граде жити и атамана Ермака с ево предоброю дружиною, кои с ним пострадаша в Сибирстей земли и тое страну очистивше и царя Кучюма победиша, и прегордых варвар укротиша, начаша поминати, яко же и прочих православных христиан, подвизавшихся по вере.

Глава 35.

О приходе князя Сейдяка Бекбулатова сына войною под город Тоболеск лестию со многими людьми воинскими

По мале же времени ненавидяй добра враг, диавол всея в сердце такову злу мысль богоненавистным поганцом бесурманским. Князь Сейдяк Бекбулатов сын да остяцкой князь, и с ними многое собрание татар, и остяков, и вогуличь, совокупишася вместе и умыслиша лестию, и пришедше под град Тоболеск со множеством силы своея, хотяще его взяти и людей в нем побити, рекуще тако: «Да не будут в нашей земли селиться русии люди!»

И государевым воеводам сказаша, что они, окаяннии, пришли для торгу и хотят с ними торговать. Сия же вся лютии они звероядцы глаголаху с лестию. И приидоша не з большими людьми, а войско оставиша вскрыте, и торговаша с рускими людьми за градом день.

Вложи же Богъ руским воеводам мысль сицеву, яко до сотворят пир и тех бесурманских князей да зовут на обед, якобы о миру и о укреплении договариватись. Еже замыслиша, тако и сотвориша, и звавшие их.

Князи же, они много думавше и глаголаша в себе: «Яко рустии людие имеют закон правыя веры, и они нам не учинят никакого зла, звав нас к себе на обед». И посоветовав, поидоша во град со многими и со оруженными людьми.

Воеводы же повелеша их во град пустити не со многими людьми, да и тех без оружия, а оружие повелеша им сложити вне града, глаголюще яко: «Мы вас не на битву зовем, но на честь и на покой и о умирении глаголати». Князи же повериша им и поидоша тако.

И пришедше в дом воеводы Данило Чюлкова, седоша за столы по обычаю, и начаша ясти, и пити, и веселиться, и многи речи о умирении меж собою глаголаша,

те с воинским отрядом и казаками. И начали оба воеводы, и атаманы, и казаки в городе жить, и атамана Ермака с его благочестивыми соратниками, которые с ним погибли в Сибирской земле, а страну ту освободили и царя Кучума победили, и жестоких варваров усмирили, стали почитать, как и прочих православных христиан, пострадавших за веру.

Глава 35. О приходе князя Сейдяка Бекбулатова сына с большим войском для захвата обманом города Тобольска

Прошло немного времени, и дьявол, ненавидящий добра враг, посеял в душу ненавистных Богу нечестивых басурман такой коварный замысел. Князь Сейдяк Бекбулатов сын да остяцкий князь, а с ними огромное войско татар, остяков и вогулов, собравшись вместе, замыслили обман и пришли большой силой к городу Тобольску, желая его захватить, а людей в нем перебить, говоря так: «Да не будут на нашей земле поселяться русские люди».

А государевым воеводам сказали, что они, вероломные, пришли для заключения сделки, так как хотят с ними торговать. Но это те кровожадные звери говорили, обманывая. И оставив войско в укрытии, торговали с русскими людьми за городом целый день.

И вложил Бог русским воеводам такую мысль: да устроят пир и тех басурманских князей да пригласят к обеду, якобы о мире и помощи договариваться. Как задумали, так и сделали, и пригласили их.

Князя же те долго раздумывали и сказали один другому так: «Русские люди подчиняются закону правой веры, и нам они не причинят никакого вреда, позвав нас к себе на обед». И, посоветовавшись, пошли в город со многими и вооруженными людьми.

Воеводы же приказали их в город пропустить с небольшим отрядом, да и тех без оружия, а оружие приказали им положить вне города, говоря так: «Ведь мы вас не на бой вызываем, но на чествование и отдых, да на разговор о мирном договоре». Князя же поверили им и пошли так (без оружия).

И пришли в дом к воеводе Даниле Чулкову, сели за столы по обычаю и начали есть, и пить, и веселиться.

како бы им между собою мирно жити и не воевать друг на друга. И по ядении восташа от трапезы, благодаривше Бога, напिताвшаго их.

По сем рекоша воеводы князем яко: «У нас в Московском государстве обычай содержитца сие: по ядении брашна, воставше от трапезы, бывает заздравная чаша преж всех про многолетное здравие государя царя и великаго князя Феодора Иоанновича всеа Росии, потом за князей и за бояр и за прочих, хто про чье здравие хочет пити, про того и пьют. Тако же и мы zde учиним по вышереченному словеси, а потом и вы, яко же хотите за кого».

И взяв Данило Чюлков чашу с питием и подняв, рече тако: «Князю Сейдяк и Етигеру Бекбулатов сын и прочии, иже с вами суть! Аще вы на уме своем никакого зла не мыслите на государя царя и великаго князя Феодора Иоанновича и на его весь царский сигклит, на князей, и на бояр, и на атаманов, и казаков, и на всех православных христиан, и государю царю не изменити ни в чем, ни его государевым бояром никакова зла не учинити, то первый сию заздравную чашу да пьет!» Князь же Сейдяк повеле прежде пити самому воеводе Данилу Чюлкову, глаголя яко: «Та чаша за твоего государя, тебе подобает преж и пити», Данило же, испив чашу про царское здравие, и благодари Бога.

По сем приим Данило вторую чашу и даст ю пити князю Сейдяку, то же слово прирек. Князь же Сейдяк приим чашу, и нача пити, и поперхнув у него в гортани. Також и Етигер — нача пити, поперхнув; подобне и Бекбулат — обличаше бо Богъ злое их намерение, яже крыяху в сердцах своем.

Воевода же Иван Мансуров помаав рукою казаком, они же начаша людей их хватати. Сами же они, князи, бегающе в горницах по-за столу семо и овамо и хотяху во окошкѣ выброситца, но не получиша, и нужно уловлены быша вси трое.

Атаман же Матфей Мещеряк вышел за град з дружиною своею и со всем войском и начаша татар побивати. И многих побиша, а иных живых яша, прочии же бегству яшася и в станы своя прибегоша. Рустии же воины до станов их за ними гнаша секуще. Они же оставше и станы своя, и все богатство покинуша в станех, и сами едва утекоша. И на сем бою великий атаман Матфей Ме-

И всякие предложения о мирном договоре друг другу сделали, чтобы им между собой мирно жить и не воевать друг с другом. И после еды встали из-за стола, благодаря Бога, напिताвшего их.

Потом сказали воеводы князьям так: «У нас в Московском государстве имеется обычай: к концу обеда, когда встают из-за стола, поднимается заздравная чаша прежде всего за долголетие государя царя и великого князя всея России Федора Ивановича, потом за князей и за бояр и за остальных, кто за чье здоровье захочет выпить, за то и пьют. Вот так и мы сейчас делаем по названному выше обычаю, а потом и вы, за кого только захотите».

И взял Данила Чулков чашу с питием и подняв (ее), сказал так: «Князь Сейдяк <...> Бекбулатов сын и остальные, которые с вами! Если вы в сердце своем никакого зла не держите на государя царя и великого князя всея России Федора Ивановича, и на весь его царский совет, на князей, и бояр, и на атаманов, и казаков, и на всех православных христиан, и государю царю не (думаете) изменить, а его государевым боярам никакого вреда не (мыслите) причинить, то старший эту заздравную чашу пусть выпьет!» Но князь Сейдяк велел прежде выпить самому воеводе Даниле Чулкову, говоря так: «Эта чаша за твоего государя, тебе и подобает первому пить». Данила же выпил чашу за здоровье царя, возблагодарил Бога.

После этого Данила взял вторую чашу и дал ее испить князю Сейдяку, проговорив то же самое. Князь Сейдяк принял чашу и начал пить, и запершило у него в горле. Также и Едигер, начав пить, поперхнулся, подобно (ему) и Бекбулат — то Бог обличал их злое намерение, что скрывали в сердце своем.

Воевода же Иван Мансуров подал казакам знак рукой, те и начали их людей хватать. А сами князья, бегая по горнице вдоль стола туда и сюда, хотели в окна выбраться, но не удалось, и силой все трое пойманы были.

Атаман же Матвей Мещеряк вышел за город со своей дружиной и со всем войском и начал татар преследовать. И одних убили, а других живыми захватили, все остальные бросились бежать и в лагерь свой прибежали. Русские же воины до их лагеря гнались за ними, нанося удары. Те же, бросив лагерь свой, все имущество оставили в лагере, а сами насилу ускакали.

щеряк убиен бысть, а прочии казацы и вси возвратишася во град Тоболеск, и начаша жити и веселиться со всеми ту сущими людьми вкупе.

И от того времени сия Сибирская страна распространися, и на всех окаянных бесурманех бысть страх велий, и все татаровя и прочии языцы, ближнии и далнии, вотяки и остяки, и вогуличи, не смеяху ко граду Тоболску войною приходити — бысть бо на них страх и ужас велий.

Глава 36.
О устроении городков и острожков
во всей Сибирстей земли
и о создании святых Божиих церквей

По повелению прежде бывшего государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Росии и по нём сына его, государя царя и великаго князя Феодора Иоанновича всеа Росии, начашася в Сибирстей земли города и острожки ставити и великия места распространяться, и святые Божия церкви воздвизаться, и православная христианская вера вкореняться, и евангелския проповеди учение во вся концы Сибирския земли обтицати, и псаломская красногласования на многих местех воспевахуся. И многия грады и остроги на многих местех поставиша: господу Богу в сем деле поспешествующу и слово утверждающе.

Видевше же сие вси невернии, яко покори их господь Богъ под нозе православных царей и подклонени быша под их царскую высокую руку, мнози невернии языцы покоришася и оставше свою богомерскую бесурманскую веру и нечестивыя и поганые боги и идолы, приходяху во святое крещение с женами и з детьми и приимаху печать дара Духа Святаго. И живяху в православной христианской вере, и государю царю служяху верно и неизменно, и на нечестивыя бесурманы вкупе помогающе, и сами государю всегда дань дающе.

Но в том бою великий атаман Матвей Мещеряк был убит, а прочие казаки все возвратились в город Тобольск и стали жить и радоваться вместе со всеми находящимися здесь людьми.

С этого времени Сибирская земля распространилась, и все нечестивые басурмане пребывали в страхе великом, и все татары и другие народы, ближние и дальние, вотяки, остяки и вогулы не смели на город Тобольск совершать набеги — ведь жили в них страх и трепет великий.

Глава 36. О строительстве крепостей и острожков по всей Сибирской земле и о воздвижении святых Божиих церквей

По повелению прежнего государя царя и великого князя всея России Ивана Васильевича, а вслед за ним его сына, государя царя и великого князя всея России Федора Иоанновича, начали в Сибирской стране города и острожки возводиться, а великие земли расширяться, и святые Божие церкви воздвигаться, и православная христианская вера укореняться, и проповедь евангельского слова во все концы сибирской земли распространяться, и псаломские славословия повсюду возноситься. И многочисленные города и остроги в различных местах были созданы: Господь Бог в том деле подает помощь и истину утверждает.

Когда увидели все неверные, что положены они Господом Богом в подножие ног православных царей и отданы в их высокую царскую руку, то многие нечестивые племена покорились и, отказавшись от своей нечестивой басурманской веры и нечестивых и мерзких богов и идолов, приняли святое крещение с женами и с детьми и ощутили печать благодати Духа Святого. И пребывали в православной христианской вере, и государю царю служили преданно и надежно, против нечестивых баеурман все выступали, а сами государю всегда подати платили.

Глава 37.
О ясашном зборе:
како по всей Сибирстей стране
начася ясак збирати

По взятии и по очищении всеа Сибирския земли, и по умирении бесурманскаго их языка, и по укрочении нечестиваго царя Кучюма и думчаго его Карачи, и по покорении всех нечестивых поганных татар, вотяков, остяков, вогуличь и иных многих бесурманских язык, прилежащих в тех странах, тех всех по их вере воеводы Иван Мансуров да Данило Чюлков к шерти их привели и аманатов у них взяли в том, что им впредь на него, государя царя, и на его государевы сибирския и пермския города войною не ходить ни самим, ни детей, ни внучат своих не посылать, и никакими делы войны не всчинать, и во всем ему, государю царю, править и радеть, и ясак давати без перемены по вся годы. Каков им государев ясак в мочь будет, и тот ясак посылати к Моёкве, в Новгородцкую четверть своими людьми.

И потом повелением государя царя и великого князя Феодора Ивановича всеа России с тоя Сибирския земли, с ясачных людей — с татар, остяков, вотяков, вогуличь, по всем острожкам и по улусом, где те погании языцы живяху, в разных местех — в Чердыни, и на Уфе, и на Верх Туры, и по иным городом и улусом, по великим рекам, и по озерам, и по малым заполным речкам начаша ясак збирати неизменно.

Изложена же сия история о взятии Сибирския земли, и о поставлении градов и острогов, и о походе и ратоборстве в сем деле атаманов и казаков Ермака Тимофеева с товарищи, и о победе царя Кучюма, и о взятии сына его Маметкула и иных многих князей и мурз. И конечно о совершенном покорении и владении тоя Сибирския земли во славу святыя Троицы, Отца, и Сына, и Святаго Духа, в похваление же и честь благочестивых государей царей — их же молитвами и счастьем сие бесурманское великое царство покориша, в помяновение же храбрства крепкаго и велеумнаго атамана Ермака Тимофеева с товарищи, тако же и государевых воевод со прочими вси! Показанное мужество да незабвено будет!

Глава 37.
О сборе ясака:
как по всей Сибирской земле
стал собираться ясак

После завоевания и просвещения всей Сибирской земли и заключения мира с теми басурманскими народами и после обуздания нечестивого царя Кучума и его думного боярина Карачи и покорения всех нечестивых язычников: татар, вотяков, остяков, вогулов и других многих басурманских народов, живущих в тех землях, воевода Иван Мансуров да Данила Чулков к присяге всех тех, как положено по их вере, привели и заложников у них взяли для того, чтобы они впредь на него, государя царя, и на его государевы сибирские и пермские города не нападали ни сами, ни детей, ни внуков не посылали, и ни по какой причине войны не развязывали, и во всем держали сторону его, государя царя, и проявляли усердие, и ясак платили не поочередно, а все время. Какой им государев ясак посилен будет, такой и посылать в Москву в Новгородскую четверть со своими людьми.

А после по повелению государя царя и великого князя всея России Федора Ивановича с ясачных людей той Сибирской земли — татар, остяков, вотяков, вогулов — по всем крепостям и улусам, в которых те язычники жили, в различных местах — в Чердыни, и по Уфе, и в верховьях Туры, и разных крепостях и улусах по великим рекам и по озерам, и по мелким степным речкам, — стали собирать ясак неизменно.

А написана эта повесть о взятии Сибирского царства, и о создании городов и острогов, и о походе, и ратных подвигах в этом походе атаманов и казаков, Ермака Тимофеева с соратниками, о победе над царем Кучумом, о захвате сына его Маметкула и прочих многих князей и мурз, и наконец, об окончательном покорении и подчинении того Сибирского царства во славу святой Троицы — Отца, и Сына, и Святого Духа, в похвалу и в честь благочестивых государей царей — ведь их молитвами и счастьем это басурманское великое царство покорилося, — в память о доблести сильного и мудрого атамана Ермака Тимофеева с соратниками, а также государевых воевод со всеми прочими! Проявленное мужество да незабвенно будет!

Диптиха храбрым ратоборцом Ермаку Тимофееву с товарищи

Помянем же, братие, предобраго и храбраго оруженосца, дивнаго, и мудраго, и изряднаго ратоборца Ермака Тимофеева Поволского, атамана казачья, со предивною, и храброю, и единомысленою дружиною, и воздадим ему дивную хвалу! Како его Господь Бог прослави и толикими чудесы удиви и превознесе, и хвалу ему воздаде, яко токмо 330 человек? Како бо сии забыша всего суетнаго сего света маловременное житие, богатство, и честь, и славу, и друзи ни во что же вмениша и маловременную <...>, и суетную, и тщую славу отринуша, но токмо едино возлюбиша, како угодити Господу Богу и государю царю послужити, и головы своя положити за святорускую землю, и за святые Божия церкви, и за государя царя, и за православную христианскую веру! И утвердишася вси умы своими крепко, и ожесточишася сердца своими непоколебимо, очи свои убыстриша — не возвратно зрети к своим недругом, нозе свои ускорилиша — быстро тещи в правый путь свой, руце свои утвердилиша — крепко правых оружие держати непоколебимо и твердо <...> и вспять не озиратися, и лица своего от недруга не отвращати, и ни в чем ему не спускати и не норовити! Не даша бо храбрии себе ни мало покоя, ни уму своему от мысли отдохновения, ни сердцу своему от ярости умягчения, ни очима своим дремания, ни рукам своим упокоения, ни ногам своим от путнаго шествия мало опочивания! Яко всяко таковии храбрии воины страдаша! Не даша бо плещи своя на раны от многих стрелных частых вержений, и от копейных поражений, не вздохнуша, ниже уныша, ниже поропташа, но токмо на Господа Бога уповаша и пречистую его Богоматерь и всех святых в помощь себе призываху, глаголюще яко: «Вы, Божии угодницы, помолитесь и помогите нам на неверных и покорите нам непокоривых, и усмирите враги наша, и укротите их, неукротимых, да будут они ни ким же гоними: не от множества бо воинов победа бывает, но от Бога свыше».

И тако сии вси храбрии воины избиени быша, а Сибирскую землю очистиша, и место распространиша, и живота своего не пощадиша, и вечныя себе хвалы и славы уллучиша, и от Господа Бога нетленные венцы сами себе испросивше, и в нынешний век и в будущий достойныя славы и великия почести сами себе и своему ро-

Диптих храбрых ратоборцев Ермака Тимофеева с соратниками

Помянем же, собратья, мужественного и доблестного воина-защитника, знаменитого, искусного и достойного бойца Ермака Тимофеева Повольского, атамана казачьего, с прославленной, и доблестной, и единомышленной дружиной и воздадим ему достойную хвалу! Как его Господь Бог прославил, и столькими небывалыми делами украсил, и возвысил, и славой наградил, равно как и 330 человек. Когда они отринули всего нашего суетного мира недолговечное бытие, богатством, почестями, и славой, и друзьями пренебрегли, недолговечную <...> суетную и пустую славу отвергли, то только одного желали — как-то угодить Господу Богу и государю царю послужить, а головы свои сложить за святорусскую землю, и за святые Божие церкви, и за государя царя, и за православную христианскую веру! И все твердо уверились в намерении своем: ожесточили сердца свои в непреклонности, зрение свое изострили неотступно следить за своими недругами, ноги свои заторопили быстрее выйти на свой правый путь, рукам своим придали твердость — оружие праведников держать непоколебимо и решительно, не оглядываться <...> и лица своего от недруга не прятать, ни в чем ему не давать воли и не уступать! Не дали храбрецы ни в чем себе покоя: ни уму своему от помыслов отдохнуть, ни сердцу своему потерять мужества, ни очам своим пребывать в бездействии, ни рукам успокоиться, ни ногам своим немного отдохнуть от похода! Так что всякое те храбрые воины претерпели! Не обратились в бегство от большого числа летящих стрел и от ударов копий, не посетовали, и не опечалились, и не зароптали, но только на Господа Бога уповали и пречистую его Богоматерь, а всех святых на помощь себе призывали, говоря так: «Вы, Божие угодники, помолитесь, и помогите нам против нечестивых, и подчините нам непокорных, и уймите врагов наших, и укротите этих неукротимых, да побегут они никем не преследуемы: не от многих воинов победа бывает, но от Бога свыше!»

И так все эти храбрецы погибли, а царство Сибирское освободили, и границы раздвинули, и жизни своей не пощадили, и вечную честь и славу заслужили, а у Господа Бога нетленные венцы себе испросили, и в нынешнем веке и в будущем достойную славу и великую-

ду достигосте, и по душах своих поминок устройша. И вечная память в предидущия роды родов, доколе благоволит Богъ вселенней стояти, не оскудеет, и слава их от преписующих, и отъсказующих, и от послушающих не минется такова мужа храбра и воина изрядна со предивною и со единомысленою его дружиною.

И паки глаголюще, рцем: «Ермаку Тимофеевичю вечный покой и с его товарищи, с волскими атаманы, и казаки, и со прочими воины, которых посылали из своих городков государевы честные мужи Семен, и Максим, и Никита Строгановы своих домашних и приборных наемных двести десять человек! И всех их в том ратоборстве обще бысть 540 человек. И кто не удивится, и кто не прославит богатодавца, всещедрого Бога, давшего толикими малыми числом воины победу на поганых супостат и такое великое царство и пространную и богатую землю покорить и прегордых зверообразных людей в ней усмирить.

Такова, братие, сия дивная повесть написана во славу Божию, а в пользу чтущим, состаревшимся людям на послушание, а младым людям в научение и поощрение, а глаголющим многого разума на внимание, воином на храбрость.

А древним — на память.

Тем же и паки рцем: Ермаку Тимофеевичю вечная память и вечный покой да будет! Аминь.

О первом архиепископе во граде Тоболске и о уставлении по казаках вечного помяновения

В лето 7129-го бысть в Сибири, во граде Тоболске, первый архиепископ Киприан и, правя престол Сибирския митрополии, нача църкви Божия строити и монастыри сооружати, яко же лепо во славословие Божие. И той нача спрашивать ведущих людей и помнящих про тех волских атаманов и казаков Ермака Тимофеева с товарищи — откуда и како в Сибирь приидоша и како свободными ногами по всей Сибирстей земли хождаху, и крепкое ратоборство и победу творяху; и где которые, и на котором бою, и с коим атаманом, и хто именем избити быша.

И уздав про то все подлинно, повеле сочинити синодик, и имена их со просими православными христианы

честь себе и своему роду получили, а душам своим поминавание обеспечили. И не оскудеет вечная память в будущих поколениях, пока по благоволению Бога стоит вселенная. И слава такого мужа доблестного и воина праведного, и его прославленной и единой души дружины, у переписывающих, и у пересказывающих, и у слушающих не исчезнет.

И, снова повторяя, возгласим: «Ермаку Тимофеевичу с его соратниками, с волжскими атаманами, и казаками и с прочими воинами, которых посылали из своих городков государевы знатные мужи Семен, и Максим, и Никита Строгановы — местных жителей и пришлых наемных двести десять человек, — вечный покой! А всего их на том ратоборстве было 540 человек. Кто же не удивится, кто же не восславит щедрого дарителя, всемилостивого Бога, даровавшего такому малому отряду победить нечестивых супостатов и такое огромное царство, и привольную и богатую землю покорить, а гордых свирепых людей в ней усмирить.

Так, собратья, закончилась эта удивительная история во славу Божию, а читающим — на пользу: составившимся людям — на смирение, молодым людям для просвещения и поощрения, высказывающим благоразумие — для размышления, воинам — на подвиг.

О древних — в память!

Вслед за этим снова возгласим: «Ермаку Тимофеевичу вечная память и вечный покой да будут!» Амины!

О первом архиепископе в городе Тобольске и об установлении вечного поминовения казаков

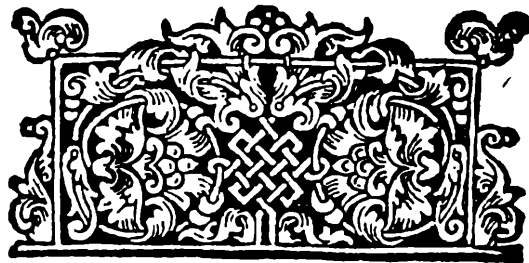
В 1621 году появился в Сибири, в городе Тобольске, первый архиепископ Киприан и, управляя престолом Сибирской митрополии, начал церкви Божие строить и монастыри сооружать, как и подобает во славу Божию. Он то и начал расспрашивать знающих людей, не забывших о тех волжских атаманах и казаках, Ермаке Тимофееве с соратниками, — откуда и как в Сибирь пришли и как вольной поступью всю Сибирскую землю прошли, мужественно сражались и побеждали, и где какие, и в каком из боев, и с каким атаманом, и кто поименно убиты были.

И, узнав обо всем доподлинно, приказал создать синодик и имена их с другими православными христи-

и пострадавшими за святых Божия церкви в тот синодик
вписать и во святых жертвоприношениях во вся уречен-
ные времена поминати неизменно, тако же и во святой
Великий пост, в неделю православия, в соборной апо-
столстей церкви по Чину: по помяновении и кликании
вечных памяти благочестивых царей, и великих князей,
и святейших патриархов, преосвященных митрополитов,
и архиепископов, и епископов, и всего освященного собо-
ра, князей, и бояр, и всего христолюбиваго воинства, и
сему храброму воину, Ермаку Тимофееву с товарищи,
повеле архидиакону возглашати на амвоне вечную па-
мять.

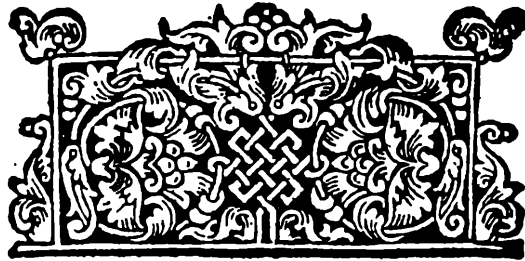
Тем же и мы рцем: да будет им во Христе вечная
память, вечная память, вечная память!

Конец списанию и Богу слава. Аминь.

анами, пострадавшими за святую Божию христианскую веру, в тот синодик вписать без отступления, также и в святой Великий пост, в неделю Православия, в соборной и апостольской церкви по Чину, после поминовения благочестивых царей, и великих князей, и святейших патриархов, преосвященных митрополитов, и архиепископов, и епископов, и всего священного собора, князей, и бояр, и всего христолюбивого воинства и провозглашения (им) вечной памяти, и тому храброму воину, Ермаку Тимофееву и с соратниками, указал архидьякону возглашать на амвоне вечную память.

Вслед за этим и мы возгласим: да будет им во Христе вечная память, вечная память, вечная памяти!
Конец списку и Богу слава. Аминь.

СТРОГАНОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Строгановская летопись публикуется в пространной редакции по списку ОР ГПБ, Q. IV.82, третьей четверти XVII в. из сборника сибирских материалов, содержащего, кроме Строгановской летописи, Есиповскую и «Историю о Хинском царстве». Погрешности издаваемого списка исправляются по сборнику ЛОИИ, Арх. 70, идентичному по составу произведений с Q.IV.82.

С. 108 *...государя царя и великаго князя Ивана Васильевича... счастьем... Ермака Тимофеева... досужеством...*— Строгановская летопись приписывает инициативу похода не Ивану Грозному и тем более не атаману Ермаку, а именитым купцам Строгановым. См. также комм. к с. 12.

...именитых людей Якова, Григория и Никиты Строгановых...— Яков и Григорий Строгановы, а также не названный здесь Семен были детьми знаменитого сольвычегодского солепромышленника Аники Строганова (1497—1570). Яков и Григорий вместе с отцом были приняты по грамоте от 16 августа 1566 г. в опричный удел Ивана Грозного: «И нам бы вас пожаловать, те городки Канкор и Кергедань и промыслы ваши, варницы и рыбные ловли и звериные, взять к себе в опричину, а в земском бы тем городкам и промыслу вашему не быти» (ДАИ.— Т. 1.— № 172, 1566 г.). Ко времени похода Ермака ни Якова (умер в 1577 г.), ни Григория (умер в 1578 г.) уже не было в живых. С событиями похода связаны Семен Аникиевич и его племянники: сын Якова Максим, сын Григория Никита. Подробнее о них см.: Введенский А. А. Торговый дом Строгановых в XVI—XVII вв.— М., 1962.

...Кучюма царя Муртазелеева...— Сибирский хан Кучум. См. комм. к с. 10.

...сына его Маметкула...— В действительности Маметкул был племянником царя Кучума. См. комм. к с. 12.

...како нарицашеся страна Сибирская...— В литературе XVII в. существовало несколько версий названия Сибирь; в данном издании они представлены Румянцевским летописцем (с. 10—11). Публикуемая Строгановская летопись пространной редакции отсылает читателей к Есиповской летописи, которая в этом вопросе совпадает с Румянцевским летописцем.

...приходят войною в его, государеву, землю... Пермь...— В XIII—XVII вв. область от рек Печоры и Камы до Уральского хребта имела древнерусское название Пермь (делилась на Великую и Малую), присоединена к Русскому государству при Иване III в 1478 г. С этого времени пермяки участвовали в походах

московских воевод на югру и вогулов, одновременно и с их стороны подвергаясь опустошительным набегам. Наиболее жестокое нападение на Пермь Великую сибирских, сылвенских и иренских татар, выступивших в союзе с остяками, вогуличами и башкирами, произошло в 1581 г.

С. 110 *...роспросити... ведущих людей про ту страну Сибирскую... и от всякими их вымыслы оберегати...*—Получившие достаточную остроту в 1572—1574 гг. отношения с бывшим «данником» Ивана Грозного Кучумом привели уже в августе 1572 г. к появлению царской грамоты, разрешающей собрать ополчение из местных жителей; в ополчение разрешалось включать «охочих казаков, сколько приберетца». Полномочия Якова и Григория Строгановых по охране восточных границ были достаточно широки. Грамота предоставляла Строгановым право наряду с обороной восточных границ предпринимать наступательные действия «на сибирского... (царя)... збирая охочих людей, и остяков, и вогулич, и югрич, и самоедь, с своими наемными казаки... посылати воевати... и в дань... приводити» (Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь.— С. 22). См. также комм. к с. 12.

...от сибирских татар...—Татары — основная народность, заселявшая в XVI в. Сибирь. См. комм. к с. 8.

...от вогуличь...—Народ, обитающий в низовьях Оби; современное название — манси. См. комм. к с. 8.

...от остяков...—Северный народ, соседствующий с манси; современное название — ханты. В XV—XVII вв. жили на нижнем течении Оби от устья р. Васюган, на восточных и на ряде западных притоках Нижней Оби, в низовьях Иртыша, на Среднем Урале, в том числе — и на западных склонах Уральских гор, захватывая верховья Печоры и притоки Камы. Основное занятие остяков — рыболовство, но в низовьях Оби занимались и разведением оленей. См. также комм. к с. 10.

...от башкирцов...—В XVI в. Сибирскому ханству были подчинены только зауральские башкиры; западные районы входили в состав Казанского ханства; большая же часть Башкирии принадлежала Ногайской орде.

О поставлении... Канкора городка...—Первый строгановский городок на Каме, построенный в 1558 г. при впадении в Каму р. Пыскорки. Позже, в 1570 г., Строгановы построили здесь Спасо-Преображенский Пыскорский монастырь, во владение которому был отдан и здешний соляной промысел; первоначальное наименование городка, вытесняемое названием монастыря, стало забываться. Однако месторождение медной руды на Григоровой горе возле Пыскорского монастыря осталось за Строгановыми.

...с усть Лысьвы реки...—Левый приток р. Чусовой.

...вниз Пызновской курьи...—Курья — старое русло или залив реки. Часто его перегораживали специально для рыбной ловли.

...ему, Григорью, волно к себе называти всяких охочих волных... людей...—Жалованными грамотами 1558—1574 гг. царь Иван Грозный разрешил Строгановым привлекать на пустующие прикамские государевы земли крестьян с правом самостоятельного хозяйствования на своих наделах с освобождением от разных податей и повинностей на протяжении 20 лет.

...тяглых людей...— На Руси так назывались крестьяне и посадские люди, обложенные государственными повинностями.

...грамота государева...— Текст жалованной грамоты 1558 г. царя Ивана Васильевича Григорию Строганову «на места пустые» известна по более позднему списку, изданному в кн.: ДАИ.— Спб., 1846.— Т. 1.— С. 168—170. Грамота опубликована также в приложении к труду Г. Ф. Миллера «История Сибири».— Т. 1.— С. 332—335.

...дьяка Петра (Данилова)...— Петр Данилович Дементьев, дьяк Приказа Большой казны, известен по документам с 1551—1552 гг.; последние сведения о его дьячестве падают именно на 1558 г. (Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв.— М. 1975.— С. 145).

...околничей Федор Иванович Умной...— Опричник Ивана Грозного, выходец из родовитой семьи Колычевых (из нее же происходил митрополит московский Филипп). В эпоху опричного террора Федор Умной был очень близким царю человеком. Умер в 1567 г.

...Алексей Федорович Адашев...— Дворянин, царский фаворит; попал в опалу в 1563 г.

...казначей Федор Иванович Сукин...— Впоследствии боярин. Его племянник Василий Борисович Сукин был одним из первых сибирских воевод.

...Хозяин Юрьевич Тютин...— Второй казначей Казенного приказа с 1554 г. Андрей Курбский, упоминая его среди казенных царем Иваном Грозным, считает его «грецка роду». Погиб не ранее 1566 г.

...дьяк Третьяк Карачаров...— Третьяк Митрофанович Карачаров известен по историческим документам с 1539—1540 гг. Его отец, дьяк великого князя Ивана III, возглавлял посольство в Италию в 1499 г. для приглашения иноземных мастеров.

С. 112 О поставлении... городка на Орловском мысу, зовомый Кергеден...— Г. Ф. Миллер указывает, что и раньше место, на котором построен новый городок, называлось Орел, а название «Кергеден» известно только из жалованных грамот Строгановым (см.: Миллер Г. Ф. История Сибири.— Т. 1.— С. 212—213). После передачи Спасо-Преображенскому Пыскорскому монастырю первого своего городка на Каме (см. комм. к с. 110) Строгановы избрали городок Орел местом своего пребывания. Кроме соляного промысла, в Кергедене занимались изготовлением огнестрельного оружия—здесь, по свидетельству историка А. А. Дмитриева, была изготовлена затинная пищаль с надписью славянской вязью: «В граде Кергегане на реце Каме дарю я, Максим Яковлев сын Строганов, атаману Ермаку лета 7090 (1582)» (Дмитриев А. А. Роль Строгановых в покорении Сибири//Журнал Министерства народного просвещения.— 1894.— № 1.— С. 32—33). Однако другой историк А. А. Введенский, специально занимавшийся в 20—40-х годах розыском этой пищали в различных музейных собраниях, в том числе в бывшем дворце Строгановых в Петербурге, обнаружить ее не мог (Введенский А. А. Торговый дом Строгановых в XVI—XVII вв.— С. 96—97).

...место на Орловском наволоке...— Орел-городок поставлен на правом берегу Камы. Наволока—заливной луг, пойменный берег реки.

...сажен печатных по 30...— Более 60 м (сажень — 2,1336 м). В 1556 г. по царскому указу изготовлялись образцовые меры, которые клеймились казенной печатью и назывались «печатными».

...приступную стачу...— Укрепленная городовая стена, более других подверженная нападению («приступу») со стороны противника.

...снаряд скорострелной...— Приспособления для ведения частого артиллерийского огня. Для воспламенения заряда использовалась корпия — надерганная вата.

...пищали затинные...— Пищаль — малое артиллерийское орудие, небольшая пушка. Пищаль затинная — малая пушка, находящаяся за крепостной стеной («за тыном»).

...ручницы...— Ручные пищали.

...незаписным мастером...— Вольным мастеровым людям.

...дьяка Юрья Башанина...— Юрий Семенович Башенин был дьяком в государевом походе в 1556 г.; в 1558—1559 гг. дьяк в Москве, в 1562 г. — дьяк в Полоцком походе. Отошел от дел не позднее 1569 г.

...припись Сени Непеина...— Вероятно, здесь имеется в виду подьячий с приписью (с правом подписывать документы), сын дьяка Осипа Григорьева Непеи.

...припись Козмы Романцова...— Подьячий с приписью.

...казначей Никита Афанасьевич Фуников...— Курцев Никита Афанасьевич Фуников известен по документам с конца 30-х годов XVI в. Был казнен в 1570 г.

...дьяка Ивана Булгакова...— Дьяк Иван Корнев Булгаков известен с 1557 г.; был дьяком на Земском соборе в 1566 г.

...своею государевою жалованною грамотою...— Текст этой грамоты опубликован в труде Г. Ф. Миллера. Здесь грамота интерпретирована очень вольно, в пользу экспансионистских интересов Строгановых — без упоминания некоторых ограничений, изложенных в ней (принимать только «неписьменных и нетяглых людей», не причинять «нашей казне... убытка» и т. п.). См.: Миллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 1. — С. 332—335.

О поставлении Чусовских городков.— Верхний и Нижний Чусовские городки расположены в нижнем течении р. Чусовой, левого притока Камы. Ко времени описываемых событий (вторая половина XVI в.) владения Строгановых простирались на восток до среднего течения Чусовой.

С. 114 *...затинщиков...*— Воины, находящиеся при обороне внутри городского вала, стены — «за тыном».

...воротников...— Воинский отряд, несущий караул у ворот крепости.

...дьяка Дружины Володимерова...— Дьяк в опричнине с 1567 г.; позднее был дьяком Разбойной избы вместе с Борисом Ивановичем Сукиным, отцом одного из первых сибирских воевод (см. комм. к с. 110).

О поставлении городков Сылвинского и Яйвинского...— Река Сылва — левый приток Чусовой, впадающий в нее ниже Чусовских городков, вблизи чусовского устья. Река Яйва — левый приток Камы, против ее устья Строгановыми был поставлен Орел-городок (Кергедан). — См. также комм. к с. 112.

...сылвинских и иренских татар, и остяков...— Татары и вогулы, жившие по берегам р. Сылвы и ее левого притока р. Ирень, впадающей возле г. Кунгура.

...чюсовских, и яйвинских, и инвинских, и косвинских вогуличь...— Р. Яйва — левый приток Камы, впадает в нее возле Орла-городка. Косьва — левый приток Камы. Место расселения инвинских вогулов установить не удалось.

...ваташиков...— Ватага — отряд, походный строй у казаков.

...черемиса...— Старинное название марийцев.

...буинцов...— Вероятно, здесь имеются в виду татары, жившие на правом берегу р. Волги, ниже Казани, в районе нынешнего г. Буинска.

С. 116 *...дьяка Кирея Горина...*— Кирей Федорович Горин в 1572 г. был дьяком Приказа Казанского дворца, в ведении которого находились Пермские земли, а затем и Сибирь (до образования Сибирского приказа).

...аманатов у них поймав...— Аманаты — знатные заложники, бравшиеся для гарантии верности всего народа.

...на память святого пророка Или...— Ильин день по новому стилю приходится на 2 августа.

...мурзами...— Мурзы у татар — низшее дворянство.

...уланами...— Уланы у татар — воины, составлявшие конный конвой хана, как правило — члены ханской семьи. Позже уланами стали называть не только в России, но и в Европе воинов легкой конницы.

...посланника государева Третьяка Чебукова...— Василий Третьяк Чебуков — служилый человек, сын боярский, еще в 1571 г. возглавлял русское посольство к царю Кучуму. Третьяк — прозвище, дававшееся третьему в семье сыну. См.: Лихачев Н. П. Посылка в Сибирь Василия Чебукова // Известия русского генеалогического общества. — Спб., 1900. — Вып. 1. Отд. 1. — С. 162.

...шли в Казатцкую орду...— В Казанское царство.

С. 118 *...за Югорским камнем...*— Так назывался в XII—XVII вв. Северный Урал, заселенный югрой. Через горы Северного Урала уже в XVI в. (а по некоторым сведениям и раньше) пролегали кратчайшие пути с Вычегды и Печоры в Сибирь, на Обь и Енисей.

...на Тагциях...— Местоположение этой зауральской области, упоминаемой, кроме Строгановской летописи, в целом ряде известий западно-европейских путешественников, точно не установлено (см.: Алексеев М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. XIII—XVII вв. — Иркутск, 1941. — С. 121, 159, 161—163). Вероятнее всего, имелись в виду земли по рекам Тагил и Тура до Тобола, не входившие в состав Сибирского царства и бывшие предметом раздора между русским царем и сибирским ханом.

...на Иртыше, и на Оби...— В подлинной грамоте Иртыш и Обь не упоминаются. Здесь, вероятно, обычное для Строгановых вольное обращение с документом, вставка более позднего времени, воспринимаемая как географическая и политическая несуровизация: московский государь не мог разрешить «крепости поделати» на территории соседнего царства.

...снаряд огненной...— Огнестрельное оружие; здесь — артиллерия.

...дьяка Петра Григорьева...— Петр Григорьев был послом в Ногаи в 1557 г., участвовал во встрече и проводах до рубежа литовских послов в 1561 г. Дьяк в московском посольстве в Данию в 1563 г. В 1566 г. состоял дьяком при встрече литовских послов (Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв.— С. 481).

С. 120 *...нагайцов и ардабазарцов громят и побивают...*— Ногайская орда, первоначально входившая в антирусскую коалицию мусульманских ханств — Крымского, Казанского и Астраханского, уже в середине XVI в. тяготела к сближению с Москвой: с 1548 г. многие ногайские мурзы просили Ивана Грозного «о крепкой дружбе», а утверждение власти московского царя по всей Волге, от Казани до Астрахани, поставило ногаев в подчиненное положение к Москве. Иван Грозный особо заботился и покровительствовал развитию торговли с Востоком, поэтому нападение на ногайских купцов (они, как правило, приводили на продажу в Москву большие табуны лошадей) и ордобазарцев — купцов, ведущих торговлю при ханской ставке, считалось тяжким преступлением, могущим повлечь за собой нежелательные для Руси конфликты с восточными правителями.

Послаша к ним людей своих с писанием и з дары многими...— Здесь отчетливо прослеживается тенденция летописца приписать инициативу призвания дружины Ермака на Урал и далее — в Сибирь именитым людям Строгановым. Иные версии похода Ермака см. в Румянцевской, Погодинской и других сибирских летописях.

...Ермак Тимофеев с товарищи: Иван Колцов, Яков Михайлов, Никита Пан, Матфей Мещеряк...— Строгановская летопись — единственная, перечисляющая такое количество Ермаковых атаманов накануне казачьего похода в Сибирь. Посольские дела XVI в. в числе разыскиваемых за грабежи и разбои на Волге казачьих атаманов называют Ивана Кольцо, Никиту Пана, Богдана Бурбошу (Брязгу.—?), Савву Болдырю.— Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... С. 32—33.

...собрався в круг...— Войсковой круг — собрание в казачьих войсках.

...на устье матки Самары реки...— На Руси маткой называли крестную мать. Здесь метафора: Самара — «крестная мать» разбойных казаков, на ней собирались вместе волжские и яицкие казаки.

Не ратная труба протрубила...— Здесь и далее, до слов: «...и отдаст нам пеню, великую вину», в летопись помещена самая ранняя, относящаяся к XVII в., запись исторической песни «Ермак в казачьем кругу», обработанная строгановским летописцем в нужном «именитым людям» духе. Подробнее об этом см.: Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв.— М.— Л., 1960.— С. 235—273. Впервые частично этот фольклорный текст был реконструирован Д. С. Лихачевым в кн.: Русские летописи и их культурно-историческое значение.— М.— Л., 1947.— С. 401—402.

...казаки — донские, яицкие, волские и терские...— «Вольные казаки», в зависимости от занимаемой ими территории, образовывали отдельные казачьи войска. В XIX в. их насчитывалось 11: дон-

ское, кубанское, оренбургское, забайкальское, терское, сибирское, уральское, астраханское, семиреченское, амурское и уссурийское. См. комм. к с. 194.

...с цела ума...— В полном разуме, в здравой памяти; выражение, обычное для текста завещаний.

...переход...— Здесь — расстояние, преодолеваемое за сутки похода.

...розбили мы лотку коломенку...— Коломенка — речное весельное судно большого водоизмещения (до 200 т).

...из тово кафтана камчатово...— Камка — старинная китайская шелковая цветная ткань с узорами.

С. 122 *...злокозненный же диавол... поощряет злаго и безбожнаго вогулинскаго мурзу Бегбелия Ахтакова...*— Набег вогулов под предводительством Бегбелия Ахтакова по версии «опальной» царской грамоты Строгановым послужил причиной отправки в Сибирь отряда Ермака. Строгановский летописец предлагает иную версию начала похода. Текст царской «опальной» грамоты включен в летопись ниже, в связи с описанием набега на Чусовские городки пелымского князя.

С. 124 *...даша последнее целование...*— Последнее целование входит в обряд прощания с покойником; этому обряду причастны и воины перед битвой.

С. 126 *...поидоша по Чусовой реке вверх...*— Путь Ермака в Сибирь, описанный Строгановской летописью, во многом сходен с Погодинской.— См. комм. к с. 68.

...земляной городок поставиша и назваша его Ермаков Кокуй городок...— Лагерь отряда Ермака располагался на северо-восточном берегу р. Серебрянки, возле устья речки Кокуй.

...ливания и всякое древие...— Ливан — кипарис, ливаном называли также деревья, дающие ладан. Здесь, вероятно, имеется в виду сибирская лиственница, из живицы которой получали ладан.

...пелымский князь...— Имеется в виду царевич Аблеги́рим (Аблегаир, Облагаир), сын Кучума, пелымский князь.

...приидоша под Камское Усолье...— Городок на правом берегу Камы, напротив нынешнего г. Березняки. Основан в 1606 г. как центр солеварения.

С. 128 *...посады пожгоша...*— Посад — оседлое поселение в ближних пределах острожков и крепостей.

С. 130 *...воевода Василей Пелепелицын...*— Чердынский воевода В. Пелепелицын первым сообщил в 1581 г. Ивану Грозному версию об отправке Строгановыми отряда Ермака в Сибирь, выражая опасение, что этот поход спровоцирует враждебные действия сибирского хана.

...прислана с Москвы государева царева грамота...— Здесь приведена в некоторой обработке царская «опальная» грамота Строгановым 16 ноября 1582 г. Ее публикацию см.: ДАИ.— Т. 1.— С. 342—343.

С. 134 *...куяки...*— См. комм. к с. 12.

...бахтерцы...— См. комм. к с. 12.

Писано о том довольно в первом переводе...— В рукописи, по которой публикуется данный текст, перед Строгановской пространной летописью помещена Есиповская. В ней, действительно, в главах 2 и 3 идут рассказы о царях и князьях Сибирского царства. В настоящем издании этот рассказ публикуется в Погодинском летописце, в главе «Происхождение Сибирские земли».

С. 136 *...улус...*— У сибирских народов улус—селение, собрание оседлых или кочевых юрт, аул, становище, табор; у якутов, а также у калмыков улус—род, поколение; в псковских и тверских говорах улус означает глухие закоулки, скрытое пристанище.

...царева меду взяша...— Царский мед—сорт хмельного напитка самого высокого качества, приготавлился из меда по особой рецептуре. Известны также княжий мед, боярский, братский (монастырский) и др.

С. 138 *...обеты и слово свое даша...*— В Древней Руси обет (обещание, обязательство) давали из религиозных побуждений.

С. 140 *«С нами Бог! Разумейте, языцы, и покаряйтесь, яко с нами Бог!»*— Казаки произносят здесь начальные слова стихирь молебна, певаемого во время брани против супостатов.

С. 142 *...град Сибирь, иже последи наречен бысть Тоболеск...*— Здесь автор Строгановской летописи не совсем точен. Тобольск был построен в 1587 г. в 12 верстах от Старой Сибири, столицы Кучума, на Троицком мысу, а затем в 1600 г. перенесен на мыс Чукман. Старая Сибирь была разрушена после пленения князя Сейдяка Бекбулатовича.

С. 144 *...Тоя же зимы, декабря в 10 день...*— Ремезовская летопись указывает иную дату убийства казаков на Абалакском озере—5 ноября. Г. Ф. Миллер подчеркивает, что и синодик Тобольской соборной церкви указывает день 5 ноября, в который погибшим казакам возглашается вечная память (Миллер Г. Ф. История Сибири.— Т. 1.— С. 235).

Того ж году, апреля в 5 день...— Ремезовская летопись называет датой пленения царевича Маметкула 28 февраля (1582 г.).

С. 150 *...князь Семен Болховской...*— См. комм. к с. 16.

...Иван Глухов...— Стрелецкий голова Иван Глухов был послан с войском из Москвы в Пермскую землю по царской грамоте 16 ноября 1582 г. для обороны от пелымского князя тех мест, которые должен был защищать у Строгановых отряд Ермака. С князем Семеном Болховским Иван Глухов был послан как «сведелец».

С. 152 *...егда же весна прииде...*— Весь текст этого отрывка в главе 25 сделан под влиянием Летописной книги И. М. Катырева—С. И. Шаховского, или ее источника «Троянской истории» Гвидо де Колумна, широко известной в России в XVI—XVII вв., вошедшей в переработанном виде и в Хронограф. Она служила писателям XVII в., еще связанным средневековыми литературными канонами, своеобразным образцом «светского» исторического повествования. См. также комм. к с. 72.

С. 156 *...бежав в Ногайскую землю и тамо зле окаянную свою душу изверже...*— Ср. с концовкой Румянцевского летописца. С. 24—25.

С. 158 *...царевич Алей...*— См. комм. к с. 22.

С. 162 *...Строгановы... и им про все збывшееся возвестим подлинно...*— Если эту версию принять как реальную, то понятно становится, каким путем именитым людям стали известны многие подробности событий после гибели Ермака.

...князю Сейдяку Бекбулатову...— См. комм. к с. 22.

С. 164 *...воевод Ивана Мансурова...*— См., комм. к с. 22.

С. 166 *...той же кумир... нарочит и славен...*— См. комм. к с. 22.

...Данило Чулкова...— См. комм. к с. 204.

С. 170 *...яко: «У нас в Московском государстве обычай содержится... И взяв Данило Чулков чашу... подняв, рече тако...*— Данило поднимает так называемую «чашу государеву», заздравную чашу, сопровождаемую соответствующей речью. Заздравную чашу необходимо было выпивать до дна, в знак того, что у поднявшего ее нет «зломыслия». Это, вполне возможно, древний обряд, связанный с языческими ритуалами, «этикетами».— См.: Снегирев И. Заздравные чаши//Русский архив.— 1909.— № 6.— С. 199—203.

...Князю Сейдяк и Етигер Бекбулатов сын...— Переписчик, очевидно, перепутал действующих лиц предыдущей сцены с отцом и дядей Сейдяка. Дядя Сейдяка Едигер был верховным правителем Сибири до Кучума.

...Атаман Матфей Мещеряк убиен бысть...— Гибель Матвея Мещеряка описана только в Строгановской летописи.— Ср. с. 170—173.

С. 174 *...тот ясак посылать... в Новгородскую четверть...*— Сибирские воеводы в XVI в. подчинялись первоначально Новгородской четверти (части Государева приказа, ведавшего русским Севером), затем Приказы Казанского дворца, и только в XVII в.— созданному специально Сибирскому приказу.

...аманатов у них взяли...— В заложники (аманаты) для обеспечения бесперебойной доставки ясака по царскому указу полагалось брать знатных людей, представителей различных племен.

С. 176 *...Диптих...*— Поминовения по Диптиху считались большой честью и вносились в них люди безупречного образа жизни. В древности (с IV в.) они делились на диптихи крещальные, живых, мартирологи и умерших. Здесь диптих — торжественное словословие в память казачьего подвига.

С. 178 *...сия дивная повесть... а древним — на память...*— Сказовая концовка сделана вполне в духе всей обработки списка, использовавшего для придания повествованию эпического характера — фрагменты исторической песни; описания природы, торжественное поминание и т. д.

...о первом архиепископе...— Статья о создании в Сибири архиепископии кажется более поздней припиской. В заголовке этой летописной обработки нет упоминания о создании архиепископии, хотя все другие события упомянуты.

...первый архиепископ Киприан...— Киприан Старорусенков (или Старорушанин) прибыл в Сибирь из настоятелей Варлаамо-Хутынского монастыря в 1621 г. После Сибири — сначала митрополит Крутицкий (Сарский и Подонский), а затем митрополит Новгородский. Умер в 1635 г.; Киприану приписывается создание Синодика и «основание» сибирского летописания. Деятельность его в Сибири была действительно очень плодотворной в деле распространения православия и укрепления епархии, в сферу этой деятельности вполне вписывался «Синодик» погибшим на поле брани казакам, но едва ли он мог заниматься сочинительством (Очерки истории русской литературы Сибири.— Т. 1.— Новосибирск, 1982.— С. 47—51).

ПРОШЛОЕ

БУДУЩЕМУ

**БУЗУНОВСКИЙ
ЛЕТОПИСЕЦ**

Бузуновский летописец был найден историком Сибири А. А. Дмитриевым в конце XIX в. в составе позднего — конца XVIII — начала XIX в. — рукописного сборника, принадлежавшего соликамскому мещанину А. И. Бузунову и названного по его имени Бузуновским. В сборнике этот летописец завершал цикл «экстрактов» из исторических документов и летописей, касающихся баронской фамилии Строгановых. Почти в те же годы, в книжном собрании известного историка русского быта И. Е. Забелина, появился другой список Бузуновского летописца в сборнике середины XVIII в. В Забелинском сборнике Бузуновский летописец переписан следом за огромной летописно-хронографической компиляцией, доведенной различными выписками и заметками до времени императрицы Анны Иоанновны (1730—1740).

Бузуновский летописец был создан в конце 30-х годов XVII в. В его основу положен рассказ, близкий Румянцевскому летописцу, но в своеобразной обработке, дополненной новыми фактами и слухами. В событиях покорения Сибири — «Золотой Орды», — по версии Бузуновского летописца, участвовал Максим Строганов.

Бузуновский летописец публикуется нами по Забелинской рукописи.

ИСТОРИЯ О ВЗЯТИИ СИБИРСКОЙ ЗЕМЛИ

ри державе царского величества царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России самодержца, в лето 7090, разбойник именем Ермак усвоеволився противностию его царскому величеству, и прибрав себе в соединение отовсюду беглецов, и отбежав во украинское место на реку Дон, и тамо живяше, и назвашася казаками. От них же прият себе старейшинство звания атаман и, не опасаясь его царского величества указа, принял себе весьма безглавное отчаяние — начаша по рекам Дону и Волге воровать и всяких людей побивать и грабить.

Во едино же лето послы персицкие, и бухарьские, и казылбацкие были на Москве, и получили себе царского величества милость и наградительное жалование, и с тем по Волге реке на низ плыша в Астрахань. И оной разбойник нападе на них и побил я, и живот их пограбил.

О сем же известен бысть царское величество: послал на них воев своих, повеле их разбойников имать и освидетелствовать, для страха других — казнить их смертию. И оной же разбойник убояся того с товарища, пятьсот человек убежали с Волге в Каму реку вверх и прибежали в отчины Строгановы, и тамо пребысть несколько время.

ИСТОРИЯ ПОКОРЕНИЯ СИБИРСКОГО ЦАРСТВА

о царствование государева величества царя и великого князя Ивана Васильевича самодержца всея России, в 1582 году, разбойник прозвищем Ермак обернулся врагом его царскому величеству и, приискав себе в сообщники отовсюду беглых, ушел в порубежные земли на реку Дон, и там поселился, а назвались казаками. От них и получил себе высокое звание атамана и, не страшась его царского величества опалы, взялся за весьма безрассудное, отчаянное дело — начал по рекам Дону и Волге разбойничать и разных людей убивать и грабить.

И вот однажды послы персидские, бухарские и кызылбашские были в Московском государстве и получили себе царского величества подарки и вознаграждение и с темплыли в низовья Волги в Астрахань. Этот разбойник напал на них и перебил их, а имущество их разграбил.

И о том извещен был его царское величество: послал против них войска свои, приказал тех разбойников ловить и пытать, а для острастки других — казнить. И того этот разбойник с сотоварищами испугался, пятьсот человек убежали с Волги по Каме-реке вверх и добрались до владений Строгановых, и у них оставались некоторое время.

И в то число в Строгановы городки и в отчины по Чюсовой и по Каме рекам пришел войною Извогдинчъ, пелымский князь, во многом собрании войску. Максим же Строганов просил его, Ермака, чтобы он от того оборонил. Ермак же не преслуша нималаго времени, тот час собрася з дружиною своею, и иде против вогул, и побил их без остатку, и вотчины Строгановы выручил, за что Ермака он Строганов приял любезною ласкою.

Уведа он Ермак от тамошних жителей, что от них не в далнем разстоянии есть Золотая орда — Сибирское царство. И посоветовавше он Ермак со Строгановым о промысле того царства, прошаше у него людей, и оружия, и запасу. Максим же Строганов повеле ему из вотчин своих людей имать охотников, елико похотят. Он же набра тутошных жителей ко своим в прибавак сто пятьдесят четыре человека. И всего собрав воиска себе шесть сот пятьдесят четыре человека, и назва-ся казаками. Он же Строганов даде им оружие и запасу довольно и отпустил их в Сибирь судами по реке Серебренные.

Они же доидоша до волока и переволокли суды на реку Жаравль и Пятух. И промеж оных рек поставиша городок и тут зимовали. И оттуда пришли на Тагил реку, и Тагилом плыли вниз до реки Туры, и Турою плыли вниз до реки Тавды. И на устье Тавды поймали татарина именем Таузана — той от Кучюма царя прислан был на Тавду для рыбной ловли. И от того татарина он Ермак о царе Кучюме и о царстве его Сибирском, разведав подлинно и вооружився мужественно. От устья Тавды реки поплыли Тоболом рекою в Сибирь, на царя Кучюма ратовати.

Царь же Кучюм, слышав нашествия русских людей, вскоре посла вестников во всю свою державу, и повеле воинству своему собиратися с поспешением к себе в Сибирь город на брань против русских людей. И в мале времени собирашя к нему множество татар, и остяков, и вогул, и иных чюцких языков, которые обретаютца под его державою. Тогда же царь Кучюм, учредя войско свое, и с ними посла сына своего Маметкула против русских людей на войну. Сам же повеле град свой крепити засеками и окопами подле реки Иртышу во урочищах Чюваских.

Царевич же Маметкул с воиском своим прииде в урочище Бабасаны, и тут стрете русских людей, и нача

А в те дни на крепости Строгановых и во владения (их) по Чусовой и Каме напал Извогдинч, пелымский князь, с большим сборным войском. И Максим Строганов просил Ермака, чтобы тот от (пелымского князя) защитил. Ермак же не помедлил нисколько, тотчас собрался с дружиной своей, и вышел против вогулов, и разгромил их, а владения Строгановых освободил, за что Ермака тот Строганов принял с милостивым вниманием.

Узнал тот Ермак от тамошних жителей, что на незначительном от них расстоянии есть Золотая орда — Сибирское царство. А говорил тот Ермак со Строгановым о взятии того царства, прося у него людей, оружия и припасы. И Максим Строганов позволил ему из вотчин своих набрать охочих людей, которые пожелают. Тот и набрал вдобавок к своим здешних жителей сто пятьдесят четыре человека. А собрав в свой отряд всего шестьсот пятьдесят четыре человека, сами присвоили себе звание казаков. А тот Строганов щедро снабдил их оружием и припасами и отпустил их в Сибирь судами по реке Серебряной.

И дошли они до волока и переволокли суда на реку Журавль и Петух. И между тех рек поставили крепость и в ней зимовали. А оттуда вышли на Тагил-реку, и Тагилом плыли вниз до реки Туры, а Турою плыли до реки Тавды. И в устье Тавды поймали татарина по имени Таузан — тот Кучумом-царем прислан был на Тавду для ловли рыбы. И от того татарина тот Ермак о царе Кучуме и о его Сибирском царстве разузнав все необходимое, вооружился мужеством. От устья Тавды-реки Тоболом-рекою в Сибирь пошли на войну с царем Кучумом.

Когда Кучум услышал о неожиданном походе русских, то быстро разослал гонцов по всей своей державе и приказал воинам своим собраться как можно скорее к нему в Сибирь-город на бой против русского отряда. И вскоре собрались к нему во множестве татары, остяки, вогулы и некоторые чудские племена, которые находятся под его властью. И тогда царь Кучум, снарядив воинство свое, послал с ними сына своего Маметкула в наступление против русского отряда. Сам же приказал город свой укрепить засеками и окопами возле реки Иртыша в Чувашских горах.

Царевич Маметкул с войском своим пришел в урочище Бабасаны, столкнулся здесь с русским отрядом и

с ними битися. И виде у себя от воиских своих многое падение, и устремися на бегство. Казаки с того места плыша вниз по Тоболу к городку Сибири и доплыша до Карачина улуса — оной Карача у царя Кучюма был думной. И тот его улус казаки разбили, и множество богатства взяша.

И оттуду пришли на усть Тобола реки, на реку Иртыш, татары же множеством приступиша к ним конных и пеших, со обе стороны з берегов стреляюще. Казаки же, вышед из стругов на берег, множество нечестивых побиша. И от того бою погании бежаша.

Казаки от устья Тобола реки поидоша вверх по Иртышу реке, и взяша город един, и заседоша тут. И увидеша казаки многое собрание нечестивых, и убояшеся, яко царевичь Маметкул в другой раз со множеством войска вышел от отца своего от города и засеки противо их на брань, а отец его, царь Кучюм, стоял в засеке у города на горе Чюваской со всеми домашними своими и с мурзами во многом собрании. И ничтоже успеха! Казаки же, уповающе на господа, и вышед из города <...> единодушно приступиша к засеке и с царевичем Маметкулом сразишася крепко. И на том бою царевича ранили и еле жива увезли его татары за Иртыш реку.

Царь же, видев сына своего побеждена, плакася горко и глаголя с мурзами: «Горе мне, яко невзапно приидоша до нас воинство сие и изгнаша нас из царства моего!» И побеже со всеми своими вверх по Иртышу реке, а град свой Сибирь оставиша пуст. Казаки же со атаманом Ермаком с товарищи приидоша в город и заседоша в нем 7092 году октября 23 дня.

По взятии города Сибири прииде к Ермаку во град остяцкой князь Боярга со многими дары и запасы и покаришася Ермаку. Он же утверждаше их и пиршество им творяше, чтобы им жить под рукою государевою во всяком послушании, а служить во всякой верности, ясак платить и на русских людей дурно не мыслить.

Того же году послал Ермак из града казаков для рыбной ловли в урочище Абалак. Царевичь же Маметкул со многими людьми невзапно нападе на них и поби их без остатку.

По взятии же града Сибири и по покорении многих языков, собрав Ермак есаку и полонеников многое множество и посла к Москве, к великому государю в поклонение с казаками в 50 человек. С ними же посла о

начал с ним сражаться. Но, увидев у себя в войске многих убитыми, бросился бежать. Казаки от того урочища поплыли вниз по Тоболу к крепости Сибирь и дошли до Карачина улуса — этот Карача у царя Кучума был боярином. И тот его улус казаки разгромили и многие сокровища захватили.

Когда оттуда подошли к устью Тобола-реки, на реку Иртыш, то множество конных и пеших татар ударили на них, стреляя с обоих берегов. Казаки же, выйдя из стругов на берег, многих нечестивых перебили. И бросились бежать неверные с поля боя.

Казаки от устья Тобола-реки пошли вверх по Иртышу-реке, взяли один из городов и засели в осаде. И увидели казаки огромное сборище неверных, и испугались, так как царевич Маметкул во второй раз с огромным войском отца своего из города и от засеки выступил против них на битву, а отец его, царь Кучум, стоял у городской засеки на горе Чувашской со всеми своими родичами и с мурзами во главе большого отряда. Но не достигли желаемого! Казаки же, уповая на Господа, вышли из города <...> единодушно подступили к засеке и с царевичем Маметкулом сразились мужественно. В том бою царевича ранили, и едва живого увезли его татары за Иртыш-реку.

Царь же, увидев сына своего побежденным, плакал горько и говорил мурзам: «Горе мне, что внезапно напали на нас воины эти и прогнали нас из собственного царства!» И поспешно отступил со всеми своими вверх по Иртышу-реке, а город свой Сибирь покинул. Казаки да атаман Ермак с сотоварищами 23 октября 1584 года вошли в город и обосновались в нем.

После захвата города Сибири пришел к Ермаку в город остяцкий князь Боярга с разными подарками и припасами и покори́лся Ермаку. И тот заключил с ним договор и пир для них устроил, чтобы жили под властью государя во всем послушны, а служили бы во всем без измены, ясак платили и против русских людей зла не таили.

В том же году послал Ермак из города казаков на рыбную ловлю в урочище Абалак. А царевич Маметкул с большим отрядом внезапно напал на них и перебил всех до единого.

Когда после взятия города Сибири и покорения многих народов собрал Ермак ясак и пленников великое множество, то послал в Москву к великому государю

взятье Сибири вестовую отписку, а под отпискою за рукою своею — челобитную, а в ней написал вины свои, что воровал на Волге реке и чтоб великий государь пожаловал его: указал оные вины ему простить, и отдать в заслужение, и принять себе во отчину Сибирское царство, и для правления прислать от лица своего воеводу.

И егда оные казаки с есаком к Москве пришли и великому государю отписку и челобитную подали, и велел великий государь пожаловать атамана Ермака заочно своим государевым жалованием, и милостивым своим словом, и указом своим — повелел писать ево, Ермака, сибирским князем, и в грамоте своей жалован и отселе писался бы и впред: «Сибирскому князю Ермаку Тимофеевичю с товарищи своими. За многую вашу заочную службу, и за ахочае кровопролитие, и за взятье Сибирской земли во всех винах ваших мы, великий государь, прощаем и, сверх того, награждаем вас своим государевым жалованием».

Удоволя казаков, отпустил с Москвы в Сибирь ко князю Ермаку Тимофеевичю, и с ними посла денег и сукон, и иных всяких припасов со множественным удовольствием.

По сем же прибежа к Ермаку татарин именем Симбахта и сказа: «Сын Кучюма царевичь Маметкул со многими людьми стоит на реке Вагае, от города Сибири во ста верстах». Князь же Ермак вскоре посла казаков. Они же прибегше на станы их и побилша татар без остатку, царевича же Маметкула в полон взяша жива и приведоша к Ермаку во град Сибирь. О сем же уведо царь Кучюм, яко пленен сын его Маметкул, плакася горко со всем домом своим.

В то же время откочевал от него, от царя Кучюма, думной его татарин именем Карача, и преселися между рек Оби и Оми. В то же время возвестися ему, Кучюму, яко идет на него войною со многим собранием князь Сейдек Бекбулатов из Бухарской земли, которого изгнал из сибирскаго владения той Кучюм, наперед отца его убил.

Оттоле же князь Ермак Тимофеевичь с товарищи в Сибирской земли многие языки воюя, и покаяря себе противящиеся ему, и взя остяцкой городок Назимной, и богатство приобрете.

на поклон с казачьим отрядом в 50 человек. А с ними послал о взятии Сибири письменное донесение и вместе с донесением своеручную челобитную, а в ней описал вину свою, дескать, разбойничал на Волге-реке, чтобы великий государь пожаловал его: приказал те провинности ему простить и забыть ради заслуг его, а в свою вотчину принять Сибирское царство и для управления от лица своего прислать воеводу.

И когда те казаки с ясаком пришли в Москву и великому государю донесение и челобитную подали, то повелел великий государь жаловать атамана Ермака заочно своим государевым подарком и милостивым своим словом, и указом своим — приказал величать его, Ермака, сибирским князем, и грамотой своей утвердил, чтобы с того времени и всегда величался так: «Сибирскому князю Ермаку Тимофеевичу с товарищами его. За великую вашу бескорыстную службу, и самопожертвование, и за взятие Сибирского царства, всю вину вашу мы, великий государь, прощаем и, более того, награждаем вас своими государевыми милостями».

Исполнив все требования казаков, (царь) отпустил их из Москвы в Сибирь ко князю Ермаку Тимофеевичу, а с ними послал деньги, и сукна, и разнообразные припасы для многочисленных потребностей.

А после того перебежал к Ермаку татарин по имени Сенбахта и сказал: «Сын Кучума царевич Маметкул с большим отрядом стоит на реке Вагае, от города Сибири в ста верстах». И князь Ермак сразу отрядил казаков. Те же прискакали к лагерю татар и перебили их всех, а царевича Маметкула в плен взяли и доставили к Ермаку в город Сибирь. Когда узнал царь Кучум о том, что пленен сын его Маметкул, горько сетовал со всеми домочадцами своими.

В то самое время ушел от него, от царя Кучума, боярин его, татарин по имени Карача, и обосновался между реками Обью и Омью. Тогда же стало известно тому Кучуму, что идет против него войной с огромным войском князь из Бухарского ханства, Сейдяк Бекбулатов, которого изгнал из сибирской вотчины тот Кучум, прежде убив отца его.

С тех пор Ермак Тимофеевич с сотоварищами, в Сибирском царстве воюя с многими племенами и побеждая сопротивление, захватил остяцкую крепость Назимскую, и большую добычу взял.

7094 году по указу царского величества царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России самодержца присланы из Москвы первые воеводы: князь Семен Волхонской да Иван Глухов, с воинскими людьми. В то же время был в городе Сибире глад и мор, тогда воевода князь Семен Волхонской умре.

Того же году князь Ермак Тимофеевич со оставшим воеводою Иваном Глуховым посла к Москве царевича Маметкула с казаками. И до приезде их на Москве не стало царя Иоанна Васильевича, преставися в лето 7092 году. А по нем прия скиптр царство сын его благоверный великий князь Феодор Иоаннович, и бысть всея России самодержец.

Как привезли царевича Маметкула, и встреча ему была по обычаю как послом, а не яко пленнику, и оставлен тот царевич на Москве, а провожатые казаки пожалованы и удовлетовлены и отпущены в Сибирь попрежнему. А с ними послано ко князю Ермаку Тимофеевичу его царского величества жалование, и милостивое слово, и награждения денег, и сукна, порох, свинец, ружия, иные всякие припасы со множественным удовольствием.

Того ж году царя Кучюма думной татарин Карача пришел во град ко князю Ермаку со обманом, будто с покарением, и прошаше у него людей, аки бы для обороны от Казачьей орды, и на том по своей вере бурсорманской шесть раз присегал. Князь же Ермак и повери ему, отпустил с ним атамана Колца с товарищи, сорок человек. И егда те казаки к Караче приидоша, он же побил казаков, всех 40 человек без остатку, и всех всюду казаков обретающихся побивати повелел, и многих побил.

И после того со многим собранием он же Карача, прииде ко граду Сибире и облеже его. Ермак с товарища от града прогна его Карачю в Саускан и многих татар побил.

В 7096 году сказаща князю Ермаку, яко бухарцы из Степи идут к нему во град Сибирь торговать, а царь Кучюм, стоя на реке Вагае, не пропускают. Князь же Ермак с товарищи слыша то, распалися гневом на царя Кучюма и поиде с небольшими людьми настречю бухарцом торговым. И доиде до реки Вагаю вверх даже до урочища, идеже ныне поставлен Адебашской ост-

В 1585 году по указу царского величества царя и великого князя всея России самодержца Иоанна Васильевича присланы из Москвы первые воеводы: князь Семен Волхонский да Иван Глухов с воинским отрядом. В то же время был в городе Сибири голод и мор, тогда воевода князь Семен Волхонский умер.

В том же году князь Ермак Тимофеевич с оставшимся в живых воеводой Иваном Глуховым и казаками отправил в Москву царевича Маметкула. Но еще до прибытия их в Москву не стало царя Иоанна Васильевича, преставился в 1584 году. А после него был венчан на царство сын его, благоверный великий князь Федор Иоаннович, и стал всея России самодержцем.

Когда привезли царевича Маметкула, то прием ему оказан был по обычаю как представителю государства, а не как пленнику, и оставлен тот царевич в Москве, а сопровождающие казаки, как и раньше, были пожалованы, одарены подарками и отпущены в Сибирь. А с ними послано к князю Ермаку Тимофеевичу его царского величества благоволение и милостивое слово, денежное вознаграждение и сукна, порох, свинец, оружие и всякие разные припасы для многочисленных потребностей.

В том же году боярин царя Кучума татарин Карача послал в город к князю Ермаку с обманом, будто в подданство, и просил у него (Ермака) людей, как бы для защиты от Казачьей орды, и в том согласно своей вере басурманской шесть раз клялся. Князь же Ермак, поверив ему, отправил с ним атамана Кольца с сотоварищами, сорок человек. А когда те казаки пришли к Караче, тот перебил казаков, всех 40 человек без исключения, и остальных казаков приказал убивать повсюду, где ни отыщутся, и многих поубивали.

Спустя некоторое время тот же Карача с большим войском пришел к городу Сибири и окружил его. Ермак с сотоварищами от города прогнал того Карачу в Саускан и многих татар перебил.

В 1588 году передали Ермаку, дескать, бухарцы из Степи идут к нему в город Сибирь торговать, а царь Кучум, стоя на реке Вагае, не пропускает их. Когда князь Ермак с сотоварищами услышал об этом, то разгневался на царя Кучума и двинулся с небольшим отрядом навстречу бухарским купцам. И пройдя по реке Вагаю вверх вплоть до урочища, где ныне построен Атбашский острог, нигде бухарцев не нашел. И от-

рог, и нигде же бухарцов не обрете. И оттоле возвратися и доплы до Перекопи, и ту обнощева.

Царь же Кучюм, подсмотри их и увиде, яко не опасно стоят, нападе на них невзапно и поби их без остатку. Князь же Ермак побеже в струг, и не мог усмотрити, на край струга аступился нагою, и пад в воду, и утопе. Един же казак едва утече и возвести во град оставшим казакам. Оставшия же казаки, слышавше такое побегдение над князем Ермаком, и видеша себе в малолюдстве, оставиша град пуст и побегоша вниз по реке Иртышу, и доплыша до реки Оби, чрез Камень в Русь.

Сын же царя Кучюма меньшей, именем Алей, уведe, яко казаки <...> из града побегоша, прииде во град и вселися в нем со всем своим домом. Заслыша же сие прежней владелец Сибирской, князь Сейдек Бекбулатов сын, котораго изгнал Кучюм царь на пред сего. И услышал князь Сейдек, что Ермак утопе, и оставшие казаки из града Сибири убежали, и яко обладает градом Сибирским Кучюмов сын. Собрався князь Сейдек со всем воинством своим, и прииде, и взя град Сибирь, а царевича Алея прогна, и тако прият вотчину отца своего с радостию.

Во второе лето по смерти Ермаковой прислан с Москвы воевода Иван Мансуров с воинскими людьми. И доплыша рекою Тоболом до реки Иртыша и стаха на устье Тобола реки. Татар же множество собращася, противишася ему. Он же виде таковое собрание нечестивых <...> и услышав <...> яко князь Ермак утопе, а оставшия казаки из града бежаша, и убояся воевода татар, проплы град Сибирь по Иртышу реке вниз. И доплы до великие реки Оби о зиме, и поставиша ту городок над рекою Обью против иртышскаго устья, и сяде ту зимовати.

Остяки же множественным собранием приступаше к городку, а взяти городка не могоша, последи же, принесоша кумира своего и поставиша его под дровом, моля его о помощи, желаяще городок взяти. Русские же люди из города стрелиша и кумира их разбиша. Остяки же убояшася того и пришедше во град, и покаришася, и принесоша ясак и запасу многое число.

7097 году присланы же в Сибирь третий воевода Василий Борисов сын Сукин да Иван Мясной, и при них письменной цаловалник Данила Чюлков с воинскими людьми. И поставиша град Тюмень, идеже прежде был

туда возвратился и доплыл до Перекопа, здесь и заночевал.

А царь Кучум, разведав про них и узнав, что без охраны стоят, внезапно напал на них и перебил всех без исключения. А князь Ермак бросился в струг, и не заметил, как ступил ногой на край струга, и, упав в воду, утонул. Один только казак с трудом убежал и рассказал в городе остальным казакам. Остальные же казаки, прослышав о таком поражении князя Ермака, увидели, что их самих (осталось) мало, бросили город, вниз по Иртышу доплыли до реки Оби и через Камень ушли в Русь.

А младший сын царя Кучума, по имени Алей, узнав, что казаки <...> из города убежали, вошел в город и поселился в нем со всеми своими родичами. Получил об этом известие властелин сибирский, князь Сейдяк Бекбулатов сын, которого ранее изгнал Кучум-царь. А услышал князь Сейдяк, что Ермак утонул, что остальные казаки из города Сибири убежали и что владеет столицей сибирской Кучумов сын. И, снявшись со всем своим войском, князь Сейдяк пришел и захватил город Сибирь, а царевича Алея изгнал, так с торжеством и возвратил вотчину отца своего.

На следующий год после смерти Ермака прислан из Москвы воевода Иван Мансуров с воинским отрядом. И, доплыв рекой Тоболом до реки Иртыша, остановился в устье Тобола-реки. Татар же множество собралось, чтобы выступить против него. Тот же, увидев такое скопище неверных <...> и услышав, что князь Ермак утонул, а остальные казаки из города убежали, побоялся воевода татар, прошел мимо города Сибири вниз по Иртышу-реке. И дошли до великой реки Оби к началу зимы, тогда и поставили крепость над рекой Обью, напротив устья Иртыша, и сели в ней зимовать.

Остяки же огромным скопищем подступали к крепости, но взять крепость не могли, и напоследок принесли своего идола, и поставили того под деревом, взывая к его помощи, желая крепость взять. Русские же воины из города выстрелили и идола их разбили. Остяки же испугались этого, пришли в город и покорились, принесли ясак и припасов разных множество.

А в 1589 году прислан с воинским отрядом в Сибирь третий воевода, Василий Борисов сын Сукин, а с ним Иван Мясной и при них письменный голова Данила Чулков. И там, где прежде была татарская крепость Чин-

татарской городок Чингици. И воздвигоша в нем церковь Всемилоствитяго Спаса.

7098 году вышеписанные воеводы Василий Сукин, Иван Мясной послали от себя с Тюмени в Сибирь писмянного голову Данила Чюлкова с воинскими людьми. Он же Тоболом рекою доплы до реки Иртыша и против устья Тоболскаго на горе поставиша град и назва Тоболск. И воздвиже церковь Живоначальная Троицы.

По поставлении же града Тоболска во второе лето из града Сибири от Чювас вышли для птичьей потехи татар, князь Сейдек, да царевич Казачьей орды Салтан, да царя Кучюма думной татарин Карача, с ним татар пятьсот человек. Воевода тоболской Данила Чюлков умысли над ними лесь, и сотворити учреждение, и посла к ним послов, и им повеле быти в Тоболск, аки бы для мирнаго договору. Они же татары не ослушася, вскоре приидоша к ним, и с ними татар 100 человек, а достолных оставиша на лугу.

Воевода же прият их с честью во град с малыми людьми, прочих же оставиша вне града. И начаша потчивати. Они же князи начаша и сумневатися, ничего же вкусити не хотяше, видеv свою беду. Воевода же поднесе им по чаши вина пити, и егда они начаша вино пити, и един по единому кийждо их поперхнувся. Воевода же видеv в них таковое запинание, и возопи воем своим яко: «Сии нечестивии на нас зло мыслят!» И повеле вне града татар всех посеци, и посекоша всех без остатку. Сие же видеvше татар на лугу стоящий таковое злое ухищрение и слышав вопль, разбегошася вси. Князьцев же связав, вскоре посла к Москве.

Царь же Кучюм услыша таковое над своими злое ухищрение, отбеже вдал, и многожды покушашеся возвратити Сибирское царство, но не возможе, зане одержим бысть страхом от русских людей разорения. Царь же Кучюм разоряя и пленяше оставшие свои татарские городки около Тоболска и Сибири. И весть прииде о сем в Тоболск воеводе, он же посла несколько воев своих, русских людей. Они же нападоша на царя Кучюма, и побиша его, и две царицы и сына его плениша, и с ними многое богатство взяша. Сам же царь Кучюм не со многими людьми едва утече в калмыцкие улусы, и тамо тогда конская стада отгна. Калмыки же гнашеся за ним, постигше его, поразиша и скот свой

гици, выстроил город Тюмень и воздвиг в нем церковь Всемилоственного Спаса.

В 1590 году названные выше воеводы Василий Сукин, Иван Мясной послали от своего имени из Тюмени в Сибирь письменного голову Данилу Чулкова с воинским отрядом. И тот Тоболом-рекой доплыл до реки Иртыша, напротив устья тобольского на высоком берегу выстроил город и назвал его Тобольск. И воздвиг церковь Живоначалайной Троицы.

После строительства города Тобольска на следующий год из города Сибири со стороны Чувашей вышли на птичью охоту татары, князь Сейдяк, да царевич Казачьей орды Салтан, да царя Кучума боярин татарин Карача, а с ними татар пятьсот человек. Воевода тобольский Данила Чулков задумал их обмануть; приготовил угощение, послал за ними послов и велел прибыть в Тобольск, как бы для мирных переговоров. И те татары не посмели послушаться, вскоре пришли к ним и с собой (взяли) татар 100 человек, а остальных оставили на лугу.

Воевода же ввел их с почестями в город с горсткой людей, а прочих оставил за городской стеной. И стал потчевать. А те князья начали что-то подозревать и ничего отвеждать не желают, почувствовав для себя опасность. Воевода же поднес им по чаше вина, и едва они начали пить вино, как один за другим поперхнулись. Тогда воевода, увидев их в таком замешательстве, закричал воинам своим: «Эти неверные против нас зло замышляют!» И приказал за городской стеной всех перебить, и перебили всех без исключения. И вот узнав о таком лихом вероломстве и услышав крик, стоявшие на лугу татары разбежались все. Князьков же, связав, вскоре послали в Москву.

И царь Кучум, услышав о таком лихом вероломстве, надолго откочевал, но много раз пытался вернуть Сибирское царство и не смог, поскольку удерживала его угроза разгрома русским отрядом. Но остальные свои татарские поселения около Тобольска и Сибири царь Кучум продолжал разорять и пленников уводил. Когда об этом дошла в Тобольск воеводе весть, то он послал небольшой отряд русских. И те напали на царя Кучума и разгромили его, взяли в плен двух цариц и сына его, а с ними большую добычу взяли. Сам же царь с немногими людьми убежал в калмыцкие улусы и оттуда угнал конские табуны. Калмыки же погнались за

возвратиша. Кучюм же царь бежа в вогулы и тамо убиен бысть. Оттоле же в Сибирской стране начася православное христианство множитися, и грады здатися, и церкви святыя воздвизатися.

Тогда же изыскано от древних иноземцов, отколе начася зватися Сибирь и какие языки в ней и старожилы. И поныне тех родов мнози обретаютца. На реке Вагаи, от Tobолска сто верст, которые жиша татары Махметова закону, царь именем Оной, и звашеся Золотою ордою. Его же державы татарин от простых, и менем Чингидей, человек богатой и сильной богатырь, и прибрав себе сверстников, и прииде на ону страну, и назвася «сибиряк», и донныне звашеся Сибирею. Царь Кучюм в Сибири жил 20 лет до пришествия князя Ермака Тимофеевича Tobолскаго с товарищи, и со храброю дружиною его, о которых ратоборствах их со славою повествуется свыше сего.

О сем же Ермаке известие написал, откуда же рождение его сице: дед его был суждалец, посацкой человек, жил в нищете, от хлебной скудости сошел в Володимер,—именем его звали Афонасей Григорьев сын Аленин,—и ту воспита двух сынов, Родиона да Тимофея, и кормился извозом из найму в подводах у разбойников на Муромском лесу. И поиман был, сидел в тюрьме. И оттуду бежал з женою и з детьми в Юрьевец-Поволской, и умре. А дети его, Родион и Тимофей, от скудости сошли на реку Чюсовую в вотчины Строгановым, и ту поради детей: у Родиона два сына, Дмитрия да Луку, у Тимофея дети — Гаврило, да Фрол, да Василей. И оноу Василей был силен, и велеречен и остр, и ходил у Строгановых на стругах в работе по рекам Каме и Волге. И от той работы прият смелость, и прибрав себе дружину малую, и пошел от работы на разбой. И оных звашеся атаманом, прозван Ермаком, а Ермак сказуется дорожной артелной таган, а по-волски — жерновной мелен ручной. А как службу показал, о том показано в сей истории выше сего.

ним и, настигнув, разгромили и скот свой возвратили. А царь Кучум убежал к вогулам и там был убит. С этого времени в Сибирской земле православное христианство стало множиться, города созидаться, церкви святые воздвигаться.

Тогда же разузнали от старейших инородцев, с каких пор Сибирь начала так называться, и какие народы в ней, и кто коренные жители. И донныне многие из тех древних родов существуют. На реке Вагае, от Тобольска в 100 верстах, жили татары магометанской веры с царем по имени Оной, которые называли себя Золотой ордой. И вот из его державы татарин, простолюдин, по имени Чингидей, богатый человек и могучий богатырь, подобрал себе подобных, пришел в эту землю и назван был «северный ветер» («сибиряк»), вот ныне и называются Сибирью. Царь Кучум в Сибири жил 20 лет до прихода князя Ермака Тимофеевича Тобольского с сотоварищами и с храброй дружиной его, о ратных подвигах которых с похвалами рассказывается выше.

А о том Ермаке, откуда он родом, я свидетельство записал: дед его был суздальцем, из посадских людей, жил в нищете, в хлебный недород ушел во Владимир, — звали его Афанасий Григорьев сын Аленин — и здесь вырастил двух сыновей, Родиона и Тимофея, и зарабатывал у разбойников в Муромском лесу извозом и сдачей внаем лошадей. И пойман был, сидел в тюрьме. И оттуда (из Владимира) бежал с женой и детьми в Юрьевец-Повольский и умер. А дети его, Родион и Тимофей, от нищеты ушли на реку Чусовую в вотчины Строгановых и здесь родили детей: Родион двух сыновей — Дмитрия да Луку, Тимофей — детей: Гаврилу, да Фрола, да Василия. И тот Василий был силен, резв на язык, и остроумен, а служил у Строгановых на стругах по рекам Каме и Волге. И в том промысле приобрел дерзость, и ушел из промысла на разбой, подобрав себе небольшую дружину, звался их атаманом, а прозвище получил Ермак. А Ермак — это значит: дорожный артельный таган, по-волжски — ручная мельница на жерновах. А как в полезном деле себя показал, о том рассказано в этой истории выше.

БУЗУНОВСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Бузуновский летописец публикуется по Забелинскому списку (ГИМ, собрание И. Забелина, № 563), как более раннему, чем Бузуновский список (Архив ЛОИИ, арх. ком. № 223). Первый из названных списков относится к середине XVIII в., другой — к его исходу. Сохранились выписки, сделанные в середине XVIII в. сибирским историографом ямщиком И. Черепановым, который говорит о списке, послужившем для его выписки, как о рукописи «ранней». Выписки И. Черепанова в издании не используются. Летописец издавался в кн.: Сибирские летописи.— Спб., 1907.— С. 296—306 по списку Арх. ком. № 223.

С. 194 *...царя... Иоанна Васильевича...*— См. комм. к с. 10.

...на реку Дон... и назваыся казаками...— Вольные люди, а также лица, несшие пограничную службу. В конце XV—XVI вв. на Днепре, Дону, Волге, Урале и др. возникают самоуправляемые общины из вольных людей, как правило, из беглых крестьян, называвших себя казаками. Сибирь, по представлению казачества, могла стать, а впоследствии и стала, еще одним «украинным» местом, центром казачества. См. также комм. к с. 120.

...не опасаясь его царского величества указа...— Здесь, видимо, имеется в виду царский указ 1581 г., объявленный ногайскому князю Урусу: «А ныне есмя на Волгу людей своих из Казани и из Астрахани многих послали, а велели им тех воров волских и донских казаков перевешати» (цит. по кн.: Карамзин Н. М. История государства Российского.— Спб., 1843.— Т. IX, кн. III.— Ст. 153, прим. 663).

С. 196 *...Извогдинчъ, пелымский князь...*— См. комм. к с. 126. В другом списке Бузуновского летописца это место читается так: «из вогулич, пелымской князь...».

...Максим же Строганов...— Сторону, договаривающуюся с казаками, здесь представляет Максим Яковлевич Строганов, как и в Кунгурском летописце.— См. текст с. 251—254 и комм. к с. 108. В отличие от автора Кунгурского летописца автор Бузуновского говорит не о принудительном характере снаряжения экспедиции Ермака, а о инициативе самого Максима Строганова.

...Золотая орда...— См. комм. к с. 230.

...по реке Серебреные...— См. комм. к с. 68.

...на реку Жаравль и Пятух...— Имеется в виду река Журавлик, приток Баранчи, впадающей в р. Тагил. Что такое «Пятух» — трудно сказать, реки с таким названием не было. Была,

правда, маленькая речка Кокуй, впадавшая в р. Серебрянку (Кокот — петух, кокуй — кокошник, гребешок). Есть в этих местах и Кокуй-городок.— Ср. комм. к с. 126.

...Тагил реку ...до реки Туры ...до реки Тавды...— См. комм. к с. 8, 46.

...поимали татарина именем Таузана...— См. комм. к с. 12.

...Кучюма царя...— См. комм. к с. 10.

...Сибирь город...— См. комм. к с. 140.

...татар, и остяков, и вогул, и иных чюцких языков...— Здесь неведомых, незнакомых. См. также комм. к с. 8—10.

...сына своего Маметкула...— См. комм. к с. 12.

...крепити засеками и окопами... во урочищах Чюваских...— См. комм. к с. 12.

...урочище Бабасаны...— См. комм. к с. 70.

С. 198 ...оной Карача у царя Кучюма был думной...— Здесь Карача — имя собственное, так, впрочем, осмысляется оно во всех сибирских летописях. На самом деле «карача» — представитель высшей знати у татар, советник хана. Ср. русского «думного боярина».— См. комментарий к с. 12.

...и взяша город един...— В отличие от других летописцев, сообщающих название Атик-городка, Бузуновский летописец по Забелинскому списку не называет его. См. комм. к с. 14.

...7092 году октября 23 дня...— Ср. даты сдачи Сибири в других летописях.

...Боярга...— Остяцкий князек в других летописях имеет имя Бояр. См. комм. к с. 14. С. У. Ремезов отмечает на одной из своих карт: «Бояровы юрты»; сыновья Бояра Оксент и Кармышак «верой и правдой служили русскому царю». Княжество Бояра известно под названием Демьянских юрт.

...урочище Абалак...— Подробности об Абалаке см. комм. к с. 14.

С. 200 ...Сибирскому князю Ермаку Тимофеевичю с товарищи...— Князем Ермака называет Новый летописец (ПСРЛ. Т. 14). Здесь приведена формула обращения к знатному воеводе, князю. Отчество с окончанием «...вич» в обращении к «простому» человеку разрешалось писать только в особых, разрешенных царскими грамотами, случаях. Так, например, права писать в своих отчествах окончание «...вич» Строгановы приобрели только в 1610 г. за свою огромную помощь правительству Василия Шуйского во время Смуты.

...Оми...— Омь — правый приток Иртыша.

...Сейдек Бекбулатов...— Сеид Ахмат. См. о нем комм. к с. 22.

С. 202 ...7094 году... первыя воеводы: Семен Волхонской да Иван Глухов...— Правильную дату и имена первых воевод в Сибири см. в комм. к с. 16, 40.

...не стало Иоанна Васильевича, преставися в лето 7092 году...— См. комм. к с. 10, 18.

...Феодор Иоаннович — Сын Ивана IV Грозного.— См. комм. к с. 18.

...Казачьей орды...— См. комм. к с. 10.

...Саускан...— В Забелинской рукописи — Суускун. См. комм. к с. 84.

...идеже ныне... Адбашской острог...— В остальных сибирских летописях упоминается урочище Атбаш.— См. комм. к с. 20. Атбашский острог появляется на месте урочища в сентябре 1636 г.

С. 204 *...сын же царя Кучюма меньшей, именем Алей...*— См. комм. к с. 22.

...Иван Мансуров...— См. комм. к с. 22.

...Василей Борисов сын Сукин...— См. комм. к с. 22.

...да Иван Мясной...— См. комм. к с. 22. В описи Посольского приказа за 1585 г. он упоминается в посольстве в Крым с Исеем князем.

...и при них писмянной цаловалник Данила Чюлков...— По версии других летописей, публикуемых здесь, кроме Бузуновской, Данила Чулков приходит в Сибирь независимо от названных выше воевод. Если Данила Чулков сибирских летописей, строитель Тобольска и Данила Чулков Никоновской летописи (ПСРЛ. Т. 13) — одно лицо, то вполне понятна становится его посылка в Сибирь для строительства Тобольска. Служивший с 50-х годов XVI в. Ивану Васильевичу Грозному, он неоднократно посылался по Астраханским и Крымским делам, к донским казакам: искать среди них воровских волжских казаков (ситуация 1557—1558 годов, напоминающая подобную же в 70—80-е годы XVI в.); в конце 60-х годов Данила Чулков — казачий голова. Как складывалась его судьба до 1591 г., когда он был назначен воеводой в Сибирь, неизвестно. Однако сведения, приведенные выше, говорят сами за себя: правительство Федора Ивановича, заинтересованное в закреплении за собой Сибирского ханства, посылало на Обь опытных деятелей, прошедших школу в пограничных районах, в так называемом Поле, в посольской деятельности. Ср. сведения о Иване Мансурове — комм. к с. 22.

С. 208 *...бежа в вогулы и тамо убиен бысть...*— В остальных летописях — в «нагаи». См. комм. к с. 24.

...царь именем Оной... и... звашеся Сибирею...— Здесь краткий рассказ, пространный вариант которого приведен в Погодинской летописи. См. текст с. 62—65.

...О сем же Ермаке известие написал...— Уникальная биография Ермака; не явилась ли она из-под пера Ждана Воронина, опытного подьячего Строгановых, жившего в конце XVI — начале XVII в.? Он был тоже суздалец, как и Ермак по Бузуновской летописи. Есть также сведения в поздней летописно-хронографической компиляции, что Ермак — выходец с русского Севера, но происхождение этих сведений неизвестно.

ПРОШЛОЕ

БУДУЩЕМУ

ПУСТОЗЕРСКИЙ
ЛЕТОПИСЕЦ

Пустозерский летописец — небольшой фрагмент с сибирскими известиями частного северно-русского летописного свода конца XVI — начала XVII в. Этот частный летописный свод дошел до настоящего времени в нескольких списках первой трети XVII — середины XVIII в. В одних списках он заканчивается рассказом о взятии Сибири, в других продолжен до событий Смуты начала XVII в.; этот свод иногда входит в состав сложных компиляций с официальными летописцами XVII в.

Сибирский рассказ в тексте самого летописца окружен своеобразными историческими легендами: о страшной казни купца Харитона Белоулина Иваном Грозным, о ключе от Смоленца-града, переданного московскому царю, о создании Москвы Даниилом Александровичем и др. Автор повествования о Сибирском взятии в том же легендарном ключе повествует о захвате столицы Кучума двумя атаманами — Ермаком Тимофеевичем и Аргуном Андреевичем и о посольстве их к царю Ивану Грозному.

Фрагмент северно-русского летописца публикуется по рукописи, происходившей из городка Пустозерска, привезенной в 1923 г.

О СИБИРСКОМ ВЗЯТИЕ

ета 7096 при благоверном и храбром царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Руси полские люди, атаман Ермак Тимофеев да Арган Андреев своею дружиною,— казаки бысть на Волги реки, изменили государю, у понизовных городов усть Самары реки государева посла погромили и казну царскую пограбили. И царь на них положил свой царский гнев и посла гонцы в Нижней Новград и во вся понизовские и полские города к воеводам, повеле их казаков, поймав, привести, сковав без милости, к Москве, поставить пред собою царя.

И казаки Ермак Тимофеев и Арган с Волги бегству вдашася, ступиша в Великую Пермь. И в Перми, на Чюсовой у Строгановых, взяв запасу хлебного и оружия, и прибрав к себе волних казаков, служивых людей, и ступиша на верх Туры реки сибирския. И по Туре тотарския острожки и юрты изгоном поплениша, и тотар посекоша, и поделаша струги лехкия и щыты, и поплыша в них по Туре на Аркиш реку под Сибирское царство, под Тобольский город. И Тобольский за щитом взяша и многое множество тотар побиша и посекоша. И сибирский царь Кучюм своими царевичи бегству дашася в полские далние дебри меж озера в непроходимые места.

О ПОКОРЕНИИ СИБИРИ

1588 году при благочестивом и доблестном царе и великом князе всея Руси Иване Васильевиче были на Волге-реке польские люди, казаки — атаман Ермак Тимофеев да Арган Андреев со своею дружиной, нарушили верность государю: около понизовских городов, у устья Самары-реки, на государева посла напали и казну царскую разграбили. И царь на них обрушил свой царский гнев и послал гонцов в

Нижний Новгород и во все понизовские и польские города, приказал тех казаков, изловив, препроводить, сковав безжалостно, в Москву, поставить перед ним, царем.

И казаки Ермак Тимофеев и Арган с Волги ударились в бег, очутились в Великой Перми. И в Перми, на Чусовой у Строгановых, взяв съестные припасы и оружие и подыскав себе вольных казаков, служилых людей, ушли к верховьям Туры-реки сибирской. А на Туре татарские укрепления и становища наскоком захватили, и татар перебили, и, понаделав легких стругов со щитами, поплыли в них по Туре на Аркиш-реку под сибирскую столицу, под город на Тоболе. И Тобольский (город) штурмом взяли и многое множество татар убили и ранили. А сибирский царь Кучум бросился бежать со своими царевичами в далекие степные окраины в дикие места среди озер.

Атаманы же и казаки Тобольский в город засели, и окрестныя татарския улусы и юрты татар побиша, а иных под свою область под царскую руку Московского государства покориша и Тобольский град утвердиша. И послаша к Москве послов своих, 10 казаков, и послаша к государю дары честныя: черныя и бурныстыя лисицы сибирския,—и писаша на себя к государю повинную отписку с великим уничижением: «Благоверный и благочестивый государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси! Твои холопишка, атаманишков казачьих и з казаками,—наши головы на плахи под твой царской меч и саблю, что мы пред Богом согрешили, воровски на Волги твою царскую казну пограбили». А другую отписку писали государю к Москве: «Божиею милостию и помощью, и заступлением пречистые Богородицы, и молением московских чюдотворцов, и твоим царским величеством, и счастьем, и храбростию, и грозою, на твое царево имя и величество под твою царскую руку <...> область Бог покори — Сибирское царство взяли. И Тобольский город засели, и татар много побили, а иных татар под твою царскую руку покорили. Буди, государь, здоров и многолетен на Сибирском царстве и дай нам своего крепкого воеводу и служивых людей».

И казачьи послы пришли к Москве и пред царя — государя повинную отписку и другую отписку положили — взятъе Сибирского царства. Государь царь и великий князь Иван Васильевич прослави Бога и возвеличи похвалою атаманов и казаков. И сам царь рече: «Храбри атаманы казачьи Ермак Тимофеевич да Арган Андреевич с своею храброю дружиною и с войским казачьим! Буди на вас Божия милость и мое царское величество российскаго государства. И вся ваша вина пред вами безпенна во всем <...>». И повеле казаков взять к себе в царские хоромы за золот стол, и повеле чтить своими царскими ествы и питием, и жалованьем царским жаловал. И послаша к ним воеводу князя Ивана Ивановича Киселева да пятьсот стрельцов и повеле по городом кликать волных <...> служивых людей на государево жалованье в Сибирское царство. И оттоле утвердися Сибирское царство под Московскую область и до сего дни, за молитвы святых отцов наших. Господи Иисусе Христе, Сыне божий, помилуй нас. Аминь.

Атамаңы же и казаки городом на Тоболе завладели и татарские уделы да и княжества татар разгромили, а другие под свою власть, под самодержавную руку московского государя привели, а город на Тоболе укрепили. И послали в Москву послов своих, 10 казаков, да отправили государю подарки по обычаю: черных и рыже-бурых лисиц сибирских, а писали от себя к государю повинную грамоту с великим смирением: «Благоверный и благочестивый государь царь и великий князь всея Руси Иван Васильевич! Твои холопишки, атамаңишки казачьи с казаками, зачем мы пред Богом согрешили, незаконно на Волге твою царскую казну захватили — (несем) наши головы на плахи под твой царский меч и саблю». И вторую грамоту писали государю в Москву: «Божиею милостью и помощью, и заступничеством пречистой Богородицы, и молитвами московских чудотворцев, и твоего царского величества счастьем, и доблестью, и грозной силой, твоим именем и могуществом под твою государеву власть Бог <...> страну покорил — Сибирское царство взяли; городом на Тоболе завладели, многих татар убили, а остальных под твою государеву власть привели. Будь, государь, здоров и долговечен на Сибирском царстве и дай нам своего сильного воеводу и служилых людей».

Когда казачьи послы пришли в Москву и перед царем-государем положили повинную грамоту и другую грамоту — о взятии Сибирского царства, то государь царь и великий князь Иван Васильевич восславил Бога и воздал хвалу атаманам и казакам. И сам царь сказал: «Доблестные атамаңы казачьи Ермак Тимофеевич да Арган Андреевич с вашей доблестной дружиной и с войском казачьим! Да пребудет с вами Божья милость и мое российского государства царское величество. А вся ваша вина вам отпущена целиком <...>». Повелел (государь) казаков взять к себе в царские хоромы за золот стол, и позволил угощать своими царскими угощениями и питьем, и подарками царскими одарил. И послал к ним воеводу князя Ивана Ивановича Киселева да пятьсот стрельцов и приказал по городам скликать вольных <...> служилых людей на государеву службу в Сибирское царство. И с тех пор вплоть до сегодняшнего дня молитвами святых отцов наших покорилося Сибирское царство московской власти. Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. Аминь.

ПУСТОЗЕРСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Пустозерский летописец публикуется по списку ОР ГПБ КП 344, середины XVIII в. Известен по ряду других списков, но все они сильно разнятся в деталях друг от друга. По данному списку публикуется впервые.

С. 216 *О сибирском взятии...*— Повествование в Пустозерском летописце посвящено только взятию города Сибири, столицы Кучумова ханства, сообщениям об этом событии Ивану IV Грозному и посылке первого воеводы. Все события укладываются в период до смерти Ивана IV.

...7096...— Ср. даты появления Ермака на Волге в других летописцах. См. текст на с. 10—12, 39—41, комм. к с. 12.

...атаман Ермак Тимофеев да Арган Андреев...— Другие списки летописца второго атамана называют Аргуном. Имени такого среди атаманов не упоминает ни одна из сибирских летописей. Необычный набор имен атаманов называет еще песня «Ермак взял Сибирь»: кроме Ермака Тимофеевича, здесь Анофрей Степанович и Самбыр Андреевич. Имя Самбур и Аргун созвучны в произношении, отчества у этих атаманов совпадают. Следует также заметить, что в начале XVII в. в Сибири, в Березове (низовья Оби) служат казачьи атаманы Аргуновы.

...полские люди...— Вольные люди, казаки, селившиеся на порубежных землях русского государства в Поле.

...понизовские города...— Здесь — города в низовьях Волги. Низовская земля — Замосковский край; понизовская — та, которая после низовской.

...полские города...— Историческое название в XVI—XVII вв. части территории Дикого Поля, присоединенной к Русскому государству, в бассейне рек Северский Донец, Тихая Сосна, Воронеж. Дикое Поле — степи между Доном, верхней Окой и левыми притоками Днепра и Десны. Осваивалось беглыми вольными людьми, крестьянами и холопами; государство старалось заселить его служилыми людьми (см. СЭ. 1982. С. 395, 1047).

...на Чюсовой, у Строгановых, взяв запасу хлебного...— См. комм. к с. 22.

~~..Великую Пермь...~~— См. комм. к с. 40.

~~...в Перми на Чусовой...~~— Имеется в виду — в Пермской земле, на реке Чусовой.

~~...Аркиш...~~— Иртыш.

~~...прибрав себе волних казаков, служивых людей...~~— См. комм. к с. 110.

~~...И Тобольский за щитом взяша...~~— Здесь, возможно, город на Тоболе, с которым отождествляется Сибирское царство, т. е. град Сибирь.

С. 218 *...послаша к ним воеводу князя Ивана Ивановича Киселева...*— В других списках летописца имена воевод не повторяются; в публикуемом списке можно предположить, что за Иваном Киселевым стоит Иван Киреев, которого называют Погодинский летописец и царская грамота 1584 г. См. также комм. к с. 16.

...да пятьсот стрельцов и повеле... кликать волных... служивых людей...— Челобитные служилых сибирских людей в XVII в. (вплоть до конца 70-х годов) сообщают об их предках, которые «с Ермаком», а другие — «после Ермака в первых сведельцах охотю» пришли в Сибирь, создав там династии служилых людей.

ПРОШЛОЕ

БУДУЩЕМУ

**„ОПИСАНИЕ
СИБИРИ“**

Повествование «О взятии Сибири Ермаком» является начальной исторической частью «Описания Сибири» — сузубо делового обзора возможных путей по Сибири в Китай. Повествование о Ермаке — своеобразная казачья «устная летопись» — по своим фактам и художественной выразительности стоит особняком среди других сибирских летописей.

«Описание Сибири» впервые было напечатано не на русском, а на голландском языке на рубеже XVII — XVIII вв. в составе сочинения амстердамского бургомистра Николая Витзена «Северная и Восточная Тартария». В настоящее время в хранилищах СССР, Германии, Польши, Швеции известно шесть русских списков «Описания Сибири» конца XVII — первого десятилетия XVIII вв. и один список перевода того же времени на немецкий язык.

Из ранних русских списков «Описания...» первым стал известен список из собрания графа Ф. А. Толстого (Сибирские летописи. — Спб., 1807). Рукопись эта в конце XVII — начале XVIII вв. принадлежала политическому деятелю Петровской эпохи Д. М. Голицыну (1665—1737), она имеет экслибрис знаменитой библиотеки, собранной князем в селе Архангельском.

«Описание Сибири» в рукописи Ф. А. Толстого (Д. М. Голицына), по которой мы его и публикуем, расположено среди разнообразных исторических и географических сочинений, политических документов конца XVI — начала XVIII вв.

**ОПИСАНИЕ НОВЫЕ ЗЕМЛИ, СИБИРСКОГО
ГОСУДАРСТВА,
В КОТОРОЕ ОНО ВРЕМЯ И КАКИМ СЛУЧАЕМ
ДОСТАЛОСЬ
ЗА МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО,
И КАКОЕ ТОЙ ЗЕМЛЕ ПОЛОЖЕНИЕ**

7061-м году царь Иоанн Васильевич сам своею персоною со многими войски Казанское царство подкопом под Булат реку и царя казанского Симеона жива взял и, избодя ему очи, в Звенигороде за сторожию жити указал.

А по взятии Казанского царства по двадцети по осми летех з Дону самоволные козак и сатаманом своим Ермаком Тимофеевым сыном вышли на Волгу и многую пакость всякого чина людем руским чинили: грабили и воровством своим проезду не давали,— для чего царь Иоанн Васильевич многие посланки своих ратных людей на них посылал, которых они побивали. И в 7080-м году указал великий государь царь Иоанн Васильевич, всеа России самодержец, из великого своего Московского государства множество ратных людей, водою в судах и горою на конях со всякими воинскими припасы послать на него самовольного атамана Ермака с товарищи, унять их от такова злначинания и самоволства.

Он же атаман Ермак с товарищи своими, слыша великий гнев государя своего и приход многоратных людей Московского государства, убояся и с Волги, не доходя Казанского царства за 60 поприщ, вверх по великой реке Каме поиде судами з дружиною своею храброю, с иноверцами, некрещенными людьми — с подданными прежняго взятого казанского царя Симеона: с

**ОПИСАНИЕ НОВОЙ ЗЕМЛИ, СИБИРСКОГО ХАНСТВА,
В КАКОЕ ИМЕННО ВРЕМЯ И ПО КАКОМУ СЛУЧАЮ
ДОСТАЛОСЬ ОНО МОСКОВСКОМУ ЦАРЮ,
И ГДЕ ТА ЗЕМЛЯ РАСПОЛОЖЕНА**

1553 году царь Иоанн Васильевич сам лично во главе большого войска с помощью подкопа под Булат-рекою (взял) Казанское царство, а царя казанского Симеона пленил и, выколол ему глаза, приказал жить в Звенигороде под стражею.

А после покорения Казанского царства через двадцать восемь лет казачья вольница с атаманом своим Ермаком Тимофеевым сыном с Дона ушли на Волгу и немалый вред людям всяких сословий причиняли: грабили их и бесчинством своим проходу не давали,— потому царь Иван Васильевич часто в походы против них своих ратников посылал, которых те разбивали наголову. И в 1572 году великий государь царь всея России самодержец Иван Васильевич приказал послать из великого своего Московского государства множество ратников по воде в судах и сухопутьем на конях с полным воинским снаряжением против непокорного атамана Ермака и его соратников, чтобы остановить их злодеяния и самоуправство.

И вот, узнав о страшном гневе государя своего и о походе больших сил из Московского государства, тот атаман Ермак с соратниками своими испугался и с Волги, не дойдя 60 верст до Казанской столицы, пошел вверх по великой реке Каме в судах с дружиной своей храброй, с иноверными некрещеными людьми,— поддан-

черемисою, мордвою, вотяками, башкирцами — Камским уездом. А тот народ и доныне глуп: и урядства воинского намале у них. И тако идя Ермак по Каме реке, и по Вятке реке, и по иным многим рекам, те живущия народы покори, и аманатов побра, и ясак с них на великого государя идя взял. И от устья Камы реки, вверх по Каме реке, прошел город Рыбную, Чертово городище, Алабуху, Сарапуль, Осу. Города с уезды побрал и покори под его государское величество.

И прииде по той же реке Каме вверх живущаго мужика Строганова вотчины. А тот мужик Строганов порокою новгородец, посацкой человек, иже от страха смерти и казни великого государя царя Иоанна Васильевича, всеа России самодержца, из Новаграда убежал со всем домом своим в зыряны, сиречь в Пермь Великую, через Великой Устюг на вершину Камы реки, на места изобилныя, на великую реку Каму. И егда к нему, мужику Строганову, прииде атаман Ермак с храброю своею дружиною, и он мужик Строганов, изобилуя богатством своим и славою своею во оной стране и народе, убояся атамана Ермака с товарищи и возвести ему о всем Сибирском царстве и о зверях всяких, что в той стране Сибирской всякого зверя изобилно и люди живущия не храбры. «Мы же от них живем отзде за 1000 поприщ. И ты, атаман Ермак, с товарищи своими послужи великому государю, и государь царь Иоанн Васильевич, всеа России самодержец, милосерд, пожалует вину твою, видя службу твою, и тебя с товарищи твоими простит».

И того ж лета осенью мужик Строганов атаману Ермаку с товарищи велию честь воздаде и на подъем на службу в Сибирское государство всякими запасы, пушками, пищалми, порохом, свинцом и к судовому ходу всякими припасы наделил и отпустил из Камы реки на правую руку к Степи Уткою рекою вверх реки. И оттоле, от Строганова жилища, атаман Ермак с товарищи своими поиде Уткою рекою направо Степью до камня Верхотурскаго <...> И тот камень Верхотурской — через Утку реку, в вершине той реки в лесах страшных.

И Ермак с товарищи своими осеновал до зимнего пути и тем первым зимним путем, водяныя суды по сю сторону оставя, поделав лыжи, нарты з запасы своими прешел тот Верхотурской камень на вершину реки Ницы <...> И от камени Верхотурскаго с вершины

ными бывшего царя Симеона: с черемисами, мордвой, вотяками, башкирами — камскими жителями. А тот люд и сейчас неразумен: порядка в войске мало у них. И так Ермак, идя по Каме-реке, и по Вятке-реке, и по другим разным рекам, населяющие их народы покорил и заложников прихватил, а ясак с них великому государю мимоходом собрал. И от устья Камы-реки, вверх по Каме-реке, прошел город Рыбную, Чертово городище, Алабуху, Сарапуль, Осу. Города с уездами завоевал и подчинил их власти его государева величества.

И прошел выше по той же реке Каме в вотчины зажиточного купца Строганова. А тот купец Строганов происхождением новгородец, торговый человек, который под страхом смерти и мучений от великого государя царя и всея России самодержца Иоанна Васильевича убежал из Новгорода со всеми домочадцами своими к зырянам, то есть в Пермь Великую, через Великий Устюг и верховья Камы-реки, в места привольные, на великую реку Каму. А когда к тому купцу Строганову пришел атаман Ермак с храброй своей дружиной, тот купец Строганов, превосходя богатством своим и известностью своей всех в том крае и в народе, испугался атамана Ермака с соратниками и рассказал ему о всей Сибирской земле и о разных охотничьих промыслах, что в той земле Сибирской всякого промысла полно, а люди, там живущие, не храбры. «Мы же от них находимся в тысяче верст; и ты, атаман Ермак, с соратниками своими послужи великому государю, ведь государь царь всея России самодержец Иоанн Васильевич милостив, отпустит грехи твои, увидев рвение твое и тебя с соратниками твоими простит».

В тот же год осенью купец Строганов атаману Ермаку и соратникам его великую честь оказал и для отправки на службу в Сибирское царство разными припасами, пушками, пищальми, порохом, свинцом и суда всякими снастями обеспечил и отправил из Камы-реки направо к водоразделу в верховья Утки-реки. И оттуда, из поселения Строганова, атаман Ермак с соратниками своими пошел Уткой-рекой направо водоразделом к Верхотурским горам <...> А эти Верхотурские горы — по Утке-реке, в верховьях той реки в лесах дремучих.

И Ермак с соратниками своими переждал осень до санного пути и тем первопутком, речные суда по эту сторону оставя, понаделав лыжи, нарты для своего воинского снаряжения, перешел те Верхотурские горы к

Ницы реки вниз по Нице реке вешним ходом <...> и по иным многим сибирским рекам, с вершины вниз, которые реки все устьем пали в Тобол реку царства Сибирского Кучюма царя, уделных его бояр и княжцов и подданных ево и ясачных, взятием под царское величество в подданство подобрал и аманатов с тех городков ясак взял. И с тех мест <...> доиде до города Тюмени, и город Тюмень с уездом атаман Ермак з дружиною своею храброю войною взял и покорил великому государю.

И то услышав сибирской царь Кучюм, что атаман Ермак с товарищи разстоянием от царства его Тоболска 180 поприщ, нахождением своим и ратным промыслом побрал, ея же беды не возмогши стерпети, послал любимаго своего советника Канцеляя со многими ратными людьми под Тюмень город, дабы того атамана Ермака с товарищи к царству своему не припустить и город Тюмень с товарищи очистить.

Божиею же милостию, и государским счастьем, и святых чудотворцов Росийскаго царства молитвами атаман Ермак с товарищи до Тюмени сибирского царя Кучюма и ратных ево людей, конницы воеводы его ближняго советника мурзы Канцеляя, не допустил за 5 поприщ и многих людей огненным боем побил, а мурзу Канцеляя раненаго жива поймал. Токмо с вестию к царю Кучюму некия немногия люди его возвратишася. Царь же Кучюм, слышав о такой победе советника и ратных людей своих, в велицей бысть скорби и посла по всему Сибирскому царству ко всякого чина людям своим, дабы вскоре к нему без всякого ослушания собралися, и посла вместо царских своих грамот стрелы свои золоченыя, чтоб другой посылки не дожидались, понеже де «идет на нас неведомо какой лютой неприятель».

И то слышав орды сибирския указ царя своего, вскоре в царство его, Тоболеск, безчисленно з женами и детьми своими съехались. Царь же Кучюм, видя многих людей к себе собравшихся, мало от прежде бывшей печали обрадовася и ис Тоболска на всяк день скорых своих посылаше гонцов, слыхати хотя, где неприятель его, Ермак с товарищи, пребывает и камо хочет путь свой и намерение имети. Вестницы же, взявше весть ис Тюмени чрез измену, возвестиша, что «хочет атаман Ермак итти в царство Сибирское, в Тоболеск, на тебя, царя». Услыша то, царь з женою своею

верховьям реки Ницы <...> А от Верхотурских гор по-
ловодьем с верховьев Ницы-реки вниз по Нице-реке
<...> и с верховьев вниз по многим другим сибирским
рекам, тем, которые впадают в Тобол, владения Сибир-
ского царя Кучума, его удельных бояр и князьков, под-
властных ему и платящих ясак, внезапным набегом в
подданство царскому величеству прихватил, а под за-
ложников с тех поселений ясак взял. И оттуда <...>
атаман Ермак с дружиной своей храброй пришел к го-
роду Тюмени и город Тюмень с уездом захватил и под-
чинил великому государю.

Когда сибирский царь Кучум узнал о том, что ата-
ман Ермак с соратниками от столицы его, от Тоболь-
ска, на расстоянии 180 верст, благодаря неожиданному
нападению и военной удаче собрал (ясак), то не смог
вынести такого позора, послал любимца своего боярина
Канцеляя с большим войском к городу Тюмени, чтобы
того атамана Ермака с соратниками к столице своей не
подпустить и город Тюмень с пригородами освободить.

Божиею же милостию, и государевым счастьем, и
молитвами святых чудотворцев Российского государства
атаман Ермак с соратниками войско того сибирского
царя Кучума, конницу воеводы его думного боярина
мурзы Канцеляя, к Тюмени не подпустил за пять верст
и многих воинов ружейным огнем перебил, а мурзу
Канцеляя раненого в плен взял. Лишь кое-кто из его
воинов с вестью к царю Кучуму возвратился. Царь же
Кучум, узнав о таком поражении боярина и войска
своего, был серьезно озабочен и послал по всему Си-
бирскому царству к подданным своим из всех сословий,
чтобы быстро без всяких отговорок к нему собрались,
поскольку-де «идет на нас неведомо какой страшный
неприятель», а чтобы другого призыва не ожидали, по-
слал вместо царских своих грамот стрелы свои позоло-
ченные.

Услышали в ордах сибирских приказ царя своего и
вскоре без счета с женами и с детьми в столицу его, То-
больск, съехались. Царь же Кучум, увидев большое чи-
сло воинов, к нему собравшихся, несколько от своего
прежнего страха опомнился и из Тобольска каждый
день гонцов своих посылал, желая знать, где неприя-
тель его, Ермак с соратниками, находится, и куда путь
свой держит, и какие намерения имеет. Вестовые же,
получив сведения через изменников в Тюмени, объяви-
ли, что «хочет Ермак идти в столицу Сибирскую, в То-

царицею Симбулою и з детми своими сердцем падоша в велий страх и трепет и из царства своего свою жену з детми и кош отпустил на велбудах и на конях горою вверх степью по Ир ти ше реке в любимую свою вотчину на Абалак, идеже ныне благодатию Христовою весь велия православных христиан и церковь каменная пресвятыя Богородицы Обалацкия чудотворныя иконы Знамения пресвятыя Богородицы.

И оттоле, от Тюмени, атаман Ермак с товарищи своими вниз Тоболом рекою на стругах поиде к царству Сибирскому под Тоболеск город <...> И Ермак атаман з дружиною своею, Тоболом плывущи, до Тоболска не доходя 7 поприщ, урочище нарицаемое ныне Шишкина деревня, тамо же стоял и начевал. И назаутрие поутру рано поплыл судамы под горы Тоболския на лужок, где ныне стоят анбары хлебныя государевы. И видя то пришествие козаков и Ермака с товарищи з города з горы, царь сибирский Кучюм выслал з города под гору ратных своих людей с лучным боем многое множество.

Атаман же Ермак, видя то, что еще у царя Кучюма много людей во граде, нежели на выласке, и повеле дружине своей козаком мушкеты свои пыжами зарядить, дабы их от себя вдруг не отстращать. Сибирского же царя Кучюма ратные люди на бой крепко на козаков устремишася. Козаки же, иноверцов из пищалей стреляюще пыжами, ни единого убиша. Они же, то видяще, гнашася за ними до пристани их козацкой и до судов и ни единого козака не раниша. Атаман же Ермак повеле козаком в струги свои отъехать прочь от горы и от пристани на остров итти. И тако козаки прочь от Тоболска в целости отъидоша и на остров против Тоболска, с версту через реку, сутки стояли.

И назаутрие атаман Ермак товарищем своим козаком заповедал всякому, чтоб оружие было чисто, а заряжать бы всякому по два, по три и по четыре железныя жеребья, вместо пуль свинцовых усечки, и быть смелыми сердцем, битися, не щадя голов своих. И поучая их козаков, своих товарищей: «Братия моя милая, атаманы, козаки! Постойте за веру христианскую и послужите царю православному Иоанну Васильевичю, всеа России самодержцу. И за свою вину страдничю, что мы пред ним, государем своим, виноваты и пред всем московским христианством: государскую казну и его государских подданных людей грабили, и мно-

больск, на тебя, царя». Услышав это, царь с женою своею царицей Симбулою и с детьми своими почувствовали в душе своей великий страх и трепет. И из столицы своей (Кучум) свою жену с детьми и военный обоз отправил на верблюдах и на конях сухопутьем вверх по долине реки Иртыша в любимую свою вотчину на (озеро) Абалак, где ныне благодатью Христовой селение большое православных христиан и церковь каменная пречистой Богородицы Абалакской чудотворной иконы Знамения пречистой Богородицы.

А оттуда, из-под Тюмени, атаман Ермак с соратниками своими вниз Тоболом-рекой в стругах двинулся к столице сибирской, под Тобольск город <...> И Ермак-атаман с дружиной своей, плывя Тоболом, до Тобольска не дойдя семи верст, в местечке, которое нынче называется Шишкиной деревней, остановился и заночевал. А на завтра поутру поплыл в судах под горы Тобольские к низкому берегу, на котором сейчас стоят амбары хлебные государевы. И, увидев с горы из города пришедших казаков и Ермака с соратниками, царь сибирский Кучум послал из города под гору на вылазку воинов своих, лучников, огромное множество.

Когда атаман Ермак увидел, что у царя Кучума в городе больше людей, чем на вылазке, то приказал дружине своей, казакам, мушкеты их пыжами зарядить, чтобы сразу от себя тех не отпугнуть. Воины же сибирского царя Кучума на бой мужественно против казаков устремились. А казаки, стреляя в иноверных из пищалей пыжами, ни единого не убили. А те, такое видя, гнались за ними (казаками) вплоть до стоянки казачьих судов, но ни единого казака не ранили. Атаман же Ермак приказал казакам в стругах своих отъехать прочь от горы и от стоянки к острову идти. И так казаки прочь от Тобольска ушли без потерь и на острове напротив Тобольска, с версту по реке, сутки стояли.

А на завтра атаман Ермак всем соратникам своим, казакам, приказал, чтобы оружие было вычищено, а заряжать бы каждому по два, по три и по четыре железных жеребья, вместо пуль свинцовых — картечь, и с храбрым сердцем биться, не щадя голов своих. И учил их, своих соратников: «Собратья мои дорогие, атаманы, казаки! Не дайте в обиду веру христианскую и сослужите службу царю православному всея России, самодержцу Ивану Васильевичу. А за нашу вину смертную, которой мы перед ним, государем своим, и перед всем

гую кровь христианскую пролили, и многия души христианския осквернили,— послужите, государи-братцы, ныне верою и правдою. А когда мы виноватые, ему, государю своему царю, послужим и прибыль учиним, и он, государь наш царь Иоанн Васильевич, за нашу службу пожалует нас, вину нашу страдничю отдаст». И то слыша дружина его храбрая, козаки, от атамана своего Ермака слезы от очес своих, аки реки, испущаху, глаголюще сице: «Во всем, аки Богу, великому государю своему служить рады и головы свои складывати не пощадим, а тебя, аки отца своего, слушать рады: как ты изволишь, тако да и будет». И с того места с острова атаман Ермак с товарищи своими, всего 600 человек, к Тоболску на прежнее место на пристань на лужек поиде.

Царь же сибирской Кучюм с советники своими и с ратными людьми, с города Тоболска видя пришествие козаков и атамана Ермака с товарищи, глагола людем своим: «Поидем, братия, без всякого сомнения и страха, понеже оне нам, поганцы, не могут никакова зла смертнаго сотворити, понеже бози наши с нами, оберегают нас от них. Токмо станте мужественно, а я вас за вашу службу пожалую». И то слышаще людие от царя своего, с радостию на бой все множество из града людей устремишася <...> аки на некое пиршество, друг друга понужающе, все к бою изыдоша. Токмо царь во граде з ближними своими немногими людьми остася, из града з горы вниз на бой зряще. Иноверных же много множество ратных людей снидеся под горою битися с козаки.

Атаман же Ермак глаголаше козаком: «Братия моя любимая, атаманы, козаки, не устрашитесь множества их бусорманского, с нами убо Бог, стойте смело: аще Бог с нами, никто же на ны». И тако атаман Ермак товарищем своим козаком повеле на иноверцов из мушкетов своих заряженных стрелять половине, а другой стоять до исправы. И тако Божиею милостию, и государским щастием, и промыслом и радением атамана Ермака с товарищи сибирских иноверцов — многих орд и язык ратных людей, на том бою побили и живцом взяли, а за досталными побегшими во град вниде. Царь же Кучюм, видя силу свою людей множество побитых, из града с небольшими людьми убежа к жене своей царице и к детям в любимое село свое на Абалак, от Тоболска расстоянием 20 поприщ.

московским христианством виноваты: царскую казну и его царских подданных людей грабили, и обильную кровь христианскую пролили, и многие души христианские погубили,—послужите, государи-братцы, ныне верою и правдою. А когда мы, виновные, ему, государю, своему царю, сослужим службу и пользу принесем, то он, государь наш царь Иоанн Васильевич, за службу нашу помилует нас, вину нашу смертную нам простит». И слыша это от атамана своего Ермака, дружина его храбрая, казаки, из очей своих реки слез пролили, говоря так: «Во всем, словно Богу, великому государю своему царю служить рады и головы свои сложить не пожалеем, а тебе, словно отцу своему, повиноваться рады: как ты изволишь, пусть так и будет». И после этого с острова атаман Ермак с соратниками своими, всего 600 человек, к Tobольску на прежнее место стоянки к низкому берегу подошли.

А царь сибирский Кучум, наблюдая с боярами своими и с ратниками с тобольской городской стены высадку казаков и атамана Ермака с соратниками, сказал людям своим: «Выйдем, собратья, без всякого сомнения и страха, поскольку эти нечестивые нам не могут принести никакой смертной беды, потому что боги наши с нами, оберегают нас от них. Только будьте мужественны, а я вас за вашу службу награжу». И когда такое услышали воины от царя своего, то сразу все воины из города с радостью на битву устремились <...> как на какое-то пиршество, торопя друг друга, все вышли на битву. Только царь в городе с немногими своими придворными остался, из города с горы вниз на бой глядя. И вот великое множество иноверных ратников сошло под горой на битву с казаками.

А атаман Ермак говорил казакам: «Собратья мои возлюбленные, атаманы, казаки, не страшитесь люда басурманского, ибо с нами Бог, будьте мужественны: если Бог с нами, то кто же против нас!» Затем атаман Ермак половине соратников своих, казаков, приказал в иноверных из мушкетов своих заряженных стрелять, а другим стоять наготове. И тогда Божьею милостию, и государевым счастьем, и воинской удачей, и стараниями атамана Ермака с соратниками сибирских иноверцев — разных орд и племен ратников — в том бою поубивали и в плен взяли, а за последними отступающими вошли в город. Как только царь Кучум увидел, что люди в его войске в большинстве перебиты,

А в Тоболске граде у царя Кучюма были две пушки железные литые в четыре аршина длиною, а ядро 20 фунтов. И как с козаками бой был, и в то время велел царь ис тех пушек стрелять на козаков, и пушки стрелбы не дали, и царь разгневался: повеле те пушки с высокия горы вниз в реку Иртиш ввергнути.

Атаман же Ермак с товарищи своими в царстве Сибирском, во граде Тоболску, полтора месяца жил <...> И ис Тоболска из Сибири атаман Ермак с товарищи своими, избрав атамана-козака Грозу Ивановича с товарищи и пять человек козаков послал их к Москве к великому государю царю Иоанну Васильевичю всеа Росии самодержцу. Да с ними ж козаками послал к государю собранныя казны — 60 сороков соболей с пупки и с хвосты, да 50 бобров чернокарих, 20 лисиц чернобурых, — да 3-х человек да с людьми их, ближних приятелей царя Кучюма. И отписку написал к великому государю царю Иоанну Васильевичю, всеа Росии самодержцу, сиче: «Атаман Ермак з дружиною своею храброю, с козаки и с атаманы, об вине своей прислал, чтоб великий государь с Москвы указал послать воевод своих в царство Сибирское городы с уезды принимать и росправу в народе чинить по своему государеву указу».

И посланной из Сибири атаман Гроза Иванов от атамана Ермака Тимофеева с товарищи к Москве с вышеписанною казною приехал, и великому государю царю били челом и милости просили, чтоб великий государь страдничю их вину пожаловал, простил за многия их службы и изволил бы присланную казну у них принять и воевод своих от себя, государя, в нововзятое царство Сибирское, в Тоболск и в города сибирские, для росправы и державы послать. И великий государь в то время в соборной и апостолской церкви со властми и боляры своими молебствовал, и милости у московских чюдотворцов просил, и атамана Ермака Тимофеева, и товарищей ево козаков, дружину ево храброю, за службу их и за радение во всей прежней вине их пожаловал и казну у них принять велел, а их атамана Грозу Иванова с товарищи велел пожаловать, и с ними свое государское жалованье и жалованную грамоту в Сибирь в Тоболск к атаману Ермаку с товари-

так из города с немногими подданными убежал к жене своей, царице, и к детям в любимое селение свое на (озеро) Абалак, от Тобольска на расстоянии 20 верст.

А в Тобольске-городе у Кучума было две пушки чугунные литые, четыре аршина длиной, а ядро 20 фунтов. И в то время как с казаками бой был, велел царь из тех пушек стрелять в казаков, но пушки не выстрелили, и царь разгневался: приказал те пушки вниз с высокой горы в реку Иртыш сбросить.

Атаман же Ермак с соратниками своими жил в столице сибирской, в городе Тобольске, полтора месяца <...> И из Тобольска, из Сибири, атаман Ермак с соратниками своими, избрав атамана — казака Грозу Ивановича с соратниками и пять рядовых казаков, послал их в Москву к великому государю царю всея России самодержцу Ивану Васильевичу. Да с теми же казаками отправил к государю собранный ясак — 60 соболей с брюшками и хвостами, да 50 бобров черно-карих, да 20 лисиц черно-бурых, да трех человек из приближенных царя Кучума со слугами их. А в челобитной написал великому государю царю всея России самодержцу Иоанну Васильевичу так: «Атаман Ермак с дружиной своей храброй, с казаками и атаманами, повинную приносят, чтобы великий государь приказал по его государеву указу из Москвы послать воевод своих в Сибирское царство, города с уездами принимать и суд в народе вершить».

И посланный из Сибири от атамана Ермака Тимофеевича с соратниками атаман Гроза Иванов с перечисленным выше ясаком в Москву прибыл, и великому государю били челом, и снисхождения просили, чтобы великий государь их вину смертную, смиростивился, простил, ради высокого их труда, и повелел бы присланную казну у них принять и воевод своих от себя, государя, послать в только что взятую столицу сибирскую, в Тобольск, и в города сибирские управлять и суд вершить. А великий государь в то время в соборной и апостольской церкви со святителями и духовными чинами своими молебствовал, и прощения у московских чудотворцев просил, и атамана Ермака Тимофеева с соратниками его, казаками, дружину его храбую, за службу их и за преданность, всю прежнюю вину им простил, и ясак у них принять велел, а их атамана Грозу Иванова с соратниками велел наградить и с ними свои государевы подарки и жалованную грамоту послал в Сибирь, в То-

щи его послал. А воеводам своим великий государь указал готовиться зимним путем впредь по указу. А до тех мест указал государь царь Иоанн Васильевич ведать царство Сибирское з города, взятыми атаману Ермаку Тимофееву с товарищи.

И того ж году осенью с Москвы от государя царя з жалованной им грамотою Гроза атаман с казаками к атаману Ермаку в Сибирь приехали, и Ермак с товарищи государственной милости велми обрадовались и на государственной милости били челом до земли и молебствовали о государственном здравии <...>.

По сем же из Tobолска, Сибирского царства, атаман Ермак с товарищи своими по совету, устроив воинским обычаем со всеми припасы, на стругах вверх от Tobолска по Иртишу реке поиде доходить царя сибирского Кучюма и доиде до Сибирки речки, от Tobолска вверх по реке Иртишу 20 поприщ. Речка Сибирка пала устьем в Иртиш под земляной город, идеже царь Кучюм в великом опасении пребываше. И не дошед того места за полтора поприща на той же горней стране под крутым яром Ермак с товарищи своими, вышед ис судов своих ясаулных на берег, поставил на лугу полатки и спал в них. И тогда неприятели со уготовленным войском своим ударили на обоз его атамана Ермака с товарищи. Тогда ж Ермак, ис полатки своей спальней услыша то нахождение иноплеменных на себя, и но чая, что место плохо и стоять невозможно, скочил с яру в судно, в струг свой, и прескочил три струги мочию своею, паде в воду в великую реку Иртиш, в яр, в глубокое место, а на нем в то время два панцыря были, иже утопе абие, и поиде ко дну, аки камень. Дружина же его храбрая с того бою отъидоша в целости, и ни един от них погibe.

После же их отходу козацкого царь Кучюм на том месте, идеже под яром атаман Ермак утопе, повеле рыболовом и людем своим сетми, и баграми, и всякими снастями промышлять, дабы тело Ермака из омута выволочь вон. А кто тело его, Ермака атамана, найдет, и тому царь Кучюм обеща отвес серебра и честь пожаловать: «А как сыщется, велю тело его, вора атамана Ермака, в части изрезать, и сам мясо его с родителми своими стану ясти — такова разорителя своего царства» <...>.

больск, атаману Ермаку с соратниками его. А воеводам своим великий государь приказал готовиться к зимнему переходу, не ожидая указа. А до того времени приказал государь царь Иоанн Васильевич покорёнными городами Сибирского ханства править атаману Ермаку Тимофееву с соратниками.

И в том же году, осенью, из Москвы от государя царя с жалованной грамотой атаман Гроза с казаками к атаману Ермаку в Сибирь приехали, и Ермак с соратниками государевой милости очень обрадовались, и за его, государеву, милость кланялись до земли, и молебен отслужили о здравии государя <...>

А после того из Тобольска, сибирской столицы, атаман Ермак по уговору с соратниками своими, учредив все по закону воинскому, с полным снаряжением на судах от Тобольска вверх по Иртышу-реке двинулся на поиски царя сибирского Кучума и дошел до Сибирки-речки, от Тобольска вверх по реке Иртышу 20 верст. Речка Сибирка впадает в Иртыш около земляного города, где царь Кучум в великом страхе пребывал. И, не дойдя до того города полторы версты, на том же высоком берегу под крутояром Ермак с соратниками своими, выйдя из своих ясаульных судов на берег, поставил на лугу шатры и спал в них. И тогда неприятели со стоящим наготове войском своим ударили по лагерю того атамана Ермака с соратниками. Тогда же Ермак из своего шатра спального услышал, что напали на него иноверные, и зная, что место плохое и выстоять невозможно, прыгнул что есть силы с крутояра в судно, в струг свой, но перескочил через три струга, упал в воду, в великую реку Иртыш, в омут, в глубокое место. А на нем в то время были два панциря, которые тотчас утопили (его), и упал на дно, словно камень. Дружина же его храбрая из того боя вышла целиком, и ни один из них (казаков) не погиб.

И вот после их бегства татарский царь Кучум в том месте, где под крутояром утонул Ермак, велел рыболовам и слугам своим сетями, и баграми, и всякими снастями искать, чтобы тело Ермака из омута вытянуть. А кто тело того атамана Ермака найдет, и тому царь Кучум обещал дать отвес серебра и чином пожаловать: «А как сыщется, велю тело того разбойника на части изрезать и сам мясо его с родичами своими буду есть — этого разорителя моего царства» <...>

НИКИФОР ВЕНЮКОВ. «ОПИСАНИЕ СИБИРИ»

Реконструкция повести о походе Ермака в Сибирь из «Описания Сибири» Никифора Венюкова публикуется по рукописи ОР ГПБ Г.XVII.19, конца XVII в.; исправления по рукописи О.IV.79 конца XVII в., того же собрания. Текст издавался: Сибирские летописи.— Спб., 1907.— С. 367—397.

С. 226 *Описание новья земли...*— Автор использует в своем сочинении, представляющем собой описание пути по Сибири до Китая, источники первых лет покорения и освоения Сибири, поэтому он называет Сибирь «новой землей». Автором этого сочинения считается подьячий Посольского приказа Никифор Венюков; в последней трети века он участвовал в нескольких посольствах в Китай. Однако эта точка зрения в последнее время подвергается сомнению.

В 7061-м году царь Иоанн Васильевич... Казанское царство... взял...— Событию присоединения Казанского царства посвящена «Казанская история», подробно повествующая об истории Казанского царства вплоть до похода Ивана IV Грозного, самом походе и взятии Казани. Текст ее см.: Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века.— М., 1986. См. также комм. к с. 18.

...под Булат реку...— Река Булат, приток р. Казанки.

...царя казанского Симеона...— Здесь имеется в виду казанский царь Ядигар (Едигер) — Мухаммед. Едигер происходил из астраханской ветви татарских царей, был сыном царя астраханского и казанского Касима. В 1542—1549 гг. служил Ивану Грозному. С 1551 года стал казанским царем. После падения Казани был взят в плен и в 1553 г. крещен; получил христианское имя Симеон Касаевич. В конце 50 — начале 60-х годов участвовал в ливонских походах Ивана IV. Умер, согласно известию Никоновской летописи, 26 августа 1565 г., в воскресный день. Еще 12 ноября 1564 г. Симеон Касаевич с боярами сообщали о победе у Озерищ.

...избодя ему очи, в Звенигороде за сторожю жити указал...— Комментарий к предыдущему отрывку текста показывает, что Симеон Касаевич не был ослеплен, а служил Ивану IV еще более 10 лет. Никоновская летопись сообщает, что Иван IV после крещения Едигера — Симеона «учинил его не так, как пленных держать, а как царя и царьского сына по его достоянию» (ПСРЛ.— Т. 13.— Спб., 1904.— С. 230). Похоронен в Архангельском соборе — усыпальнице русских царей. Возможно, здесь речь

идет об ослеплении царя Симеона Бекбулатовича при Федоре Ивановиче, старшем сыне Ивана IV, после убийства его брата, царевича Дмитрия, в Угличе. Симеон Бекбулатович был сыном крымского царевича, в 1561 г. добровольно с семьей выехал служить русскому царю.

...А по взятии Казанского царства...—Только «Описание Сибири» связывает сибирские события с присоединением Казани. К войску Ермака по этой версии присоединяются и некоторые бывшие подданные казанского царя Симеона.

...по дватцети по осми летех з Дону самовольные козаки...—То есть в 1580—1581 гг. Сохранившиеся посольские дела подтверждают существование опальной грамоты 1581 г., упоминавшей среди разбойных казаков Никиту Пана, Ивана Кольцо, Богдана Бурбошу (Брязгу.—?), Савву Болдырю. (Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVIII в.—С. 32—33). См. также комм. к с. 120.

...своих ратных людей...—Здесь имеются в виду нерегулярные войска, так называемые земские, призываемые в случае военной необходимости.

С. 228 *...черемисою...*—Старое русское название марийцев. Говорят на марийском языке финно-угорской группы уральских языков. Традиционные верования включали культ предков; среди восточных марийцев были мусульмане; так называемая «луговая черемиса» (мари Ветлужско-Вятского междуречья) рано приняла православие.

...мордовою...—Здесь имеются в виду представители небольшой этнической группы — каратаи, жившие на территории нынешнего Камско-Устьинского района на территории Татарстана. В основном обращены в православие.

...вотяками...—Удмурты, родственны коми-пермякам; православные, говорят на удмуртском языке пермской подгруппы финно-угорской группы уральской семьи.

...башкирцами...—Башкиры (башкорт), кроме Башкирии живут небольшими группами в нынешней Пермской, Оренбургской, Курганской и др. областях; говорят на башкирском языке кыпчакской подгруппы тюркской группы алтайской семьи, а также на татарском. Верующие — мусульмане-сунниты. В XVI в. насчитывалось множество родоплеменных групп.

...И в 7080-м году...—Судя по предыдущей дате и указанию прошедших после нее лет, здесь должен быть 7088 (1580) г.; вполне возможная ошибка переписчика, т. к. текст этого фрагмента «Описания Сибири», видимо, копировался с какого-то раннего источника.

...А тот народ и донныне глуп: и урядства воинского намале у них...—Автор этого рассказа о походе Ермака должен быть профессиональным и опытным воином, ибо достоинство народов оценивает по существованию у них воинского порядка; он же единственный, кто обращает внимание на достоинства Ермака в тактике ведения боя.—См. с. 232—235 настоящего издания.

...Рыбную, Чертово городище...—Ныне Рыбная пристань; Городище на Каме — ныне на Камском водохранилище.

...Алабуху...—Имеется в виду Елабуга, город на р. Тойме, близ впадения ее в Каму. Основана в XVI в.

...Сарапуль...— Сарапул, пристань на Каме, ныне районный центр Удмуртии. Упоминается в источниках XVI в.

...Осу...— Пристань на Каме, ныне на Воткинском водохранилище. Известна с 80-х годов XVI в.

...вверх живущаго мужика Строганова...— Имеется в виду торговый мужик, купец. Ср. комм. к с. 108. Живущее — земля, действующие варницы, места торговли — все, что облагается налогами (ср.: «В Кромском уезде живущего девять четвертей...», «с варниц и с мельниц, з живущих... оброк в гссудареву казну». — СРЯ.— Вып. 5.— М., 1978.— С. 107). Слово «вотчина» здесь в тексте позднего добавления.

...иже от страха смерти и казни великаго государя... Иоанна Васильевича... из Новаграда убежал...— Здесь, возможно, имеются в виду события 70-х годов XV в., связанные с присоединением Иваном III Новгорода к Московскому великому княжению, но тогда речь должна идти о деде или прадеде, Федоре или Луке, действовавших в последней трети XVI в. Строгановых (Якова, Григория, Семена Аникиевичей). Новгородские же казни Ивана IV Грозного (конец 60-х годов XVI в.) относились уже к тому времени, когда названные Строгановы жили в Пермской земле. Как известно по документам 1472—1478 гг., один из предков Строгановых, Лука Кузьмич, был уже московским жителем, предъявлявшим уже какие-то земельные иски новгородцам, поэтому связывать переселение Строгановых в Пермскую землю с побегом, видимо, нет оснований. Впрочем, казни торговых людей происходили неоднократно и в конце XV, и на протяжении XVI в. Сохранились даже леденящие душу легенды, например, о Иване Грозном и купце Харитоне Белоулине (Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России.— Л., 1988.— С. 133—135).

...в зыряны...— Старинное русское название народа коми. См. комм. к с. 250.

...убежал... на великую реку Каму...— Земли, на которых разворачивали свою деятельность солепромышленники Строгановы, находились ниже Чердыни (Перми Великой), по течению р. Камы и ее притоков. См. также комм. к с. 108.

...изобилуя богатством своим и славою своею... убояся Ермака с товарищи...— Автор этого произведения стоит на той же точке зрения, что и сочинитель Кунгурского летописца (см. с. 252—253): оба признают факт насильственного кредитования казачьего отряда, хотя побудительные причины разные.

...в той стране Сибирской всякого зверя изобилно...— См. комм. к с. 46.

...отзде за 1000 поприщ...— Здесь счет ведется 750-саженной верстой — поприщем. См. комм. к с. 8, 80.

...к Степи Уткою рекою...— К водоразделу (степи) казаки шли по версии «Описания Сибири» рекой Межевой Уткой. В районе нынешнего Висимо-Уткинска по этой версии должен быть волок на реку Тагил, впадающую в Туру.

...Степью до камня Верхотурскаго...— Водораздельный горный кряж в верховьях рек Туры, Тагила, Ницы и др.

...осеновал до зимнего пути...— Пережидая осеннюю распутицу до холодов, которые делали возможным переход по болотистой местности водораздела.

С. 230 *...реки Ницы...*— правый приток Тагила Нейва, которая с р. Реж образует Ницу. В старинных источниках называлась Ницей.

...царства Сибирского Кучюма царя, уделных его бояр и княжцов...— Имеется в виду Пелымское княжество (см. текст с. 196—199, комм. к с. 8), Епанчины юрты (см. комм. к с. 46) и другие, находившиеся в подданстве у царя Кучума.— См. комм. к с. 10.

...мурзу Канцеляя раненаго жива поймал...— В других летописях Ермак берет в плен сборщика податей Таузака (Таусина) и отпускает его с вестью к Кучуму о приходе русского «огненного» войска. Здесь «некие немногие люди его возвратишася». См. комм. к с. 12.

...вместо царских своих грамот стрелы свои золоченыя...— Стрелы с изображением шайтана рассылались Кучумом, а позднее его сыновьями Алеем, Ишимом и др. как призыв к войне, предупреждение об опасности (Дмитриев А. А. Пермская старина.— Пермь, 1897.— Вып. VII.— С. 30).

...орды Сибирския...— У сибирских татар, как и других тюркских и монгольских народов, военно-административное объединение кочевников нескольких родов соответствует русскому княжеству. Орда (Золотая орда, Синяя орда) — слово здесь употребляется в значении государственного объединения нескольких княжеств под эгидой царя как верховного правителя.

С. 232 *...царицею Симбулою...*— Другие сибирские летописи называют иные имена жен Кучума.

...свою вотчину на Абалак...— В 6 верстах от Тобольска, вверх по гористому правому берегу Иртыша, расположено село Абалак. Позднее на этом месте русскими выстроен Абалакский монастырь, названный в честь Абалацкой иконы Богоматери — Знамения. Здесь автор сообщает только о церкви в Абалакской веси (селе), которая была построена еще до Абалакского Знаменского монастыря, в 90-е годы XVI в. См. также комм. к с. 14.

...мушкеты свои пыжами зарядить...— Ручное огнестрельное оружие с фитильным замком; в конце XVI в. использовались мушкеты немецкие и «галанской земли», в начале XVII в. известны уже мушкеты «московского и тульского дела».

...дабы их от себя вдруг не отстращать...— Ермак применяет здесь тактический прием для того, чтобы выманить из крепости большую часть войска и оценить тем самым реальные силы царя Кучума.

...на остров против Тоболска, с версту через реку, сутки стояли...— Остров, о котором идет речь, находится напротив не Тобольска, а Старой Сибири, где первоначально, до строительства Тобольска воеводой Данилой Чулковым (см. комм. к с.), и обосновались Ермак, а затем и государевы воеводы. Сохранилась легенда о видении на этом острове белого и черного зверей и их борьбы, предсказавшей падение Сибирского ханства.

...а заряжать бы... и по четыре железныя жеребья...— Словарь русского языка (Изд. 3-е. М., 1985. С. 478) — Кусочек свинца или другого металла, употреблявшийся вместо пули или дробы. Словарь В. И. Даля дает объяснение, более подробное и

подходящее к значению в тексте: «Отлитая по калибру ружья стопочка вместо пули». Кусочки свинца называются в публикуемом тексте «усечки» (современное наиболее близкое к этому понятие — картечь, картечить — рубить свинец на картечь)..

С. 234 *...20 поприщ...*— См. комм. к с. 8, 80.

С. 236 *...две пушки железные литые в четыре аршина длиною...*— См. комм. к с. 112.

...Грозу Ивановича...— В других источниках он — Иван Гроза, соратник Ермака; его потомки известны в первой половине XVII в. в Сибири — например, Гаврила Грозин, тобольский казачий голова, ходил в 1640 г. с посольством к Девлет-Кирею, калмыкскому царевичу.

С. 238 *...вверх от Тоболска по Иртышу... до Сибирки реки...*— Сибирка впадает в Иртыш около Старой Сибири, знающий хорошо топографию Сибири автор рассказа о походе Ермака не мог допустить такой ошибки. Это, видимо, следствие сокращения источника составителем «Описания Сибири». В результате этого сокращения Ермак гибнет в Иртыше, в глубоком яру, у впадения Сибирки, а не на Вагае.

ПРОШЛОЕ

БУДУЩЕМУ

КУНГУРСКИЙ
ЛЕТОПИСЕЦ

Кунгурский летописец создан не позднее 20—40-х годов XVII в. на основе рассказов очевидцев и участников похода Ермака в Сибирь. Он известен как «Летопись Сибирская краткая Кунгурская» благодаря фрагментам, дошедшим в копии С. У. Ремезова. В 1703 г., выполняя задание Петра I по составлению «Чертежа Кунгурской земли», тот выписал из летописца подробности о пребывании Ермака на Волге и на Чусовой, свидетельство о быте казаков и их нравах, рассказ о походах Ермака по Тавде и Богдана Брызги в низовья Оби, предысторию гибели Ермака.

Кунгурский летописец имеет свою особую версию рассказа о походе Ермака в Сибирь. Это повествование именно о казачьем предприятии, оцениваемом извне кем-то из окружения Максима Строганова, и в то же время описанном со слов очевидцев самого похода. Это наиболее яркий памятник исторического повествования в демократическом направлении литературы Сибири XVII в.

ЛЕТОПИСЬ СИБИРСКАЯ КРАТКАЯ КУНГУРСКАЯ

Начало заворуя Ермака Тимофеева сына Поволскаго. В 7085 и 6-м годех воевал и разбивал на Оке и Волге и на море суды и катарги, торговых караваны в скопе с 5000 человек, хотя итти в Кызылбаши для своей власти з донскими и еицкими. И преж в те лета промчесь воровской слух его в Руси, в Казане и в Астрахане, и что кызылбашских послов пограбили Ермачко именем со многими людьми, у него же было в скопе на море 7000 человек. И то же 86-го октября 1 день послан указ от великого государя со столником Иваном Мурашкиным по дороге и в Астрахань: где тех воров ни застанет, тут пытать, казнить и вешать.

Ермак же советом з дружиною, услыша грозное «слово и дело» августа з 29 числа, и с возвратом здумали бежать в Сибирь разбивать, обратя струги по Волге и по Каме вверх. И тот их государев указ на станах не застал, а коих схватали, тех и приказнили, и кои с ними думали. Ермака же и собрание воеводы не только взяти, но и подумать — сами бежали прочь.

И сентября 26 день объмишенилися, не попали по Чюсовой в Сибирь и погребли по Сылве верх и в замороз дошли до урочища, Ермакова городища ныне сло-

ЛЕТОПИСЬ СИБИРСКАЯ КРАТКАЯ КУНГУРСКАЯ

оявление разбойника Ермака Тимофеева сына Поволского. В 1577 и 8-м годах громил и грабил на Оке, на Волге и на море суда и каторги, купеческие караваны с ватагой в 5000 человек, думая пойти в Кызылбаши вместе с донскими и яицкими (казаками), чтобы господствовать (на море). А прежде тех лет пронесся слух о его разбоях в Руси, в Казани и в Астрахани и что кызылбашских послов пограбил некто по имени Ермачко с большим отрядом, ведь у него в ватаге на море было 7000 человек. И в том же, 1578 (году), 1 октября, послан указ великого государя со стольником Иваном Мурашкиным в Астрахань и по дороге: где тех разбойников ни настигнут, тут (их) допрашивать, бить кнутом и вешать.

Ермак же вместе с дружиной, услышав грозное «слово и дело» августа 29 числа, решил бежать, но с возвратом, в Сибирь разбойничать, повернув струги по Волге и Каме вверх. И тот государев указ их в станциях не застал, а которых схватили, тех и наказали, даже тех, которых только подозревали. А Ермака и все вместе воеводы не смогли не то что схватить, но даже подумать (об этом) — сами бежали прочь.

И сентября в 26 день промахнулись (казаки), не попали по Чусовой в Сибирь, а погребли вверх по Сылве

вет. И идучи у жителей обира хлеба и запасы и тут зимовали. И по за Камени вогуличь воевали и обогатели, а хлебом кормилися от Максима Строганова. И в поход ходиша на вогуличей 300 человек, и возвратишася з богатством в дома своя и на подъем в Сибирь, и к тому приправиша вдоволь легких струг с припасы.

И майя в 9 день доспели обещанием часовню на Городищи том во имя Николы чюдотворца, овии же поплыша съ Ермаком вниз по Сылве до Усть-Чюсовой, овии же остася на Городищи том, с женами и з детьми вечно оселишася. Ермак же з дружиною у Усть-Чюсовой, взявши у Максима запас на проем 5000 человеком и ружье, и молитъствова. В 87 июня 12 день поидоша по Чюсовой вверх до Тагилскаго волока з боем, и вожи ему были зыряне — добрии змерли, а иные бежали, а не знающие не попали в Серебренку в устье, прошли выше в вершину и многие мешкоты в повороте до самой осени. И дошед Серебренки, идоша и тяжелые суды покинуша на Серебренке, и легкие струги таскали чрез волок на Тагил реку. И на Бую городище зимовали, и кормилися вогуличей птицею, рыбою и зверием, яко же и они; и многие суды легкие вновь доспели доволно. И те старые, где они лежат, сквозь их дна дерева проросли.

И в 87-м вниде в слух к самодержцу государю Иоанну Васильевичю, что Максим Строганов тех пресловущих воров, Ермачка Поволскаго с таварищи, з запасы и с ружьем отпустил. И о том к Максиму об отпуске воров слово писано в грамоте сице: «Мужик, помни, да как ты с таким великим и полномочным соседом ссоришь, и какая несостоятельная спона меж нами учинится, и не ведаешь, что я тебе за то учинию. А ежели доброе что в таком случае учинится безпорочно, не ведаешь, чем ты со своими пожалован будешь в твоём опасении». И то писание Максим радостно с печалию принял и прочел слезно, а кь Ермаку в кровопролитии его неуместно писать, и не смел; точно слыхом от приходящих пренесся слово: «Како в воинстве и о всем,

и к заморозкам подошли к урочищу, которое ныне известно как Ермаково городище. И по пути у жителей скупали хлеб и припасы, тут и зимовали. А за Камень ходили воевать с вогулами и разбогатели, а хлебом снабжались у Максима Строганова. И 300 человек сходили в поход на вогулов, возвратились с добычей для самих себя и на дорогу в Сибирь, да к тому же и приготовили вдоволь легких стругов со всем необходимым.

И как только 9 мая закончили в том Городище строить по обету часовню во имя Николы Чудотворца, так одни поплыли с Ермаком вниз по Сылве до Усть-Чусового, другие же остались в Городище том, с женами и с детьми навек поселились. Ермак же с дружиной, взяв в Усть-Чусовом у Максима припасы на пропитание 5000 человек и оружие, молебен отстояли. В 1578 (году) 12 июня двинулись по Чусовой вверх к Тагильскому волоку с боями, а проводники у него (Ермака) были зыряне — надежные поумирали, другие убежали, а несведущие не попали в устье Серебрянки, прошли выше к верховьям и сильно замешкались с возвращением, вплоть до осени. А выйдя к Серебрянке, двинулись (вверх) и тяжелые суда бросили на Серебрянке, а легкие струги таскали через волок на Тагил-реку. И на Буге-городище зимовали, а кормились у вогулов птицей, рыбой, мясом, как и они сами; и частыми набегами (татарские) волости грабили, и пушнины много взяли, и разные суда легкие заново оснастили сколько требовалось. А в тех старых, где они лежат, сквозь их днища деревья проросли.

И в 1579 (году) дошло до слуха самодержца государя Ивана Васильевича, что Максим Строганов известных тех разбойников, Ермачка Поволского с соратниками, с припасами и оружием (в Сибирь) послал. И о той посылке разбойников Максиму такие слова написаны в грамоте: «Мужик, подумай, ведь ты (нас) с таким великим и могущественным соседом ссоришь, и если напрасная вражда между нами начнется, то не представляешь, что я тебе за это учиню. Но если благоприятно все в этом случае уладится, без дурных последствий, не представляешь, чем я тебя и твоих (близких) пожалуйу за твое усердие». И то послание Максим, и радуясь, и печалясь, принял и прочел со слезами, но к Ермаку, который вел кровопролитные бои, писать

слышно, ему в удаче». И о том веселяшеся ему не все туне: запас, и ружье, и подмог, и пушки дал в отъезд.

А в поход Ермак на струги дружине своей у Максима взяв с пристрастием, а не вовсе в честь или взаим, но убити хотеша и жита его разграбить, дом его и при нем живущих разорити в конец. И приступи к Максиму гызом. Максим же увещеваше их Богом и государем, что числом им запасов дати и о том прося у них кабалы: «Егда возвратитесь, на ком те припасы по цене взяти, и кто отдаст точно или с лихвою». Из них же войска паче всех Иван Колцев с есаулы крикнуша: «О мужик, не знаешь ли, ты и тепере мертв, возьмем ты и ростреляем по клоку! Дай нам на росписку по именом на струги поартелно, 5000 по именом на всякаго человека по 3 фунта пороху и свинцу и ружья, три полковые пушки, по 3 пуда муки ржаной, по пуду сухарей, по два пуда круп и толокна, по пуду соли и двум полоти, колико масла пудов, и знамена полковые с ыконами, всякому сту по знамени».

Максим же страхом одержим и с подданными своими отворил анбары хлебные, и по именом полковых писарей и весом успевающе, дающе день и ночь коемуждо по запросу, числом на струги. И струги их грузу знимать не стали и под берегом тонути. Они же приправили набой, излегчили принимать запасов помене по стругом. И управишася вси по совету в путь свой июня в 13 день смиренно и обещася вси Максиму: «Аще Бог управит путь нам в добыче и здравии имать быти, заплатим и наградим по возвращении нашем, аще ли же избиени будем, да помянет нас любовь твоя в вечном успении, а чаем возвращения ко отцам своим и матерям». На Городище же Ермакове с женами зыряне. И книги их писарей и память жилья их: кто имени и отчеством домов, и доныне у Строганова в казне взыскуется.

Было у Ермака: два сверсника — Иван Колцев, Иван Гроза; Богдан Брызга и выборных есаулов 4 человека, тож и полковых писарей, трубачи и сурначи, литавршики и барабаншики, сотники и пятидесятники,

(было) невозможно, да и не смел; только молва донесла весть через пришельцев: «Как в боях, так и во всем, слышно, он (Ермак) удачлив». И оттого радовался он (Строганов), что не напрасно, не попусту запасами, и оружием, и людьми, и пушками снабдил (их) для похода.

А Ермак в поход каждый струг для дружины своей у Максима снаряжал по принуждению, а вовсе не по доброй воле или взаймы, но убить хотел и имущество его разграбить, хозяйство его и при нем живущих разорить вконец. И напал на Максима с угрозами. Максим же убеждал их Богом и государем, чтобы по счету им запасов дать, и для того просил у них кабалу: «Когда возвратитесь, то с кого за те припасы плату взять и как вернете — точно или с прибылью?» Тогда из их войска громче всех Иван Кольцов и есаулы закричали: «Эй, мужик, считай, что ты уже мертв, возьмем и разнесем тебя в клочья! Дай нам под расписку на каждый струг поартельно, всякому человеку из 5000 поименно 3 фунта пороха, свинца и оружие, три пушки полковые, по 3 пуда муки ржаной, по пуду сухарей, по два пуда круп и толокна, по пуду соли и двум (пудам) полотков, несколько пудов масла и знамена полковые с иконами — каждой сотне по знамени».

Тогда напуганный до смерти Максим с помощниками своими отворил амбары хлебные и по росписям полковых писарей, соблюдая вес, выдавал денно и ночью каждому по требованию, общим счетом на струги. А струги того груза не выдержали и под берегом (начали) тонуть. Они же (казаки) нарастили борта, решили принимать на каждый струг запасов поменьше. И решились все единодушно (выйти) в поход смиренно 13 июня и обещали все Максиму: «Если Бог направит путь наш к победе и не погибнем, вернем (все) и возместим убытки после возвращения нашего, если же будем убиты, да упокоит нас прощение твое в жизни вечной, но надеемся на возвращение к отцам своим и матерям». А на Ермаковом городище (живут) зыряне с женами. А расписки их (казачьих) писарей и записи о службе их: кто именно и откуда родом, и до сих пор у Строганова в казне находятся.

Были у Ермака два равных ему (атамана) — Иван Кольцов, Иван Гроза; Богдан Брызга и выборных есаулов 4 человека, столько же и полковых писарей, трубачи и дудари, литаврщики и барабанщики, сотники и пя-

и десятники с рядовыми и знаменщики чином; да три попа, да старец бродяга — ходил без черных риз, а правило правил, и каши варил, и припасы знал, и круг церковный справно знал. И указ на преступление чинили жъгутами, а хто подумает ототти от них и изменити, не хотя быти, и тому по донски указ: насыпав песку в пазуху и посадя в мешок — в воду. И тем у Ермака вси укрепилися, а болши 20 человек с песком и камением в Сылве угружены. Блуд же и нечистота в них в великом запрещении и мерска, а согрешившаго обмывши 3 дни держат на чеппи.

87 году, бывше Ермаку з дружиною, и виде многое собрание кучюмовское, стояще на Карачине озере, обще и в зборе, аки вода колыбашеся. И згониша с острова мурзу Карачю августа в 1 день. И восхотеша возвратитися въспять в Русь, и погребоша вверх по Тавде реке, воюя с устия вверх обои Красноярскую и Калымскую волости и Лабутана со княжцы, и со всеми безотъступно бишася и безвозвратно до Паченки. И ту великий бой бысть, и раниша многих казаков, их же, татар, прибиша до единого, и Печенег княжца убиша, и наполниша трупом езеро, и то слово и до ныне Банное Поганое, полно костей человеческих.

И оттоле погребоша вверх по Тавде, августа 6 день в Кошуки. И приидоша х Кошуку, княжцу Ворлякову, и поймали перваго есаула Ичимка и допросиша: «Есть ли боевые люди?» Он же вся возвестил Ермаку. Ермак же овых из них убил и я с а к взял. Нападе же на них страх велий, и приходяще кланяхуся съ я с а к о м. И все те волости, и с Чандыри, покорил боем и доброволно со старейшинами их.

И в Чандырском городке великое болванское моление, что их абыз, шейтанъшик, могуще демоном чинити дива призыванием жерт их: проклятаго связавше крепко и уткнул саблею или ножом в брюхо скрозь и держат связана, дондеже по вопросу всем скажет. И тогда выдернут из него нож или саблю, шейтанъшик же став, наточит пригорошни крови своей, выпьет и вымажется, будет весь цел, что и язв не знать.

И про возврат Ермаку тот же шейтанъшик сказал, что воротится на Карачино езеро зимовать, и доидет до пелымского княжца, а «чрез Камень де хотя и думаешь, не пойдешь, и дороги нет, а поворотишься и победишь Кучюма и царство возмешь». И о том идолское

тидесятники, и десятники с рядовыми, и знаменосцы по уставу; да три попа, да беглый монах — ходил не в черной рясе, но требы отправлял, кашеварил, и оружие знал и круг церковный хорошо знал. А наказание за преступление учиняли плетью; а кто, не желая быть с ними, задумает бежать и покинет их, и тому наказание по-донски: насыпав песку за пазуху и посадив в мешок — в воду. И оттого (воины) Ермака стали надежнее, ведь более 20 человек с песком и камнями в Сылве утоплены. Блуд и распутство у них под большим запретом и греховны, а согрешившего, обмыв, три дня держат на цепи.

В 1588 году, когда Ермак и его дружина стояли у Карачица озера, то видели большое войско кучумлян: все вместе в сборе, словно вода, колыхались. И в 1 день августа изгнали с острова мурзу Карачу. И захотели возвратиться в Русь, и погребли вверх по Тавде-реке, с устья вверх, сражаясь в обеих, Красноярской и Калымской, волостях, с Лабутаном и князьками, и со всеми упорно и решительно бились до Паченки. И здесь тяжелый бой был, и ранили многих казаков, а вот татар перебили до единого, и Печенег-князька убили, и наполнили озеро трупами, и то до нашего времени известно как Банное Поганое, полное костями человеческими.

И оттуда 6 августа погребли вверх по Тавде в Кошуки. Пришли к Кошуку, к князю Ворлякову, и схватили старшего есаула Ичимка, и допросили: «Есть ли войско?» И тот обо всем поведал Ермаку. Ермак же некоторых из них побил и ясак взял. И охватил их великий страх, и, приходя с ясаком, били челом. И все те волости, вместе с Чандырями, захватил (Ермак) оружием или по доброй воле их предводителей.

А в Чандырской крепости большое мольбище языческое, потому что их абыз, шайтанщик, может творить чудеса, при помощи демонов взывая к жертвам их: связав нечестивого крепко, проткнут брюхо саблей или ножом насквозь и держат связанным, пока каждому на вопрос не ответит. И тогда выдернут из него нож или саблю, а шайтанщик, встав, нацедит в пригоршни свои крови, выпьет и вымажется, (и тот) будет снова цел, словно раны и не было.

А про возвращение Ермаку тот же шайтанщик сказал, что воротится на Карачино озеро зимовать, а дойдет до пелымского князька, а «через Камень-де, хоть и

пророчество збылося. А о смерти его не сказал. И взял я сак, ехал. И идоша до городка Табаринца Бия, и ту бой на малые часы, потому что Ермак не становился долго и ворочается за ясаком — что мимоходом урвал, то и наша добыча. И ту убиша багатыря две сажени высоты, и хотеша жива свести с собою, но не дался — ухватом человек десять загребет и давит, и того застрелиша на чудо.

И доидоша до пелымскаго княжца Патлика, и с ним велий бой починиша — за многолюдство и пустой шум, ибо толико отобралися одне мужики на бой, а жены их и дети свезены в разстояние на Конду реку в урочище неприступное. И едины бойцы остахся у рыбных ловль. И тех Ермак с таварищи прибили до единого. И по допросом пути нет за Камень в Русь. Возвратишся вниз по Тавде октября в 4 день, обирающе хлеб въ ясак, провадиша в зимовье Карачинское со многими припасы сушеными, и привозшиков, отпустиша их восвояси. И тот збор — первой ясачной хлеб в Тоболску. И доныне хлеб, и денги, и куны те в месте Ермакова прибору.

И приехали на Карачино ноября 8 день и всегда покушашеся напустить на Кучюма, и час воли Божии по урадом не подошел, вси беша во опасении, и тако в помыслех и в походах озимеша, беруще ясак: рыбу и мяса на пропитание, скрывающе в улусех.

90, марта 5 день, послаша Ермак вниз по Иртышу реке в Демьянские и в Назымские городки и волости пятидесятника Богдана Брязгу с пятьюдесятью человеки, все Назымские волости пленить, и привести к вере, и собрать ясак вдоволь ро́складом поголовно. И приехав в первую Аремзянскую волость, и городок крепкий взял боем, и многих лутчих мергеней повесил за ногу, и розстрелял. И ясак собрал за саблю, и положил на стол кровавую, и велел верно целовати за государя царя: чтоб им служить и ясак платить по вся годы, а не изменить. И взяли у них в Сибирь ясак и запас хлеба, и рыбы, и отослали в город. И того страху вси иноземцы ужаснулись, и за страх грозы не смели не токмо руки поднять, ниже слова молвить во всей волости Надцынской. И добралися до Тургайскаго городища, и собранные ту учинили с ними бой, и того же

намереваешься, не пойдешь, и дороги нет, а вернешься, и победишь Кучума, и царство возьмешь». И то языческое предсказание сбылось. А о смерти его (Ермака) не сказал. И, собрав ясак, (Ермак) отъехал. И подошел к крепости Табаринца Бия, а бой был здесь коротким, потому что Ермак надолго не останавливался и не возвращался ради ясака: что мимоходом урвал — то и наша добыча. И здесь убили богатыря двусаженного роста, а хотели в плен взять, но не дался — в охапку сгребет человек десять и давит, и того чудом убили.

И дошли до пелымского князька Патлика, а с ним долгий бой начали — людей множество, а шум пустой, так как отобрались одни мужики на бой, а жены их и дети были отвезены далеко на реку Конду в неприступное урочище. Остались одни охотники ради рыбного промысла. И тех Ермак и его соратники поколотили всех. А по расспросам пути через Камень в Русь не оказалось. Возвратился (Ермак) в низовья Тавды 4 октября, беря ясак продовольствием, а поставщиков, которые сопровождали в зимовье Карачинское разные сухие припасы, отпустил восвояси. И те поборы — первое ясачное продовольствие в Сибири. Да и сейчас продовольствие, и деньги, и куны такие же (платят) в местах Ермаковых поборов.

И приехали в Карачин 8 ноября и все время хотели попытаться напасть на Кучума, но назначенный час суда Божьего не пришел, все были осторожны и так в думах и в походах провели зиму, собирая ясак, рыбу и мясо на пропитание пряча в тайниках.

В 1582 (году), 5 марта, послал Ермак в низовья Иртыша в Демьянские и Назымские крепости и в волости пятидесятника Богдана Брязгу с пятьюдесятью человеками — все Назымские волости завоевать, и привести к присяге, и собрать ясака вдоволь на каждого, по уговору. И, приехав в ближнюю Аремзянскую волость, острожек укрепленный с боем взял, а многих лучших стрелков из лука повесил за ногу и расстрелял. И ясак собрал «за саблю», и положил на стол кровавую, и приказал в верности присягать государю царю: что они должны служить, и ясак платить каждый год, и не предавать. И взяли у них для Сибири подати и запасы хлеба и рыбы, и отослали в город. И от той угрозы все иноземцы оробели, и под страхом наказания не смели не только руки поднять, но даже слова молвить во всей волости Надцынской. И до Тургайского городища

часа побеждены суть, и с князьков их и с начальных со всех ясак взят вскоре.

И доехали конми до усть Демьянки реки, до болшево их зборнаго княжца Демаяна. И город их велик и крепок, и в зборе 2000 татар, и вогуличь, и остяков. Приступали по три дни, не могли попасть в крепость горы, и хотяше возвратитися, и думали: «Как взять, и се роспутица ходу и голод близ». И спрашивали у тех, кои приехали с ними в подводах и съ ясаком, како молятся. Един же в них, чювашенин, был у Кучюма рускаго полону, сказал: «Молятся де они рускому Богу, и тот де русской Бог литой золотой в чаше сидит. И в ту де чашу наливши воды, пьют и зовут его Христом, а сказывают де, привезен от Владимирова крещения, и для того живут смело. Отпустите де меня к ним, и я де могу его унести, и что они думают, скажу вам все».

И в вечер дни пошел, и поутру рано в табары пришел, сказал: «Ворожат де и говорят: «лутче де нам здатся живым,— и на том де у них и положено. А бога де их взять не мог, против де его вси сидят и молятся, и стоят, а он де поставлен на стол и кругом горит жир, и курятся серою, аки в ковше».

Егда же начахом приступати а н на косогор, они же видя, мнози разбегошася с роды в дома своя, иных князей Романа Славнаго. И ту в городке шерстова-ли и я с а к взяли и весновали, а молбища не сыскали.

И по поле воде доспели себе легкие струги, и поплыша вниз, с покорных беруще ясак. Роман же, князь их лутчей, бежал с жилья своего вверх по Ковде к Пелыми с родом своим лыжами и нартами. Егда же доплыша Рачева городища, и ту котелние шейтаньши-ки — збиратели со всех юрт на молбище кь шейтану Рачю, и в зборе их многое,— вси утекоша в лес до единого, в частой ельник, и жертву покинуша всю. И ждаша судки и не дождався, ехали, собираючи ясак.

Прочие же скопишася между дву мысов горы Иртыша выше Цыньялы реки, злобящися в уском месте, мняще, что бог их казаков стругами не пропустит дале ехать вниз, ту остановит, да побьют всех. И умыслиша в ущине оружье себе коварно, крюки и укрюки, засеку

добрались; собравшиеся здесь начали с ними бой, и в тот же час были побеждены, и с князьков их, и с подчиненных со всех ясак был взят вскоре.

И доехали верхом до устья реки Демьянки, до главного их общего князька Демаяна. А город у них большой и укрепленный, а в нем вместе 2000 татар, и вогулов, и остяков. Приступом брали три дня, не могли одолеть высоты крепости, и хотели повернуть назад, и думали: «Как возьмешь, тут и распутица на дорогах, и голод близок». И спрашивали у тех, которые приехали к ним с лошадьми и с ясаком, как молятся. Один же из них, чуваш, был у Кучума из русских пленников, сказал: «Молятся-де они русскому Богу, и тот-де русский Бог из литого золота в чаше сидит. А в ту-де чашу, налив воды, пьют и называют его Христом, а рассказывают-де, привезен (во времена) Владимирова крещения, а потому живут безбоязненно. Отпустите меня к ним, и я-де могу его унести, и чего они замышляют, все расскажу вам».

И к вечеру вышел, а поутру рано в лагерь вернулся, сказал: «Ворожат-де и говорят: лучше-де нам сдать-ся в плен,— и на том-де они и порешили. А бога-де их взять не мог, против-де него все сидят, и стоят, и молятся, а он-де поставлен на стол, и кругом горит ворвань, и курят серой в чем-то похожем на ковш».

Когда же они увидели, что мы подступили аж к косогору, то разбежались с семьями своими по владениям некоторых из князей Романа Славного. И здесь в крепости приняли клятву на подданство, и ясак взяли, и промышляли зверя, а мольбища не отыскали.

И по вешней воде снарядили для себя легкие струги и поплыли вниз, с подданных собирая ясак. Роман же, князек их самый главный, бежал из своих юрт в верховья Ковды к Пелыму всем родом своим лыжным и нартенным путем. Когда же (казаки) доплыли до Рачева городища, здесь были артельные шаманы — сборщики со всех юрт (жертв) на мольбище к шаману Рачу, и их многочисленное сборище — все до единого убежали в лес, в частный ельник, и жертвы побросали. И ждали (казаки) сутки, и не дождавшись, двинулись (дальше), собирая ясак.

Другие же, желая отомстить, собрались между двух мысов высокого берега Иртыша выше Циньялы-реки, в ущельи думая, что их бог струги казаков не пропустит двигаться дальше вниз, здесь остановит, вот и перебьют

и веревки, да удержат. Богдан же с товарищи, слыша скоп их зле, остановишася и молебъствоваша. И на восходе солнца пустишася на поплаве. И доплыша ту быстрины, остяцы же крюками своими и укрюками хотя хапати, они ж удариша вокруг из ружья на обе стороны, и повалишася, собою мятуще друг друга. И проплыша до Цыньялы и Нарымьскаго городка, а в городке точию жены их и дети и от страха омертвеша, плача, крича и бегая. Тии же вымышленники в вечеру приходяще един по единому, оглядаяся. И виде, яко не бьют жен их и детей, точию ласкают, во утрии собирашася со вси, овии же разыдошася, оставшие же любезно данью и ясаком поклонишася.

Прияше же ясак майя в 9 день и поплыша вниз до Колпуховы волости и сотника их и молбища шейтанскаго, и учиниша бой часа с три, и видеша убиенных, и здашася, и ясак даша довольно. И того числа поплыша до Колпухова городка, беруще ясак з боем и без бою. И майя в 20 день доплыша до Самара княжца, и ту в зборе 8 княжцов, ждуще побити силою. Богдан же с таварищи, моляся Богу, в день неделный приплыша протокою под самой Самар и засташа многих остяков на карауле спящих твердо без опасения. Егда же на стоящих удариша из ружья и убиша княжца Самару и с родом его, прочие же в собрании в разбех разлучишася по своим жильям. А жителей осталось малое число, и принесоша ясак с поклоном, и шерстоваша ту. Богдан же поживе неделю и поставиша князя болшего Алачея болшим, яко богата суца, и отпустиша со своими честно.

И оттоль поидоша на Обь, и виде много пустова места и жилья мало, и присташа на Белогорье. Ту бо у них молбище большее богыне древней: нага с сыном на стуле сидящая, приемлюще дары от своих. И дающе ей статки во всяком промысле, а иже кто по обету не даст, мучит и томит; а хто принесет жалеючи к ней, тот пред нею пад, умрет, имяше бо жрение и съезд великий. Егда же вниде им в слух приезд Богдана, велела спрятати ся, и всем бежати; и многое собрание кумирское спряташа и до сего дни.

всех. И придумали в теснине оружие себе хитроумное: багры и веревки с крючьями, засеку и цепи, чтобы остановить (казаков). Богдан же и его соратники, слыша их нечестивое сборище, остановились и отслужили молебен. А на восходе солнца начали сплавляться. И когда подплыли к той стремнине, то остяки баграми своими хотели (их) схватить, но они неожиданно ударили в обе стороны из ружей, и (остяки) попадали, подминая друг друга. И прошли до Циньялы и Нарымской крепости, а в крепости только жены их и дети, и (те) умирали от страха, плача, крича и бегая. А те изобретатели, повечеру возвращаясь один за одним, осматриваясь и видя, что не обижают их жен и детей, только утешают, к утру собрались все вместе: некоторые разбрелись, а оставшиеся по своей воле подарками и ясаком поклонились.

А 9 мая взяли ясак и поплыли вниз к Колпуховой волости, к сотнику их и мольбищу бесовскому, и вели бой часа три, и видели (остяки) убиваемых, и сдались, и ясак принесли щедрый. И в тот же день поплыли вниз к Колпуховой крепости, беря ясак с боем и без боя. А мая в 20 день доплыли до князька Самары, и здесь собрались 8 князьков, желая одолеть (казаков) силой. Богдан же с соратниками, молясь Богу, в воскресный день проплыли протокой к самому Самару и застали большинство остяков спящими в карауле крепко без страха. Когда же по тем караульным выстрелили из ружья и убили князька Самару, а также близких его, то остальные из собравшихся бросились врассыпную по своим юртам. А жителей осталось очень немного, и принесли ясак с покорностью и присягнули на верность. Богдан же пожил неделю, поставил знаменитого князя Алачея старшим, потому что был богат, и отпустил (его) с ближними как подобало.

И оттуда прошел к Оби и, увидя незаселенные места и редкое жилье, остановился на Белогорье. Тут было у них мольбище великое богине древней: нагая, с сыном на стуле сидящая, принимающая от своих жертвы. И жертвуют ей часть от любой добычи, а если кто по обету не пожертвует, того мучит и сушит, а кто принесет ей жалея, тот, перед ней упав, умрет; ведь имела жрецов и общину многочисленную. Когда же дошло до их слуха о приезде Богдана, то велела спрятать себя, а всем бежать, и огромное мольбище идольское скрыла вплоть до сего дня.

Богдан же виде пустоту жилья и размыслиша с товарищи: «Ехать дале не по што», — и возвратишася, пождав на месте три дни, в Сибирь град. А кои бои и были по дороге, на низ пловучи, и тех всех описать трудно подробну: вои убитых нет, а раненых — каждой многаши. И приехали в радости майя 29 день съ ясаком. И едучи по погромленным городкам, смотря. Мнози утвердишася жити постоянно во всем покорни, встречающе и провожающе казаков и с провожатыми — честно. А егда же приносяще ясак, и приемъшики вси в наряде — в цветном платье, чтуще честь царскаго величества славу. И со зборщиками доехавши къ Ермаку здраво и в честности, в радости вси прославиша Бога.

По взятии Сибири 92-го, августа 6 день, по ведомости оманшиков поехали Ермак с казаки с тремя сты человек стретить прикочевных бухарцов со многими тавары: «а Кучюм де стоит далече в урочище Вагая реки». Егда же поидоша вверх по Иртышу, и все волости покорни беша во всем, а слыху никакова о Кучюме и бухарцах не обретоша. И погребли вверх по Иртышу до Сартезеря и до болшого князя Бегиша Княжева городка и ту учиниша великий бой со зборными татарами и с карачинцы. У Бегиша же две пушки железные из Казани привезены, их же казаки умолвиша, и не моглоша лунуть на казаков вдругорядь, и спехнуша их прямо въ Иртыш под гору. И ту прибиша всех съ ярости без остатку, а малое число утекли; и взяша имения много и закопаша в погребы с пожитки. И погребоша к Шамше и к Рянчикам, и в Салахе беша малой бой; и погребоша в Каурдак, ту бо татары вси спряташася в темной ельник и болота; и догребоша до старости древняго поставления царя Саргачика Ишимскаго, и з боем взяша его, смиряюще.

И оттоль — до Тебенди, словет нижней городок князика Елыгая, и тут есаул в малолюдстве; и слыша и виде, что Ермак покорных не убивает, принесли дары и ясак, что яко прежде требовал: что доброе — в честь. И привел ему прекрасную дочь свою в честь и в дар, Ермак же не принял и отверг и прочим запретил. Ея же доступал Кучюм за сына своего взять, та бо девка роду ханска Саргачика царя прекрасна. И оттоль по-

Богдан же, не увидев жилья, рассудил с товарищами: «Ехать дальше не за чем»,— и возвратился в город Сибирь, побыв в том месте три дня. А какие бои и были по дороге, когда плыли вниз, то те все и описать трудно подробно: воинов убитых нет, а раненых — каждый по многу раз. И довольными вернулись 29 мая с ясаком. А когда ехали мимо завоеванных крепостей, то осматривали (их). Многие (остяки) решили жить в них постоянно, полностью покорившись, встречая и провожая казаков даже с провожатыми — честь по чести. А если приносили ясак, то приносившие все были в парадной одежде — в цветном платье, отдавая должное славе и чести царского величества. И, приехав к Ермаку со сборщиками (ясака) во здравии и с честью, с радостью все восславили Бога.

После взятия Сибири, 6 августа 1584 (года), по ложному донесению: «Кучум-де, стоит далеко в урочище на Вагае-реке»,— поехали Ермак и казаков триста человек встретить прикочевавших бухар с многочисленными товарами. Когда же пошли вверх по Иртышу, то все волости выказывали им покорность во всем, а слухов никаких о Кучуме и бухарцах не обнаружили. И гребли вверх по Иртышу до Сартезеря и Княжева городка, знаменитого князя Бегиша, и здесь начали бой долгий со сборными (войсками) татар и карачинцев. У Бегиша же две пушки чугунные из Казани (были) привезены, их же казаки заставили замолчать, и не смогли выстрелить в казаков вдругорядь и спихнули их прямо в Иртыш под берег. И здесь побили (казаки) всех в ярости без пощады, и мало кто от них убежал, и захватили большую добычу, и спрятали в погребах с пожитками. И прошли до Шамши и Рянчиков, а в Салахе был короткий бой; и поднялись до Каурдака, но здесь татары все попрятались в темный ельник и в болота; и подошли к поставленному в глубокой древности царем Саргачиком укреплению, и с боем захватили его, покоряя.

А оттуда — к Тебенде, так называется нижняя крепость князька Елыгая, а в ней есаул и небольшое войско; слыша и видя, что Ермак покорившихся не убивает, принесли подарки и ясак, такой же, какой и раньше брался: что лучшее — в дар. И привел ему прекрасную дочь свою по доброй воле и без выкупа, но Ермак не принял, а отверг и другим запретил. Ее сватал Кучум за сына своего, ведь та девица из рода царя Саргачи-

гребли до усть Ишиму, и на усть Ишиму бой великой, яко не оружием, но руками: хто кого может. И в том бою убито Ермаковых казаков 5 человек, и одолеша бусурман, а своих погребоша. И от тех пяти человеках татара поют с плачем при беседах в песнях, припеваючи: «Яным, яным, бишь казак, бишь казак»,—сиречь: «Воины, воины, пять, пять человек победиша и разориша». И сия песня словес Царицын плачь.

И оттоль ехаша в городок Кулары, и той опасной крайной кучюмовской от калмык, и во всем верх Иртыша крепче его нет. И того Ермак, приступающе 5 дней, взяти не мог и оставил, говоря: «Назад де воротятся приберем». И погребоша к Ташатканскому городку. И в том городке спал камень с небеси, величество как бы воз с санми, видом багров, и «от него де временем возходит стужа, дождь и снег». И о сем Ермак с таварищи дивилися Божию деянию. Сущи же жители во всем покорны и, еже требовал Ермак, все отдали, потому что застращаны и бои вси на Сибири и под Чюваши видели, и бежали к сродичем, ту живущим. И размышляюще вси, яко не слыхали о Кучюме и бухарцах николи, и где бы весть перенять.

И поидоша до Усть-Шиштамаку и ту, конечно, обретоша беглецов и карачинцов, и кои беглецы были у Ермаку в полону, узнали его, что у него в стану жили. И та словес волость жителей—туралинцы. И видеша вси, яко зело скудни, и ничим их вредиша. И оттоле возвратишася на низ вскорости. И в Ташаткане сказали им, что пришли бухарцы в Сибирь, погребаячи все городки и волости до усть Вагаю реки. И погребоша вверх по Вагаю реке с поспешением до Агитьскаго городка в трудности, и ничто же обретоша, ни слыху, ни виду видеша. И изождав, поворотилися вниз до устья и остановилися, не внимая назирателя Кучюма и Карачи, ведомых воров, стояще в прикрыте за речкою в трех верстах и менши, в темном диком суземье, при речке крутой и томкой велми. По ней же Кучюм учинил брод широкой, как в три или в четыре телеги проехать, в одном месте камнем и песком засыпал плотно, а хто не угодает, утопает <...>.

ка очень красива. И оттуда гребли к устью Ишима, а в устье Ишима (был) бой жестокий, что не только оружием, но и врукопашную (бились): кто кого одолеет. И в том бою убито из Ермаковых казаков 5 человек, но одолели (казаки) басурман, а своих погребли. И тех пятерых человек татары оплакивают, на сходах в плачах, причитая: «Яным, яным, бишь казак, бишь казак», — то есть: «Воины, воины, пять, пять человек одержали верх и причинили горе». И эту причеть их называют Царицын плач.

И оттуда ехали в крепость Кулары, а та Кучумовская (крёпость) сторожевая, на границе с калмыками, и по всему верховью Иртыша крепче ее нет. Ее-то Ермак, осадив, не смог взять 5 дней, и оставил, говоря: «Назад-де вернемся, завладеем». И пошли на веслах к Ташатканской крепости. А на ту крепость упал камень с небес, величиной с крытый зимний воз, багрового цвета, и «от него-де временами исходит холод, дождь и снег». И тому Божьему творению Ермак и его соратники удивлялись. Жители же были во всем покорны и, что требовал Ермак, все отдали, потому что запуганы, ведь все бои около Сибири и под Чувашевым видели и бежали (оттуда) к сородичам, здесь живущим. И обсуждали все, что не слышали о Кучуме и бухарцах: ничего, да и от кого ту весть получить.

И прошли до Усть-Шиштамака и здесь напоследок обнаружили беглецов и карачинцев, а те из беглецов, которые были у Ермака в плену, узнали его, потому что у него в стане жили. А называются жители той волости — туралинцы. И видели все, что очень бедны, и не причинили им ущерба. И оттуда быстро возвратились к низовьям. А в Ташаткане им сказали, что пришли бухарцы в Сибирь, пройдя все селения и волости до устья реки Вагая. И прошли вверх по реке Вагаю, поспешая без усталости к Агитскому городку, но никого не обнаружили: слыхом (не слыхать), видом не видать. И, прождав, повернули вниз, к устью, и остановились, не замечая караула Кучума и Карачи, известных злодеев, стоящих в укрытии за рекой в трех верстах или меньше, в темном, диком, дремучем лесу, у речки, быстрой и очень глубокой. Через нее Кучум сделал брод широкий, как если бы в три или четыре телеги ехать, в одном месте камнями и песком засыпал плотно, но кто не попадет, утонет.

КУНГУРСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Кунгурский летописец, дошедший до нас в отрывках, публикуется по рукописи С. У. Ремезова — БАН СССР, 16.16.5. Утраты текста компенсируются списком ЦГАДА, ф. 181, портфели Миллера, № 272/502. Кунгурский летописец издавался дважды: Сибирские летописи.— Спб., 1907; Летопись Сибирская краткая Кунгурская.— Спб., 1880 (так называемое издание А. Зоста).

С. 248 *...Ермака Тимофеева сына Поволскаго...*—См. комм. к с. 10.

...катарги...— Гребные суда, род галеры.

...в Кызылбаши для своей власти з донскими и еицкими...— Кунгурский летописец разрабатывает фольклорную версию о задуманном совместными казачьими силами походе в Персию. Народная молва и некоторые сибирские летописцы считали Ермака предводителем всей казачьей вольницы: волжских, донских и яицких (с р. Урал) казаков.

...со столником...— Стольник — младший придворный чин.

...по Чюсовой...— См. комм. к с. 66, 68.

...по Сылве...— См. комм. к с. 114.

...в замороз...— Первые осенние заморозки.

...Ермакова городища ныне словоет...— Укрепление, зимняя стоянка Ермака; позднее — опорный пункт Камской вольницы.

С. 250 *...и по за Камени вогуличь воевали...*— См. комм. к с. 8.

...от Максима Строганова...— См. комм. к с. 108.

...часовню на Городищи том...— Молельня, небольшая церковная постройка без алтаря. Еще в XIX в. эта часовня на р. Сылве, в районе деревни Петушки, была известна как «Ермакова» (Весновский В. А. Путеводитель по Уралу.— Пермь. 1898.— С. 66).

...до Тагилскаго волока...— Место наибольшего сближения р. Серебрянки (Камско-Волжского бассейна) с р. Тагил (бассейн Оби — Иртыша), удобное для переброски небольших судов.

...в Серебренку...— См. комм. к с. 68.

...зыряне...— Обычно коми-зыряне, населяющие ныне Коми ССР, здесь — коми-пермяки.

...да как ты с таким великим и полномочным соседом соорись...— После 1571 г. до похода Ермака отношения хана Кучума с правительством Ивана Грозного были крайне неустойчивы. Царь Кучум действует по принципу: «И ныне похощь миру, и мы

миримся, похощь воевать — и мы воюемся». Иван Грозный относится в это время к сибирскому вопросу настороженно, но заинтересованно. В этом свете вполне в духе времени читается приводимая здесь грамота Ивана Грозного к Максиму Строганову, даже если она носит вымышленный характер.

С. 252 *...Иван Кольцев...*— Один из пяти атаманов Ермака. См. комм. к с. 10.

...сь есаулы...— Войсковые помощники атамана.

...и двум полоти...— Полоть — половина говяжьей, вдоль разрубленной, туши; в Сибири полтевое мясо — вяленое.

...подмог...— Помощь, здесь — помощь людьми. В ряде сибирских летописей сообщается, что, кроме припасов и оружия, Ермак получил от Строгановых пополнение воинскими людьми и проводников.

...набой...— Доски, прибиваемые к бортам небольших судов для увеличения их грузоподъемности.

...Иван Гроза...— Один из пяти атаманов Ермака. См. комм. к с. 10.

...Богдан Брызга...— Казачий пятидесятник, с именем Богдана Брызги встречаются и иные сибирские летописи. См. комм. к с. 74.

С. 254 *...старец бродяга — ходил без черных риз...*— Беглые монахи обычно не носили монашеских одежд.

...круг церковный...— Свод правил годичной церковной службы.

...мурзу Карачю...— Мурза — титул феодальной знати в татарских государствах. См. также комм. к с. 12.

...Лабутана со княжцы...— Хантыйский князь, в «Истории Сибирской» С. У. Ремезова назван «Лабутой».

...абыз...— Здесь — шаман, жрец. См. также комм. к с. 22.

...шейтанъшик...— Шайтан — в мусульманской мифологии — злой дух, дьявол; здесь использовано как бранное слово в адрес совершающего камлание (лечение) шамана.

...через Камень...— См. комм. к с. 48.

С. 256 *...до пелымскаго княжца Патлика...*— Патлик — князь манси, вассал Кучума.

...на Конду реку...— Приток р. Иртыша.

...в Демьянские и в Назымские городки...— Городки князей Бояра и Ичигея. См. также комм. к с. 16, 84.

С. 258 *...большево их зборнаго княжца Демаяна...*— Имеется в виду князь Бояр. См. комм. к с. 198.

...вверх по Ковде...— Видимо, речь идет о р. Тавде, в которую впадает р. Пелым.

...в ущине...— Ущина — узкое русло реки со стремительным течением и отмелями вдоль берегов.

...пришли бухарцы в Сибирь...— См. комм. к с. 20.

...до Агитъскаго городка...— Агитская лука на р. Вагае, где был убит Ермак. В начале XVII в. на этом месте был построен укрепленный острог.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Сибирские летописи, публикуемые в данной книге, широко бытовали в рукописных литературно-исторических сборниках, летописно-хронографических компиляциях XVII—XVIII вв., как в Сибири, так и за ее пределами. Они пользовались необычайной популярностью во всех слоях тогдашнего общества; их читали — солдаты, крестьяне, посадские и торговые люди, «дети боярские» и дворяне, казаки и священнослужители... Они были для них собственной историей, написанной, по меткому замечанию автора одного из вариантов Строгановской летописи: «...в пользу чтущим, состаревшимся людям на послушание, а младым людям в научение и поощрение, а глаголющим многого разума на внимание, воином на храбрость. А древним на память». Для нас сибирские летописи также «живое» общение с историей прошлого, с целым рядом событий и людей, включивших когда-то Сибирь в сферу наших интересов.

Летописи сибирские... Под этим названием известны краткие и пространные повести и летописцы о походе Ермака в Сибирь против «Кучума — царя прегордого», о строительстве городов и острогов, о первых сибирских воеводах, об учреждении Тобольской архиепископии, о «землицах незнаемых».

Если прочесть все известные сибирские летописи — от краткого Румянцевского летописца конца XVI в. до Сибирского летописного свода конца XVII в. — одну за другой, то из калейдоскопа впечатлений складывается единая панорама Сибири — так в то время называлась русскими вся территория от западного склона Уральских гор до Курильских островов, находившаяся в ведении Сибирского приказа.

В предлагаемом издании публикуются наиболее яркие образцы сибирской летописной традиции, связанной с рассказами о походе Ермака в Сибирь, о первых годах ее освоения: Румянцевский летописец, написанный в Москве; Хронографическая повесть — явно енисейского происхождения; Погодинский летописец — из Тобольска или Тары; Строгановская летопись, возникшая в вотчинах солепромышленников на Урале; Бузуновский летописец, возможно, из Чердыни; Пустозерский, связанный с Русским Севером; «Описание Сибири» — сказание, записанное в Тобольске и отработанное в Посольском приказе в Москве, изданное на голландском языке в конце XVII в. амстердамским губернатором Н. Витзенем; Кунгурский летописец, написанный в Кунгуре. Они воспроизводят практически все версии похода Ермака в Сибирь в начале 80-х годов XVI в.

Рукописи первых сибирских рассказов, возникавших сразу за событием — походом Ермака, погибли под пепелищами пожаров, столько раз сметавших города и остроги старой Сибири, и, вероятно, навеки скрыты от нас. Однако сибирские служилые люди: казаки и пушкары, рейтары и дети боярские, передавая из уст в уста «сказы» очевидцев и бывалых людей о взятии Сибири и ее покорении, донесли до составителей летописных повестей множество исторических свидетельств, лишь «отчасти окрашенных народной фантазией». Почти все из известных нам сибирских летописей сообщают нам новые сведения, явно заимствованные из рассказов казаков. Эпизоды из жизни Ермакова войска, наполненные правдивыми и скрупулезными деталями, могли быть пере-

даны только очевидцами. Как известно из документов Сибирского приказа, участники похода Ермака в Сибирь были живы еще в середине 20-х и даже в 30-е годы XVII в.

«Устные летописи» появились задолго до обращения первого сибирского архиепископа Киприана к казакам с просьбой составить «списки» боев Ермака с «кучумляны» и имен убитых казаков. Первый вариант «устной летописи» дошел до нас в Краткой Кунгурской летописи, вошедшей в состав ремезовской «Истории Сибирской». О народности Кунгурского летописца, близости его казачьей литературе писали многие известные исследователи. Подробности в изложении событий настолько реальны, что не остается сомнений — рассказ ведут участники похода или очевидцы. Но так или иначе это — казачья летопись, произведение, выросшее в среде, окружавшей Ермака. Автор пытается, хотя и в своей огласовке, дать названия всех мест и урочищ, по которым проходит Ермак. Ермак «устной летописи» Кунгурского варианта походит на героя цикла народных песен о Ермаке-атамане: та же воинская хитрость, мужество, то же «братское» отношение с подчиненными казаками, та же «коллегиальность» руководства в войске.

Второй тип «устной летописи» восстанавливается нами по «Описанию Сибири» Никифора Венюкова, который был в Тобольске 14 января 1686 года по дороге в Китай и на обратном пути. Этот труд интересен вставленным в него рассказом о взятии Сибири, цельным рассказом с удивительными подробностями. Мы находим здесь эпизод «о двух пушечках Кучума», который известен по ремезовской «Истории Сибири» и по шлецеровскому списку краткой повести «О взятии Сибири».

Соблюдая внутреннюю погодную логику событий, автор несколько трансформирует «устную летопись», внося в нее совершенно традиционные формы прямой речи, присущей воинской повести, речи князя, обращавшегося к своим воинам. Однако эти «речи» могут быть вычленены сразу, так как не входят органически в поэтическую структуру рассказа о взятии Сибири. А сам рассказ — поэтическое народное повествование о Ермаке Тимофеевиче. Отсюда и своеобразный характер единства исторически достоверного факта с поэтической формой его передачи, свойственной исторической песне и сказаниям конца XVI — начала XVII вв. Под чисто поэтической внешней формой, ставшей к концу XVII в. всего лишь «этикетом» для исторической песни, в «сказании» Н. Венюкова лежит реальный исторический факт: «И посла (Кучум.— Е. Д.-С.) вместо царских грамот стрелы свои позолоченные, чтоб другой посылокки не дожидались, понеже де идет на нас неведомо какой лютой неприятель». Стрелы с изображением шайтана рассылались Кучумом и позднее его сыновьями — заговорщиками Алеем, Ишимом, Куйбей-Муратом, Канаем и Азимом как призыв к войне, предупреждение об опасности. Сыновья и внуки Кучума хотели «воевать» Тобольск, дабы вернуть себе «отчий престол». В 1609—1612 гг. такую стрелу-призыв захватили русские сборщики ясака, и заговор был раскрыт.

Живой народный язык, отличное знание автором деталей похода, последовательное временное изложение событий позволяет нам отнести этот рассказ (по происхождению) к «устным летописям» начала XVII в., бытовавшим, вероятно, вплоть до конца XVII в. (80-е гг.) в рассказах «бывальцев», о которых упоминают почти все сибирские летописцы.

Кроме того, интересные данные могут быть извлечены из

«Сказания Сибирской земли», т. е. из так называемого Бузуновского летописца, несущего в себе казачьи сведения о Ермаке. Это еще один вариант «устной летописи», найденной А. А. Дмитриевым в сборнике конца XVIII в. в одном из соликамских сел. Он сообщает интересные сведения о происхождении Ермака.

«Сказание», единственная из всех летописей, дает свое решение вопроса о призвании атаманов с Волги и о службе их у Строгановых. Если большинство летописей отрицает факт призвания атамана Строгановыми или, наоборот, только положительно относится к вопросу, то «Сказание о Сибирской земле» дает попытку компромиссного решения, Ермак сам прибегает в «вотчину Строганову», но в это время «в Строгановы городки... пришел волно из вогулич пелымской князь во многом собрании. И воевода Максим Строганов просил ево, Ермака, чтобы он от того пелымского князя оборонил. Ермак же не преслуша... и вотчины Строганова выручил...»

У истоков официального направления в сибирском летописании лежит повесть «О стране Сибирской и о сибирском от Ермака взятии», изданная в 1907 году под названием Румянцевского списка Есиповской летописи. Еще П. И. Небольсин в 1848 году, назвав эту повесть по поздней приписке на рукописи повестью «О Сибири», опубликовал ее как «первообраз Есиповской летописи». Однако издатель сибирских летописей Л. Н. Майков, видимо отвергая точку зрения П. И. Небольсина, считал повесть одним из пяти ординарных сокращений Есиповской летописи.

Повесть «О Сибири», действительно, является одной из кратких сибирских летописей. В то же время она содержит все наиболее существенные сведения о сибирском походе официального направления, представленного в апогее Есиповской летописью основной редакции. Она начинается с краткого космографического предисловия, поэтически рисующего красоты и богатства Сибири. Создатель повести знакомит нас прежде всего со «страной Сибирской», как это и отражено в заглавии. Он сообщает о реках, больших и малых, о водном пути из Туры в Обь, к устью «морья-Окияна», о сибирских народах, которые живут «по сих реках», кратко излагает историю сибирских царей и хронографически обосновывает топоним «Сибирь».

Повесть «О Сибири» написана опытным книжником, видимо, как статья большого летописного свода, так как практически она не встречается в другом литературном окружении, хотя вполне возможно, что еще далеко не вся рукописная традиция этой повести выявлена. Она дошла до нас в нескольких видах. Один из них является протографом центральных глав Есиповской летописи. Другой вид лег в основу статьи «Сказание о Сибирском царстве и о взятии» общерусского летописного свода 1652 года. И, наконец, в сильно сокращенном варианте попал в Мазуринский летописец.

Повесть «О Сибири», как указывалось выше, содержит краткое описание версии «иных летописцев» о призвании Ермака с Волги Строгановыми. Поиски источника этих сведений приводят нас прежде всего к краткой редакции Строгановской летописи, имеющей в рукописной традиции название «О взятии Сибирском». Несмотря на лаконичность стиля, повесть «О Сибири» оказывается распространенной Строгановской краткой летописью. Там, где в летописи событие передается единой фразой («И начаша приступати к засеке и одолеша их»), в повести «О Сибири» звучит достаточно подробный, выдержанный в литературных тради-

циях рассказ: «Приступиша к засеке, и бысть брань велия, погании же пустиша тьмочисленные стрелы, и сеча зла бысть, за руки имающиеся сечахуся, и начаша казаки одолевати».

Которая из двух повестей составлена раньше, трудно сказать. Но то, что обе повести имели единый протограф, повествовавший «о взятии сибирском» и завершившийся эпизодом захвата Сейдяка, несомненно. Возможно и то, что в этом протографе не звучало имен Строгановых, иначе автору повести «О Сибири» едва ли пришлось обращать наше внимание на существование «иных» версий. Рассказ протографа, с одной стороны, лег в основу официального варианта повествования «о завоевании Сибири», а с другой — был использован в частном летописном предприятии Строгановыми.

Строгановская летопись основной редакции имеет пространное название, первая фраза которой отсылает нас к заголовку Строгановской краткой, связь с которой Строгановской основной редакции ясна. Последняя фраза (о святительском престоле) встречается не во всех списках, но самый ранний из имеющихся содержит ее. Эта фраза уточняет начальную дату рукописи 1621 год, годом создания сибирской архиепископии. Необходимо сразу оговориться, что сам текст Строгановской основной летописи повествования о создании этой архиепископии не содержит. Ведущая сюжетная линия повествования строится на основе сведений краткой Строгановской летописи, повести «О Сибири», или ее протографа, и Синодика.

Исследователи не раз отмечали специфический литературный характер Строгановской летописи основной редакции. Описание боев, картин бегства татар, плачи-монологи несут на себе яркий отпечаток вкусов писателя, создававшего эту летописную повесть. Он любит детализированный рассказ, и вместо кратких фраз протографа (типа: «Устремишася они супротив крепко биющеся») в повести возникает: «Рустии же люди начаша стреляти из пищалей своих и из пушечек скорострельных, и из дробовых, и из затинных, и шпанских, и из аркебузов, и сими побивающе поганых безчисленное множество».

Особую редакцию Есиповской летописи представляет собой Погодинский летописец. Как и «Слово о Сибирской стране», он сокращен и дополнен любопытными источниками, которые повествуют о пути Ермака в Сибирь с Яика и Иргизских вершин, о переходе «девятиста человек» — оставшихся в Сибири после гибели Ермака казаков — через Собь и Пустоозеро, о внезапном нападении татар на Богдана Брюзгу (Брязгу.— Е. Д.-С.) под Абалаком. В Погодинский летописец включен также нетрадиционный рассказ о посольстве «сеунщиков» — атаманов и казаков в Москву, к Ивану Грозному. Почти все вставки поражают точностью деталей, стремлением к документальности.

Автор Погодинского летописца, широко использовавший рассказ очевидца, между тем сохраняет официальную точку зрения на события сибирского похода ермаковцев. Он исключает все факты, связанные с разбойной биографией Ермака, называя казаков «государевыми людьми».

СОДЕРЖАНИЕ

РУМЯНЦЕВСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ	5
ХРОНОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ	35
ПОГОДИНСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ	57
СТРОГАНОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ	105
БУЗУНОВСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ	191
ПУСТОЗЕРСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ	213
«ОПИСАНИЕ СИБИРИ»	223
КУНГУРСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ	245

ЛЕТОПИСИ СИБИРСКИЕ

Составитель и переводчик

Елена Ивановна
Дергачева-Скоп

Редактор И. И. К в а н с к а я

Художник Е. Ф. З а й ц е в

Художественный редактор В. П. М и н к о

Технический редактор В. В. З л о б и н а

Корректор В. В. Т у р к е в и ч

ИБ № 2831

Сдано в набор 17.06.91. Подписано в печать 20.11.91. Формат
84×108¹/₃₂. Бум. газетная. Гарнитура литературная. Печать
высокая. Усл. п. л. 14,28. Усл. кр.-отт. 14,28. Уч.-изд. л. 14,49.
Тираж 30000 экз. Заказ № 60. Цена 5 р.

Новосибирское книжное издательство, 630076, Новосибирск,
Вокзальная магистраль, 19. ППО «Печать», 630007, Но-
восибирск, Красный пр., 22.